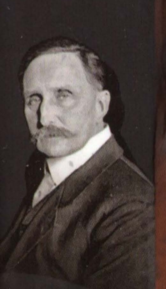

СУМРАЧНЫЙ ГЕНИЙ III РЕЙХА
Карл Хаусхофер

А.В. Васильченко

СУМРАЧНЫЙ ГЕНИЙ III РЕЙХА
Карл Хаусхофер

HISTORY FILES

А.В. Васильченко

СУМРАЧНЫЙ ГЕНИЙ III РЕЙХА.

КАРЛ ХАУСХОФЕР. ЧЕЛОВЕК, СТОЯВШИЙ ЗА ГИТЛЕРОМ

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3
В19

Васильченко, А.В.

В19 Сумрачный гений III Рейха. Карл Хаусхофер. Человек, стоявший за Гитлером / А.В. Васильченко. — М. : Вече, 2013. — 304 с. — (History files).

ISBN 978-5-9533-5437-0

Знак информационной продукции 16+

Жизнь Карла Хаусхофера была в равной мере загадочной и трагичной. Хотя бы по этой причине она обрастала огромным количеством мифов. Баварский кадровый офицер фактически создал новую научную дисциплину — геополитику. Сейчас ее изучают во многих российских университетах, хотя еще недавно она считалась «реакционной концепцией, использующей извращенно истолкованные данные физической и экономической географии для обоснования и пропаганды агрессивной политики империалистических государств». Жизнь Карла Хаусхофера пришлась на перелом эпох — он был свидетелем гибели и трансформации многих государств. Принципиальный сторонник континентальной политики, он выступал за тактический союз Германии, России и Японии. Однако на Западе его предпочли провозгласить «учителем Гитлера», хотя Хаусхофер не был нацистом и всего лишь несколько раз встречался с фюрером. Парадоксальные выводы, сделанные в научных работах, смелые геополитические проекты и трагическая гибель — все заставляет заполнять пробелы в биографии Хаусхофера выдумками и домыслами. В книге историка Андрея Васильченко приводится не только первое отечественное жизнеописание создателя геополитики, но и никогда не публиковавшаяся ранее на русском языке переписка Хаусхофера и Рудольфа Гесса, заместителя фюрера по партии.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3

ISBN 978-5-9533-5437-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

3 мая 1941 года Генрих Гиммлер получил следующее письмо: «Глубокоуважаемый господин рейхсфюрер СС! С большой радостью я узнал, что теперь выполнение народно-политических заданий[1], к которым я на протяжении всей своей жизни питал особую слабость, находится под Вашим твердым и целеустремленным руководством. Я узнал также от оберфюрера Берендса, что, прежде чем предпринять окончательные шаги по формированию нового большого народного союза, Вы хотели бы поговорить со мной в штаб-квартире фюрера с глазу на глаз, чтобы я в старых армейских традициях мог Вам передать "караул", а именно мой многолетний опыт. Поскольку от Вас последовал приказ, то я с радостью готов предоставить себя Вам в распоряжение. Однако я хотел, чтобы Вы благосклонно отнеслись к одной моей просьбе. У меня, к сожалению, в отличие от Вас или заместителя фюрера, нет в служебном пользовании ни железнодорожного состава, ни самолета, ни автомобиля. Поэтому мне хотелось бы уточнить, насколько своевременно мне надлежит прибыть в указанное место. Поскольку мне предстоит

---

[1] В Третьем рейхе под «народной политикой» подразумевалось взаимодействие с группами этнических немцев, которые проживали за пределами Германии.

прибегнуть к транспортным средствам, доступным для простых смертных, то имеется возможность, что я опоздаю. Есть ряд стесняющих мое передвижение обстоятельств. 16 и 17 мая в первой половине дня я читаю доклады в Галле. 23 мая и в последующие дни я делаю их в Страсбурге. Вероятно, в перерывах между докладами мне придется отбыть в Эльзас. Судя по сведениям, которые мне представил д-р Берендс, Вы желали, чтобы я прибыл к Вам на доклад в первых числах мая. Поэтому для того, чтобы наша встреча состоялась, надо учитывать мои возможности с поправкой на “где?” и “когда?”. Пребываю в радостном предвкушении от встречи с Вами». Отправителем этого в некоторой степени ироничного письма был генерал в отставке, профессор Карл Хаусхофер.

Гиммлера всегда интересовала деятельность возглавляемой Хаусхофером «Немецкой Академии». Во многом это было связано с деятельностью эсэсовского исследовательского общества «Наследие предков». Рейхсфюрер СС, в отличие от многих партийных бонз, никогда не скрывавший своих симпатий к немецкой профессуре, пытался придать Аненэрбэ статус академической структуры. По этой причине он с 1936 года оказывал финансовую поддержку «Немецкой Академии». В некоторый момент исполняющим обязанности ее директора стал мюнхенский профессор Вальтер Вюст, который, кроме всего прочего, являлся научным куратором «Наследия предков». Получив должность в «Немецкой Академии», он невольно оказался втянут в битву за влияние на научно-культурную сферу. Действительно, в середине 30-х годов за «Академию научных исследований и обеспечения немецкой самобытности — Немецкую Академию» развернулась нешуточная борьба.

Эта организация была открыта еще в 1925 году при активном содействии Карла Хаусхофера, (ее президентом он стал уже после прихода к власти национал-социалистов). Долгое время «Немецкая Академия» была общественным учреждением, которое занималось разработкой идей геополитики и фёлькише-идеологии. То, что эта организация некоторое время не была унифицирована национал-социалистическим режимом, объяснялось личным покровительством Рудольфа Гесса, близкого друга Хаусхофера. В 1936 году Академия стала испытывать чрезвычайные финансовые трудности. Тогда стало ясно, что она потеряет свой независимый характер, перейдя под контроль либо партии, либо государства. Первыми претендентами на владение выступили Имперское министерство иностранных дел и зарубежная организация НСДАП (Академия делала акцент на защите немецкой культуры за пределами Германии). Не являясь специалистом в закулисной борьбе, Хаусхофер в апреле 1937 года назначил перевыборы руководства этого учреждения, что и предрешило судьбу Академии. Почему пост директора был предложен именно одному из руководителей «Наследия предков» — Вальтеру Вюсту, до сих пор остается понятным. Но, так или иначе, это было на руку Аненэрбэ. Подобное развитие событий также потворствовало научным амбициям Гиммлера. Организационный руководитель Аненэрбэ Вольфрам Зиверс писал в то время рейхсфюреру, что, как только Вюст станет президентом, влияние СС в Академии станет более чем существенным. Однако научный куратор «Наследия предков» не смог стать полновластным директором Академии, так как разделил этот пост с баварским министром-президентом Людвигом Зибертом.

Вопреки ожиданиям Зиверса, Вюст так и не превратил «Немецкую Академию» в оплот СС. Но рейхсфюреру СС было все равно — он прекрасно понимал, что «Немецкая Академия» не имела столь большого значения, как созданный в 1932 году «Институт Гёте», который контролировал все немецкие культурные и образовательные программы за рубежом. Однако пост одного из директоров Академии придавал Вюсту большой престиж в обществе. Именно по этой причине в 1940 году Розенберг, являвшийся конкурентом Гиммлера в области культурно-политических разработок, пытался сместить Вюста с этой должности. Показательно, что Гиммлер готов был пожертвовать своим сотрудником, даже не посоветовавшись в ним. Розенберг, крайне заинтересованный в сотрудничестве своей «партийной высшей школы» и «Немецкой Академии», обратился к Рудольфу Гессу, предлагая ввести в состав правления Р. Хардера (он тогда еще не знал, что этот ученый уже решил перейти в стан рейхсфюрера СС). «Здесь вызывает сомнение личность профессора Вюста, — писал рейхсляйтер Розенберг в письме Гессу, — который, как и ранее, не имеет веса в партии». Розенберг предложил разделить контроль над Академией (после того, как туда был бы введен Хардер) между его «партийной высшей школой», министерством воспитания и зарубежной организацией партии. Узнав о таком предложении, Гиммлер решил не бороться далее за структуру, которая не давала СС никаких преимуществ. И настоял на том, чтобы Вюст ушел со своего поста и не втягивался в «междоусобную войну». Он направил профессору текст, который тот должен был озвучить на заседании правления Академии: «Поскольку моя фигура осложняет сотрудничество между “высшей школой” и “Немецкой Академией”, я решил сложить с себя пол-

номочия исполняющего обязанности директора Академии». Некоторое время спустя Вюст выполнил приказ Гиммлера. Но тут его ждали сюрпризы. Правление во главе с Зибертом не приняло отставки! Не подействовали даже аргументы, которые приводил Розенберг! В последующем философ Альфред Боймлер, представитель Розенберга, пытался внушить Зиберту, что в Академии давно уже укоренились «либеральные силы», намекая на консервативную позицию Вюста. Изменение руководства произошло только в 1942 году после смерти Зиберта. Тогда и Розенберг, и Гиммлер потеряли всяческий интерес к Академии. В то же время ею заинтересовался Йозеф Геббельс, собиравшийся использовать ее для пропагандистских целей.

Рассказанная выше история была лишь одним из эпизодов борьбы за власть в национал-социалистической Германии. Такова была реальность Третьего рейха. Впрочем, в последнее время в околоисторической литературе прослеживается отчетливая тенденция подменять реальность выдумками. Не миновала участь сия и Карла Хаусхофера. Если верить «фантастам от истории», то перед своей смертью Дитрих Эккарт, учитель только что появившегося на политической сцене Гитлера, направил Карлу Хаусхоферу длинное послание. Это было как бы намеком на то, что Хаусхофер должен был сменить Эккарта на посту «наставника». В конце этого послания якобы давались «детальные указания». Сразу же оговоримся, весь этот сюжет — фантастика чистейшей воды. Карл Хаусхофер не только не был дружен с Дитрихом Эккартом, а вообще не был с ним знаком! Однако, чтобы доказать «магическое наставничество» Эккарта, постоянно приводятся его слова, которые, по одной версии, он написал, по другой — произнес перед смертью:

«Следуйте за Гитлером! Он будет танцевать, но музыку для него нашел именно я. Мы снабдили его средствами связи с Ними. Не скорбите по мне: я оказал на историю большее влияние, нежели кто-то из немцев».

Если верить «историкам-фантастам», то профессор Карл Хаусхофер продолжил начатое Эккартом дело, то есть посвящение Гитлера в «тайные науки». Походя генерал и создатель геополитики превратился в «высшего посвященного» общества «Туле» и едва ли не самого главного мага Третьего рейха. Причем в некоторых версиях Хаусхофер является самым важным элементом в головоломке «оккультного рейха». Именно он становится отправной точкой для того, чтобы общество «Туле» (в котором он никогда не состоял) оказалось вмонтировано в фантастическую конструкцию «магического национал-социализма». «Оказывается», Хаусхофер принадлежал к группе «искателей истины», которая сложилась вокруг Георгия Ивановича Гурджиева, который в литературе выступает не только как агент русской тайной полиции, но и как учитель молодого Далай-ламы. Нас же должно интересовать, что Гурджиев, якобы был «гуру» Хаусхофера. Он опять же якобы посвятил его в свое тайное учение в (и тут даты у разных авторов существенно расходятся) то ли 1903, то ли 1905, то ли 1906, то ли в 1907 году. Одним словом, тогда, когда Хаусхофер был на Тибете. Якобы эта связь никогда не разрывалась. Более того, именно Гурджиев через Хаусхофера предложил свастику в качестве эмблемы национал-социалистического движения. Но духовное развитие Хаусхофера на этом не остановилось. Если верить некоторым авторам, то он в 1923 году создает специальную эзотерическую группу, члены которой вдохновляются тибетской мистикой.

В этой фантастической версии истории Хаусхофер являлся не просто членом общества «Туле», но и принадлежал к берлинской «Ложе братьев света», которая иногда еще называлась обществом «Вриль». По версии «историков-фантастов», «Вриль» являлось филиалом созданного в 1887 году британского тайного общества «Золотая заря». «Золотая заря» использовала традиции розенкрейцеров и ставила перед собой цель обрести знания и силу при помощи церемониальной магии. Некоторые фантазеры утверждали, что Хаусхофер стал членом общества «Вриль» только после того, как провел обряд посвящения Гитлера. «В правлении общества тибетские ламы, японские буддисты, члены других восточных сект сидели плечом к плечу вместе с учениками Гурджиева, членами розенкрейцерских орденов различного градуса посвящения, с бывшими членами парижской ложи "Золотая заря" и сомнительными личностями вроде Алистера Кроули, создавшего "Орден восточных тамплиеров"». По этой версии, все более-менее влиятельные оккультные группы были гармонично объединены под крышей общества «Вриль», которое и являлось «истинным» создателем Третьего рейха. «Внутренний круг» «Вриля» был представлен обществом «Туле» и «Германским орденом».

Мнимые связи Хаусхофера с Гурджиевым, обществом «Вриль» и, конечно же, обществом «Туле» уже давно стали «общественным достоянием» из области историко-фантастической литературы. Отнюдь не в каждой книге этого жанра можно найти упоминания о Рудольфе фон Зеботтендорфе, Дитрихе Эккарте или Вольфраме Зиверсе, но там неизменно присутствует фигура Карла Хаусхофера. Якобы именно Хаусхофер посвятил Гитлера в «тайные науки», когда посетил его во время заключения в крепости Ландсберг. Однако если же мы попытаемся

соотнести эти выдумки с реальной жизнью генерала и профессора геополитики, то обнаружим, что легенды фактически не имели ничего общего с действительностью. Для того чтобы понять их нелепость, достаточно взглянуть на биографию Карла Хаусхофера, что мы и предлагаем сделать в этой книге. А пока необходимо подчеркнуть, что Хаусхофер никогда не был на Тибете, не состоял ни в обществе «Туле», ни в обществе «Вриль» (факт существования которого до настоящего момента вообще не доказан). Он не посвящал Гитлера в «тайные науки». Он вообще встречался с Гитлером в период с 1922 по 1938 год не более десяти раз. Впрочем, это не делает биографию этого удивительного и противоречивого человека менее интересной.

ГЛАВА 1
ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Передать многочисленные тона и оттенки жизни, деятельности и научных идей генерала и профессора Карла Хаусхофера во всем их многообразии не просто сложная, но фактически невыполнимая задача. Жизнь этого человека была настолько бурной и непредсказуемой, что ее едва ли можно оценить в рамках одной книги. Не менее трудно отдать должное всемирно известному создателю геополитики, не приведя при этом десяток его принципиальных работ, которые имели как свои слабые, так и сильные стороны. Всегда будет существовать риск несколько однобоко показать эту фигуру, которая сыграла немалую роль в германской и мировой истории. Подобного рода риски будут неизбежными, если принять во внимание, что на протяжении десятилетий советская историография изображала Карла Хаусхофера исключительно как теоретика «германского фашизма», который дал Гитлеру идею о «завоевании жизненного пространства». Собственно, даже сама геополитика была провозглашена лженаукой. Сейчас отношение к Хаусхоферу и созданной им геополитике изменилось. Курсы по основам геополитики читаются на общественно-политических факультетах российских высших

учебных заведений. Переведены на русский язык все основные труды Хаусхофера. Впрочем, во всем этом почти не нашлось места личности самого профессора. Он обычно изображается исключительно как создатель новой науки, но не как путешественник, который был связан с миром Европы и Азии, не как консервативный баварский монархист, позволявший себе тем не менее либеральный образ мышления, не как офицер, не как журналист, не как теоретик воспитания народа, считавший, что необходимо было учитывать печальные итоги Первой мировой войны. Понять Хаусхофера значит учитывать дух времени, в которое он жил, оценить его окружение. Без учета множества биографических сведений, например деталей его заграничных командировок и путешествий, едва ли возможно постигнуть смысл идей, который выдвигал Хаусхофер. Он был символом своего поколения, представителем немецких интеллектуалов межвоенного времени, которые, движимые самыми благородными побуждениями, оказались причастными к трагическим событиям 30—40-х годов XX века, в итоге приведшим к разделению Германии.

Карл Хаусхофер появился на свет 27 сентября 1869 года. Его отцом был Макс Хаусхофер, профессор Мюнхенского технического университета. Мать Карла Хаусхофера, фрау Адельхайд была дочерью директора ветеринарного института Карла Фраса. Род Хаусхоферов был очень древним, его корни можно было проследить до XIV века. Об имении Хаусхоферов (Хаусхофен при Фогларне близ Пассау) впервые сообщалось в документе, датированном 1352 годом. Если по отцовской линии Карл Хаусхофер был связан с древними баварскими фамилиями, то по материнской линии его род проходил из северных земель Германии, из Фрисландии.

Жизненный путь со всеми его взлетами и падениями, который пришлось пройти Карлу Хаусхоферу, едва ли можно сравнить с биографией какого-то из его современников. Дело было даже не в том, что герою нашего повествования пришлось проявить себя в самых различных ипостасях: путешественник, баварский офицер, офицер генерального штаба, командир дивизии, профессор Мюнхенского университета, автор полутысячи научных публикаций и т. д. О беспрецедентности жизни Карла Хаусхофера можно говорить в силу того, что он постоянно прилагал немыслимые интеллектуальные усилия, предпринимал все возможное, чтобы собранные им научные сведения оказались воплощенными в жизнь. То есть Хаусхофер в каждодневной своей деятельности пытался изменить мир согласно собственным представлениям. Во многом это было связано с его ранним детством, когда Карл, будучи еще учащимся школы, проявил исключительный интерес к географии и истории. Он также не переставал восхищаться природой, что было заложено в него воспитанием в родительском доме. По большому счету, таких домов было несколько. Юный Хаусхофер проводил много времени в доме своего дедушки Фраса в Швабинге (пригород Мюнхена) и на одном из островов на озере Кимзее. Эти места позже он назвал «двумя полюсами счастья». Именно там Карл Хаусхофер с раннего детства впитывал в себя впечатления, которые позже во многом предопределили его жизненный путь. Его дед, равно как и родители, не был лишен художественных талантов, которые несомненно передались и Карлу. Об этом свидетельствуют сохранившиеся акварели, карандашные рисунки и несколько томиков стихов, написанных Хаусхофером. В творчестве и научной работе Карла постоянно поддерживала его супруга, фрау Марта. Подобно многим

людям, получившим блестящее образование, Карл Хаусхофер разрывался между своими мечтами и действительностью. Его и фрау Марту можно было назвать безнадежными мечтателями, однако они все-таки пытались претворить свои мечты в жизнь, изменить мир к лучшему.

В конце Первой мировой войны Карл Хаусхофер предпринял попытку написать свою биографию. Это была не законченная рукопись, а множество не совсем систематизированных набросков, которые тем не менее являются бесценным источником для историков. Сам же Хаусхофер, не очень довольный полученным результатом, замечал, что не слишком серьезно подошел к этому начинанию, а потому текст получился несколько суховатым, напоминающим научную статью. Книга так и осталась незавершенной. Хаусхофер продолжал работать над ней даже в 1944—1945 годах. Ему приходилось переосмысливать многие вещи, заново оценивать свою жизнь. Опасаясь, что его сочтут не совсем самокритичным, он сообщал потенциальному читателю: «Я постарался не написать ни одного слова, за которое бы я не смог ответить перед вечностью, не смог дать ответ в ином мире».

Поскольку о детских и юношеских годах Карла Хаусхофера фактически не сохранилось никаких сведений, то нам придется опираться на составленное им самим жизнеописание. С одной стороны, изображение этих лет подавалось в романтически окрашенных тонах. «То, что имело для меня конечную ценность, было домашним счастьем, родными ландшафтами, которые стали для меня моей страной детства. Это были дом и двор любимого города, в которых я играл. Затем это были горы с их озерами и лесами, порождавшими порывы души. Это был домик в прекраснейшей во всей Баварии высокогорной долине».

Однако детские годы Карла Хаусхофера были омрачены ранней смертью его матери. Она умерла в 1872 году, когда Карлу было всего лишь три года. Поэтому в воспоминаниях Хаусхофера встречаются и трагические нотки: «Я отчетливо помню боль, которую испытал от смерти моей молодой, прекрасной мамы Адель... Моя мать была поразительно красивой и стройной. Несмотря на ее раннюю смерть, я сохранил ее возвышенный образ. Даже сегодня, когда я бываю в некоторых уголках изрядно изменившегося Мюнхена, в моей памяти отчетливо всплывает ее нисколько не изменившийся облик. Я помню даже цвет и фасон ее платья из коричневого шелка, которое было украшено черными кружевами. Я вспоминаю ее, когда бываю в английском саду, на ступенях церкви Святого Людвига, по которым она вела меня, желая, чтобы я был таким же большим, как она сама. Я вспоминаю ее на Швабингском шоссе, где она помогала мне отражать атаку индюка, нападавшего на подаренную мне бабушками и дедушками красную шубку».

Именно в этой части воспоминаний Карл Хаусхофер говорил о «двух райских уголках, из которых жизнь выгнала меня, подвергла тяжким испытаниям, но не смогла лишить их совсем». «Это далекий большой сад моих бабушек и дедушек Фрасов, который находился близ Триумфальной арки… и остров на Химзее, где находился дом моего дедушки Макса Хаусхофера, профессора ландшафтной живописи в Пражской академии искусств». Находясь в постоянном творческом окружении, Карл Хаусхофер оказался причастным к искусству. «Если видишь вокруг себя неутомимых мужчин и женщин, которые в большинстве своем оказывались творчески активными людьми, то невольно с ранней юности начинаешь мечтать, поощрять свою творческую фантазию. После этого начинаешь презирать ску-

чающих ленивых людей, поскольку считаешь их бесполезными и бессмысленными».

С детства Карл привык, что свободный полет мысли требовал свободного пространства. Тогда для него этим пространством были три комнаты, в которых жил Карл Николаус Фрас. «Я до сих пор вижу его энергичную голову со строгим полицейским взглядом, увенчанную седой гривой и бакенбардами, подобающими английскому землевладельцу». Однако непосредственным воспитанием Карла все-таки занимался его рано овдовевший отец и бабушка Адельхайд Фрас. Последняя в свое время была придворной фрейлиной молодой греческой королевы Амалии. Она приехала в Афины из Ольденбурга. Всего же в браке она родила девять детей, трое из которых умерли в раннем детстве. Она была полной противоположностью волевого и энергичного «дедушки Фраса». Она была утонченной дамой, даже в старости не прекращавшей быть светской особой. В свое время свадьба Карла Николауса Фраса и Адельхайд Фойт чуть было не закончилась трагедией. Греческие разбойники похитили дедушку Карла Хаусхофера вместе с богатым англичанином, когда они совершали ботаническую экспедицию. Карла Фраса спасло то, что он был врачом, а потому поневоле мог оказывать медицинскую помощь разбойникам. За англичанина же планировалось получить хороший выкуп. Когда с выплатой выкупа возникли проблемы, то англичанину отрезали уши и послали их в Афины с приложенным письмом, в котором сообщалось, что если деньги не будут заплачены вовремя, то англичанин может лишиться головы.

Карл Хаусхофер очень любил своего отца Макса Хаусхофера, но не мог не отдать должное своему «дяде Карлу», ученому-минералогу, блестящему акварелисту, который не

только написал несколько научных трудов, но и был специалистом в самых разных областях знаний. Карл Хаусхофер (дядя) начинал с изучения литейного и металлургического дела в Праге и Фрейбурге, однако решил не ограничиваться этой сферой деятельности. В возрасте 29 лет он стал профессором, а в 1889 году в возрасте 50 лет — директором знаменитого Мюнхенского технического университета. В 1892 году Карл Хаусхофер получил от принца-регента Луитпольда дворянский титул, после чего смог добавлять к своему имени аристократическую приставку «фон» — Карл фон Хаусхофер. Этот знаток природы и естественных наук смог оказать немалое влияние на своего тезку-племянника. В частности, он консультировал юного Карла, когда тот стал собирать свою первую коллекцию минералов.

Кроме того, «дядя Карл» был знатоком природных явлений, что сделало его весьма популярным среди местных крестьян, которые получали от него своего рода метеорологические прогнозы. Также Карл фон Хаусхофер был блестящим яхтсменом. Он даже пытался строить небольшие суда по собственным чертежам. Так, например, он создал ялик «Фён», который считался самым быстроходным на Химзее. Именно благодаря своему дяде Карл Хаусхофер с детства умел обращаться с парусами, что позже пригодилось ему во время парусных прогулок по озеру Тёплиц. Дядю и племенника во многом сближала любовь к кошкам. У Карла фон Хаусхофера был кот, которого в шутку прозвали «морским котиком». Он не только не боялся воды, но и постоянно сопровождал своего хозяина во время прогулок на ялике «Фён», забравшись ему на плечо. С таким же котом на плече был на одной из фотографий запечатлен и сам Карл Хаусхофер (племянник).

«Дядя Карл» был настолько разносторонним человеком, что к его помощи не раз прибегали органы власти. В частности, это произошло при учреждении банка «Райффайзен». Вдобавок он стал неким переходным мостиком между семьей Хаусхоферов и представителями баварской династии Виттельсбахов. Кроме всего прочего, надо отметить, что принцесса Тереза, принцы Людвиг, Леопольд и Арнульф в свое время являлись учениками Карла Николауса Хаусхофера, что еще больше усиливало эту связь. Необходимо сказать, что именно «дядя Карл» впервые в беседах со своим племенником заговорил о «геополитике». Не исключено, что именно эти беседы создали некий базис, на котором десятилетиями позже Карл Хаусхофер создал новую научную дисциплину — геополитику. Сам же он отмечал, что общение с родственниками и близкими людьми, которые всегда были готовы ответить на любые вопросы, в значительной мере предопределили развитие юного Карла. В то время мальчик восторгался стихами своего отца. Школа же, напротив, не оказала на Карла Хаусхофера принципиального влияния. Он находил занятия скучными, надоедливыми, не способствующими его интеллектуальному развитию. Впрочем, даже здесь были свои исключения. В качестве таковых Хаусхофер в своих воспоминаниях приводил имена нескольких преподавателей: учителя истории и географии Хундсбергера и учителя Закона Божьего Месмера, который был первым, кто указал Карлу на то, что тот должен был выбрать профессию журналиста. Именно Месмер привил Карлу Хаусхоферу интерес к истории Древнего мира и истории религии. Сам же Карл отмечал, что многие моменты в понимании древней истории давались ему очень тяжело, так как он не проявлял особых талантов в освоении иностранных

языков. Ситуация изменилась, когда Карла перевели в гуманитарную гимназию, располагавшуюся на Людвигштрассе. Здесь он смог преуспеть в изучении древних языков.

После окончания гимназии Карл Хаусхофер оказался перед нелегким выбором. Вся его юность прошла под знаком искусства и науки. Однако он опасался, что так называемые «свободные профессии» не смогут принести достаточного количества средств. Это была оборотная сторона творческого существования. Он прекрасно помнил слова своей бабушки, которая жаловалась на то, что дед не смог оставить достаточного количества денег, которых бы хватило для воспитания нескольких детей. По этой причине без каких-либо наставлений со стороны отца Карл решил сделать военную карьеру. Кроме того, он убеждал себя в том, что военная форма была чем-то вроде тоги римского патриция, то есть служба в армии рассматривалась им как честь.

В своих воспоминаниях Карл Хаусхофер отмечал, что настроения в баварских армейских частях принципиально отличались от прусского военного духа, который господствовал на севере Германии. «Это было чувство защищенности, которое я редко испытывал за переделами Баварии и которое, кажется, полностью сейчас утрачено в Европе. Тем больше я по нему скучаю». Хаусхофер подчеркивал, что в отличие от прочих германских земель в Баварии того времени никогда не выпячивались сословные различия, не культивировался кастовый дух. «Представители различных сословий спокойно общались друг с другом, каждый из них выигрывал в чем-то своем, каждый крепко стоял на ногах». Что касалось службы в армии, баварцы принципиально выделялись тем, что среди них никогда не происходило разделения на офицерский корпус и солдат. Этот

принцип стал проникать в южные земли Германии многими годами позже.

Выбор офицерской карьеры во многом был спровоцирован школьными друзьями Карла Хаусхофера. Многие из них решили направиться в армию. Среди них были, например, Филипп фон Бранд-Найдштейн и приобретший известность сначала в качества командира фрайкора, а затем национал-социалистического активиста Франц фон Эпп. Первоначально отец Карла Хаусхофера решил направить письмо в один из баварских полков. Вскоре пришел ответ, из которого следовало, что в этой части не было свободных мест. В данной ситуации отец Карла решил задействовать свои связи. Он был дружен в том числе с полковником Теодором фон Бомхардом, который работал референтом в военном министерстве. Тот сообщил, что имелась возможность попасть в армию, если бы Карл Хаусхофер вначале прослужил год добровольцем в 1-м полку полевой артиллерии. Предполагалось, что за год можно было бы найти шанс для повышения.

Поступление добровольцем в один из баварских полков не было связано с какими-то излишними бюрократическими проволочками, а потому Карлу Хаусхоферу не потребовалась помощь его отца. Однако юноше приходилось экономить почти на всем. Он был вынужден снять поблизости от казарм Макса II меблированную комнату. Рано утром он покидал ее, чтобы направиться в часть, и возвращался поздно вечером смертельно уставшим. Впрочем, ему не пришлось ожидать целый год. Под Рождество 1887 года Карл Хаусхофер был принят на место ушедшего в запас служащего. Это произошло не без помощи Теодора фон Бомхарда. После этого юноше быстро был присвоен чин унтер-офицера, а весной 1888 года он был направлен

в военное училище, где предстояло пройти специальную военную подготовку. Карл Хаусхофер вспоминал позже об «отличных преподавателях и благоустроенном заведении». Несмотря на то что занятия в училище были связаны с множеством трудностей, Карл Хаусхофер остался доволен этим периодом своей жизни. Он не был лучшим из учащихся, однако смог обратить на себя внимание нескольких преподавателей, и в первую очередь специалиста по тактике. Окончание военного училища, собственно, и стало стартом военной карьеры Карла Хаусхофера.

8 марта 1889 года, буквально накануне празднования дня рождения принца-регента Луитпольда, считавшегося в Баварии официальным праздником, Карлу Хаусхоферу был присвоен чин секунд-лейтенанта. В новом качестве он был направлен в полк, который на долгие годы стал объектом приложения сил молодого офицера. Впоследствии Карл Хаусхофер убедился, что он попал в одну из лучших баварских частей. Большинство офицеров имели явную склонность к культуре и искусству, что значительно облегчило несение службы Карлу Хаусхоферу. Он вспоминал: «Несмотря на многочисленные сплетни относительно офицерских бесед, мы говорили о высокой культуре». Кроме того, Хаусхофера не мог не радовать истинно товарищеский дух, которого, по его мнению, явно недоставало представителям творческих профессий и академическому миру.

Итак, служба в 1-м полку полевой артиллерии превзошла даже самые смелые мечтания Карла Хаусхофера. Только много позднее он признался себе в том, что офицеры его полка были отнюдь не общераспространенным явлением в германской армии, а, так сказать, лучшими из лучших. Они отличались не только способностями, но и высокими моральными установ-

ками. Это положительное обстоятельство в дальнейшем невольно вызвало разочарование Хаусхофера, когда тот столкнулся с «обыкновенными» офицерами. После того как Хаусхофер по очереди прошел службу в нескольких артиллерийских батареях, фон Трентини, командир полка, принял решение направить талантливого молодого человека на очередную учебу. Карла Хаусхофера ожидало артиллерийско-инженерное училище, которым командовал полковник фон Хартлиб.

ГЛАВА 2
СПУТНИЦА ЖИЗНИ

8 августа 1896 года состоялось бракосочетание Карла Хаусхофера и Марты Майер-Досс. Это событие, наверное, стало самым существенным происшествием в судьбе Хаусхофера. По крайней мере, оно оказало немалое, если не сказать решающее влияние на всю его оставшуюся жизнь. Марта была образованным человеком. Она обладала сильной волей, блестящим логическим умом. Ее отличало не только стремление к идеалам, но и способность к аналитическому мышлению. Как показала их совместная жизнь, Марта могла в любой момент оставить все дела и полностью сконцентрироваться на решении какой-то одной задачи. Наверное, ей не хватало творческого полета, интуитивных порывов, творческих устремлений. Однако этого было в изобилии у Карла Хаусхофера. Уже по этой причине супруги как бы дополняли друг друга. Это была истинная гармония, а не столкновение противоположностей, которое могло бы сделать несчастными любых людей. Это было удивительное, почти уникальное созвучие человеческих душ, которое очень редко можно встретить в нашей жизни. О том, что Марта была некоей путеводной звездой в жизни баварского офицера и профессора, можно судить по многочисленным стихотворе-

ниям, которые Карл Хаусхофер посвящал своей супруге. Они даже из жизни решили уйти вместе, совершив самоубийство в 1946 году.

Отец Марты, Георг Людвиг Майер, был юристом. В силу того, что это была очень распространенная фамилия, он прибавил к ней фамилию своей супруги, что позволяло ему избегать ненужной путаницы в делах. Отец Марты был весьма состоятельным человеком. В 1895 году он продал свою долю в деле, которое имел в Мангейме, чтобы иметь возможность переехать в Баварию. Он был сыном владельца табачной фабрики Рудольфа Майера, считавшегося очень уважаемым человеком в городе. Дед Марты по отцовской линии был не только членом городского совета, но и принимал активное участие в деятельности местного Национал-либерального союза. Карл Хаусхофер описывал его как весьма осторожного и рассудительного в делах человека. Он пытался быть благоразумным в своей коммерции. Это проявлялось и когда Рудольф Майер в 1895 году построил в Партенкрихене имение «Кристина», и когда в 1900 году он помогал молодой семье Хаусхофер построить собственный дом в Хартшиммеле. Дед Марты много путешествовал. По своим делам он посетил большинство европейских стран, однако жить предпочитал все-таки уединенно, ведя замкнутый образ жизни. Его сын во многом унаследовал эти черты. Карл Хаусхофер отмечал в своих воспоминаниях, что он проявил решительность лишь однажды, когда возжелал жениться на «сказочно-прекрасной Кристине фон Досс». Хаусхофер писал: «В этом браке, возникшем из сильной и самоотверженной любви, оказались смешаны различные поколения предков, разное наследие, разная кровь. В нем оказались соединены ветви германских, романских князей и патрициев,

крепкой баварской и швабской буржуазии с древнейшими семьями евреев-сефардов».

Мать Марты Хаусхофер, Кристина фон Досс, была последней в древнем роду. Только она и ее сыновья обладали правом носить это имя, равно как и дворянский титул. Ее отец был известным в свое время в Мюнхене юристом и философом. Также он являлся членом окружного суда. Адам фон Досс был женат на энергичной женщине Анне. Бабушка Марты по материнской линии Анна фон Досс (в девичестве Вепфер) имела самых различных предков. Среди них были врачи, крестьяне и рыболовы с Боденского озера. Адам фон Досс предпочитал звать свою супругу «Го». Именно бабушка в 1878 году занялась воспитанием Марты, так как Кристина после рождения дочери очень тяжело заболела. Даже годы спустя она не смогла полностью выздороветь, а потому Марта была первым и единственным ребенком в семье. Поскольку все домашнее хозяйство вела бабушка Анна, то ее влияние на внучку было очень сильным, много сильнее, чем влияние, которое оказывали родители. Марта проводила время у бабушки до того момента, пока ее родители официально не вступили в брак.

Бракосочетание еврейского предпринимателя Георга Людвига Майера и наследницы древнего аристократического рода Кристины фон Досс состоялось в 1875 году. Подобные союзы не приветствовались в Европе, а потому в своих заметках Марта Хаусхофер писала, что «это был выбор, продиктованный любовью». «Их любовь позволила не считаться с законодательными нормами и общественными барьерами, которые существовали между евреями и христианами. Могу лишь подтвердить, что мой отец видел в матери идеал женской красоты. Он полюбил ее с того момента, когда увидел в первый раз. Он предприни-

мал все возможное, чтобы сделать ее счастливой. Он буквально носил ее на руках и сдувал с нее пылинки. Даже пребывая в преклонном возрасте, он сохранил к ней ту удивительную нежность и уважение, которые присущи жениху и невесте или молодоженам». Если отец Марты являл собой явно активное начало, был одержим своей любовью, то Кристина фон Досс была более мягкой. Едва ли она испытывала в отношении своего супруга такое же всепоглощающее чувство.

В силу своей мягкой натуры она всего лишь ответила на сильные чувства своего возлюбленного. Кристина до самой старости сохраняла черты девичьей наивности, что придавало ей особое обаяние. Но это качество контрастировало с ее «метафизическим бесстрашием», в котором она себя проявила как истинная дочь юриста, обожавшего творчество Шопенгауэра. Она никогда не задавалась вопросом: был ли ее жених евреем или христианином? Для нее это не имело никакого значения, тем более что юная девушка воспитывалась в традициях, где никогда не учитывались расовые и религиозные доктрины. Она фактически не придавала никакого значения религии, о чем говорит один факт. Накануне бракосочетания с Майером, она даже не потребовала от своего жениха принять крещение, хотя тот был готов пойти на эту уступку. В итоге Георг Людвиг Майер крестился только вместе со своей дочерью Мартой. Кроме того, надо отметить, что среди родственников Марты не было никакого возмущения или недопонимания, когда она сообщила о своем выборе. Исключение составлял только ее дядя Адольф, который был иезуитом. На некоторое время он прекратил общение со своей племянницей. Однако он возобновил его, когда Майер принял крещение — этого было вполне достаточно для примирения. Марта Хаусхофер как-то написала: «Я могу

уверенно говорить о том, что это небольшое недоразумение отнюдь не омрачило брак моих родителей, который для многих был и оставался образцовым».

После окончания Первой мировой войны Марта Хаусхофер пыталась заниматься анализом своей личности, самостоятельно выявляла только ей присущие черты характера. Она полагала, что ее можно было понять, только принимая во внимание «расово-смешанное происхождение». Она полагала, что от своего отца, еврея-сефарда, далекие предки которого жили в Испании и Португалии, а затем переселились в Германию, она унаследовала склонность к пониманию многих вещей. Марта увязывала это с тем, что ее предки были из священнических родов Коэнов и Леви, считавшихся среди евреев своего рода аристократией. По матери Марта Хаусхофер происходила из древнего европейского рода, мужская линия которого прослеживалась с XIV века. Во время Тридцатилетней войны предки Марты, которые были католиками, перебрались в Южную Германию. Сама же Марта была убеждена в том, что унаследовала качества, присущие обеим ветвям ее предков. Принято считать, что отличительными чертами евреев были критичность и врожденный скепсис. Однако сама Марта придерживалась иного мнения, она полагала, что позаимствовала от своего отца жизнерадостность и стремление к познанию мира. В то же самое время от благородных предков матери по германской и романской линиям она приобрела потребность в «метафизической мировой скорби».

Она полагала, что ее воспитание было организовано таким образом, чтобы справиться со всеми ее естественными склонностями, преодолеть развитие всего, что девочка считала своей прирожденной потребностью. Ей пытались привить любовь

к учебе и домашним делам. Сама же Марта в детстве и юности предпочитала лазить по горам, забираться на деревья, заниматься гимнастикой, знакомиться с новинками книжного мира — одним словом, делать все то, что считалось совершенно предосудительным для благовоспитанных барышень. Однако, несмотря на все запреты, девочке нельзя было запретить думать. В итоге она стала очень рано предаваться глубокомысленным размышлениям. Не выброшенная во внешний мир энергия, которая должна была найти свое выражение в иных сферах, оказалась сосредоточена на построении девочкой своего внутреннего мира, где она вела свою потаенную жизнь. Это был своеобразный психологический механизм «замещения», который играл большую роль в построении идеальной, но выдуманной жизни.

Оглядываясь назад, Марта Хаусхофер, в отличие от многих известных людей, написавших мемуары, делила свою жизнь отнюдь не на семилетние периоды. Она предпочитала ориентироваться на дату 10—11 лет, начиная о себе рассуждать с восьмилетнего и девятилетнего возраста. Период 1877—1885 годов пришелся на ее раннее детство. Тогда ее воспитанием занималась некая «фрейлейн Плойю». Марта считала, что именно в это время она испытала что-то вроде нового морального рождения, что в итоге было положено в основу ее непростого характера. Она полагала, что ее характер складывался до 1896 года (детство и юность). К этому периоду закончилось формирование ее интеллектуальных устремлений. Это, конечно, не исключало того, что позже она приобретала новые знания, но все равно Марта мыслила себя к этому возрасту вполне интеллектуально зрелой девушкой. В это время она постоянно конфликтовала со своим отцом, пытаясь обрести свободу, которая была нужна

ей для ведения самостоятельного образа жизни. В этом можно было увидеть последствия влияния, которое оказывала на свою внучку Анна фон Досс (Го). Однако в отличие от своей дочери и ее бабушки Кристина фон Досс (мать Марты) никогда не проявляла черты непреклонного характера. Возможно, по этой причине она не всегда понимала Марту. На рубеже веков Марта все-таки смогла отстоять свое право на самостоятельную жизнь. Этот процесс был завершен символическим подарком. В 1896 году отец подарил Марте дом, который располагался в Мюнхене на Гизелаштрассе (Швабинг). Это был свадебный подарок вступавшим в брак Карлу и Марте.

Несколько лет были для нее периодом безмятежного благополучия. В это время Марта Хаусхофер много читала, слушала доклады, пыталась заниматься лингвистическими исследованиями. Ей удалось не только добиться социального признания, но даже достигнуть некоторых профессиональных успехов. Прекрасное здоровье позволяло ей постоянно совершать прогулки по горам. В своих воспоминаниях Марта Хаусхофер оценивала этот период своей жизни как единственный спокойный и беззаботный. Однако все это закончилось 28 января 1907 года, когда Карла Хаусхофера внезапно перевели служить в Линдау. После этого последовали годы странствий по миру, болезни, война. Затем Карл Хаусхофер решил сменить профессию, и ему пришлось заново начинать свою жизнь в качестве исследователя (об этом мы расскажем в отдельной главе).

Если принимать в расчет все то, что мы знаем о Марте Хаусхофер, то можно с уверенностью говорит о том, что она была исключительной женщиной, сила воли и целеустремленность которой в значительной мере определили судьбу ее супруга. Иногда она могла демонстрировать специфическое властолю-

бие, которое дополнялось стремлением к справедливости (впрочем, Марта постоянно сомневалась, может ли иметься «правда как таковая»). Будучи привязанной к своему супругу, она была безразлична к общественному мнению, а потому держала очевидную дистанцию в отношениях со многими людьми. Позже эти качества станут отличительными чертами ее характера.

Если же говорить об отношениях Карла и Марты, то она в своем дневнике отдельно выделила дату 25 марта 1895 года. Именно в этот день Марта Майер-Досс познакомилась с Карлом Хаусхофером. По большому счету, этот день изменил всю ее жизнь. Тогда она с бабушкой Го была в гостях у друзей семьи, которые проживали в Мюнхене в доме №25 по Луизенштрассе. Там и появился Карл Хаусхофер, который только что сдал вступительные экзамены в военную академию. В то время Марта большую часть времени проводила в Мангейме, лишь изредка наведываясь с визитами в Мюнхен. Фамилия Хаусхофер была ей хорошо знакома, так как она не раз слышала доклады, которые читал Макс Хаусхофер, отец Карла. Кроме того, по церковным мероприятиям Марта была знакома с сестрой Карла, Марией. Девушки не раз встречались в гостях у семейства Шён, куда на чаепитие прибыли Го и Марта. Сама же Марта находила, что Мария Хаусхофер была «эмансипированной», а потому прониклась к ней дружеской симпатией. По этой причине ей было интересно узнать, каким человеком был Карл Хаусхофер. На Марту не произвело никакого впечатления его офицерское звание. Она питала некоторую неприязнь к лейтенантам. Дело в том, что ей как-то пришлось беседовать с драгунскими офицерами, после чего Марта твердо решила, что никогда не свяжет свою жизнь с военным. Несмотря на то что во время первой встречи Карл и Марта обменялись всего

лишь парой слов, девушка сразу же заметила, что молодой секунд- лейтенант был совершенно иным человеком, нежели она привыкла представлять себе кадровых офицеров.

Поначалу отец Марты был настроен против ее отношений с Карлом Хаусхофером. Во-первых, он прекрасно знал, что эта семья очень нравилась бабушке Го (проблемы тещи были присущи даже Баварии XIX века), а во-вторых, он полагал, что Хаусхоферы вели слишком непринужденный образ жизни. Однако противиться желаниям целеустремленной дочери было не очень-то легко. Со временем Марта стала частой гостьей у Хаусхоферов, а те не упускали возможности заглянуть в Мангейм. Со временем Марта полностью избавилась от предвзятого отношения к военной профессии своего нового друга. Она как-то записала в своем дневнике: «Лейтенант, который при всей своей молодцеватости оказался серьезным человеком, направил нашу беседу в очень интересное русло. Этим утром он высказал несколько очень умных мыслей, которые, возможно, в будущем могут мне пригодиться, а может быть, даже помогут. Мое предубеждение в отношении лейтенантов оказалось несправедливым. По крайней мере, в данном конкретном случае». Поначалу прогулки совершались в присутствии родственников, но затем они стали проходить без «полицейского надзора». Марта жаловалась в своем дневнике: «Моя золотая клетка иногда для меня слишком тесна. Жажда свободы, что является типичным недугом молодости, с каждым днем охватывает меня все сильнее и сильнее». Девушка находила, что атмосфера, царившая в семье Хаусхофер, была не в пример более привольной, нежели в ее родном доме. Поэтому она сожалела о том, что «желанные встречи были столь короткими». «Как бы мне хотелось дольше пожить среди этих хороших и заме-

чательных людей. Мне хотелось бы узнать поближе этого приятного лейтенанта». Сам Карл Хаусхофер также стремился при каждом удобном случае повстречаться с Мартой. Он записал: «Я с радостью ожидаю, когда вновь увижу ее. У нее прекрасная душа, которая еще не утратила веру в красоту». Через восемь месяцев после знакомства с Мартой Карл решился посвататься. В декабре 1895 года состоялась помолвка Карла Хаусхофера и Марты Майер-Досс.

Помолвку праздновали в узком семейном кругу. Карлу и Марте приходилось много сложнее, чем другим женихам и невестам из их социальных слоев. У Карла Хаусхофера не было собственного дома. В то время Карл очень много времени посвящал службе, если он бывал со своей невестой в родном доме, хозяйство в котором вела старенькая бабушка, то им приходилось сидеть в углу дивана. Изредка они выезжали в город в старомодной карете. Марта несказанно сожалела, что на эти прогулки ей приходилось надевать темно-зеленый капот[2], который, как она выражалась, «в наше время не носили даже самые дремучие старухи». Уже в это время Марта, одержимая стремлением к новым знаниям, пыталась помогать своему жениху. Она переписывала конспекты, которые вели приятели Карла, подобно ему обучавшиеся в военной академии. По крайней мере, это касалось тех предметов, в которых она владела определенными познаниями. Это были история, география, занятия по различным языкам. Это стало началом сотрудничества, которое супруги будут продолжать на протяжении всей своей жизни.

---

[2] Капот редмет женской одежды в виде свободного пальто с рукавами и сквозной застежкой спереди.

Свадьба Карла Хаусхофера и Марты Майер-Досс состоялась 8 июля 1896 года. Вскоре после свадьбы Карла не раз вызывали по службе, например, он принимал участие в маневрах и учениях. В конце 1896 года отец Марты сделал молодоженам свадебный подарок, и они переехали в собственный дом. В период относительного спокойствия, который, по словам Марты Хаусхофер, длился с 1896 по 1907 год, ежегодный цикл их жизни в Мюнхене как бы разделялся на три периода. На лето и осень приходились будни — в это время Карл и Марта Хаусхофер находились в столице Баварии. Некоторое время Карл участвовал в ежегодных учениях и маневрах. Позже он предпринимал немало командировок по поручению генерального штаба. Отпуска Карл и Марта проводили либо на берегах Химзее, либо путешествуя по Баварии. Пока Карл Хаусхофер учился в военной академии, он возвращаться домой во время регулярных каникул. Однако когда в октябре 1898 года он закончил свое обучение, то планировать отдых стало сложнее. Он в чине премьер-лейтенанта (звание, относящееся к штабной категории обер-офицеров) был назначен адъютантом командира 1-й бригады полевой артиллерии. В это время Марта Хаусхофер много времени проводила в доме у своей бабушки, которой помогала по хозяйству. В своих воспоминаниях она отмечала, что Го никогда не бездельничала. Если не было работы по дому, то она вязала или вышивала, обеспечивая вещами не только родственников, но и окрестных детей, которые происходили не из самых зажиточных семей. При этом бабушка Марты очень много читала. Она почти никогда не брала в руки романов или развлекательной литературы, отдавая предпочтение серьезным работам по философии, теологии и истории. Кроме

того, Го не без интереса читала работы Гобино и Шопенгауэра, вела активную переписку. В начале 1900-х годов у семейства Хаусхофер и Майер-Досс добавилось забот. 7 января 1903 года у Карла и Марты родился сын Альбрехт. 19 июня 1906 года на свет появился второй сын — Хайнц.

Карл Хаусхофер много раз упоминал Марту в своих воспоминаниях. Однако в этой главе нас должно интересовать только несколько страниц, на которых он рассуждал о том, «как смелая и рассудительная женщина ведет себя в сложных ситуациях». Они касались в основном событий, которые были связаны с началом «периода беспокойства», который наступил для семьи Хаусхофер в 1907 году. Карл Хаусхофер отмечал: «Он начался для нас со стихийных бедствий». Речь шла о землетрясениях, которые в начале XX века потрясли Японию, куда направились Карл и Марта Хаусхофер. Перед их прибытием в Нагасаки, произошло подводное землетрясение. В это время супруги находились на корабле «Принцесса Элис». Судно приняло на себя три мощнейших удара. Как вспоминал Карл Хаусхофер, «оно [судно] трещало по швам, а поднявшееся на дыбы море гоняло его, как фокстерьер крысу». Клипер первого класса продолжил двигаться вперед. В это время многие из пассажиров-мужчин потеряли голову от страха. Однако Марта пыталась сохранять спокойствие. На следующий день «Принцесса Элис» была обнаружена специальной эскадрой, занимавшейся поисками кораблей, которые сбились с пути или потерпели крушение. Так началось двухгодичное пребывание Хаусхоферов в Японии. 13 марта 1909 года они стали свидетелями нового землетрясения. В это время они находились на светском рауте. От мощных толчков стали рваться электрические провода. В зале возникла пани-

ка. Карл и Марта, пытаясь сохранять максимум самообладания, стали помогать экстренно эвакуировать людей. Затем небольшое землетрясение настигло Карла и Марту, когда они поднимались на гору Фудзи. Здесь пригодились альпинистские навыки, которые Марта Хаусхофер приобрела еще в юности.

ГЛАВА 3
СТРАНА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

25 января 1907 года Карл Хаусхофер был переведен в штабе 3-й дивизии, который располагался в Линдау. Приблизительно в то же самое время в баварском военном министерстве планируют направить в Японию нескольких офицеров (позже было решено ограничиться только одним). 24 февраля 1907 года Карл Хаусхофер ходатайствует о том, чтобы быть командированным в Страну восходящего солнца. Его просьба была удовлетворена. Несмотря на то что Хаусхофер провел в Восточной Азии не очень много времени (с конца 1908 по лето 1910 года), это путешествие имело для него огромное значение. Впечатления, которые почерпнул вместе со своей супругой молодой баварский офицер, во многом изменили его взгляд на мир. Беседы с ведущими политиками, японскими офицерами, информация, которая была собрана Хаусхофером в Киото и Токио, а также во время поездки по Дальнему Востоку, наложили отпечаток на всю его жизнь.

На самом деле у этих событий была своя предыстория. В период с 26 августа по 16 сентября 1905 года Карл Хаусхофер принимал участие в осенних маневрах баварской кавалерийской дивизии, которые проходили на пространстве между реками

Инн и Ильц. По итогам этих маневров он подготовил брошюру, которая была напечатана в 1907 году. В ней Хаусхофер весьма лестно отозвался о действиях своего командира, генерал-майора Германа фон Гебзаттеля. При этом было аккуратно указано на просчеты, допущенные другими генералами. Казалось бы, кроме небольшой ревности, эта брошюра не могла вызвать никаких нареканий. Однако один из генералов, которого Хаусхофер подверг критике, вскоре стал в Баварии начальником генерального штаба. Речь шла о Карле фон Эндресе. Тот не забыл вольностей Хаусхофера и решил его «наказать», но в такой форме, чтобы это не выглядело как взыскание. Во-первых, Карл Хаусхофер был весьма уязвим, поскольку начал преподавать в военной академии. Во-вторых, было общеизвестно, что он был очень привязан к Мюнхену. В итоге 27 января 1907 года, в середине учебного семестра, фон Эндрес отдал приказ перевести Хаусхофера в штаб дивизии, которая располагалась в Линдау. С формальной точки зрения это было досрочное повышение. Однако же на практике означало, что Карл Хаусхофер больше не мог видеть тяжело больного отца. Кроме того, Линдау в то время был обыкновенным гарнизонным городком, где едва ли можно было продолжить карьеру преподавателя военной академии. Мюнхенский дом, в котором супруги Хаусхофер прожили более десяти лет, пришлось продать. В этих условиях у Карла было только две перспективы. Либо надолго застрять в Линдау, дожидаясь перестановок в военном министерстве Баварии, либо же пытаться пробиться в Берлин. Второй вариант казался почти безнадежным. В это время он узнал о том, что в Константинополь требовался военный атташе. Хаусхофер, не желавший оставаться в Линдау, поначалу загорелся этой идеей. Однако вскоре он выяснил, что эта работа являлась обыкно-

венной дипломатической рутиной. Однако Хаусхоферы к тому времени уже считали себя «кочевниками». Они покинули насиженное место в Мюнхене, а многолетнее пребывание в мелком городке их вовсе не прельщало.

В указанный период произошло то, что Марта Хаусхофер позже назвала «знаком судьбы». В феврале 1907 года Карл Хаусхофер по делам направился в Мюнхен, что позволило ему также навестить своего тяжелобольного отца. Воспользовавшись случаем, он заглянул к своему старому приятелю. Однако тот был болен. В считаные часы заболел сам Хаусхофер. Осмотреть больного прибыл граф Генрих Люксбург. Он же сообщил, что военное министерство Баварии намеревается направить в Японию перспективного офицера, для чего разыскивался доброволец. «Кочевник» Хаусхофер сразу же решил использовать полученную информацию. Когда он принес в министерство свое заявление, то там уже имелось около сотни таких же. Принимая во внимание, что даже после тщательного отбора «конкурс» составлял пятьдесят человек на место, можно было бы предположить, что шансы Хаусхофера были крайне низки. Проблема заключалась также в том, что командировать в Японию планировалось офицера-холостяка. В данном случае Бавария должна была ориентироваться на Пруссию, а прусское военное министерство направляло на Дальний Восток либо неженатых офицеров, либо же требовало, чтобы те оставляли своих жен в Германии. При всем том Хаусхофер выгодно выделялся на общем фоне своим доскональным знанием событий Русско-японской войны и деталей японо-китайских дипломатических отношений. Поэтому выбор пал все-таки на него. Ему было даже разрешено взять с собой супругу, хотя в обычной военной практике она бы рассматривалась как «помеха» для

несения службы. Впрочем, двух сыновей на пару лет пришлось оставить на попечение бабушек и дедушек.

22 октября 1908 года Карл и Марта Хаусхофер поднялись на борт парохода «Гёбен». Их путь в Японию был очень длинным. Сначала им надо было прибыть в Неаполь, а затем через Порт-Сайд и Цейлон — в Индию. Здесь они должны были остановиться на восемь недель. В Индии их ожидали поездки на слонах, прогулки на парусных яхтах, посещение индуистских храмов. Казалось, что командировка была обычным туристическим туром. Карл Хаусхофер был приятно удивлен неожиданным для него гостеприимством британских гражданских и военных властей. Вместе с супругой он посетил Хайдарабад, Бомбей, Калькутту и Дели. Кроме того, в первых числах 1909 года Хаусхофер побывал у подножия Гималаев, хотя, вопреки распространенной в околоисторической литературе версии, он никогда не покорял их и тем более не посещал Тибет, для чего потребовались бы не один месяц, а также специальное снаряжение и хорошо подготовленные проводники. Описывая эту командировку годы спустя, Карл Хаусхофер подчеркнет, что, наверное, самым важным событием тех дней была его встреча с лордом Киченером, который с 1902 по 1909 год был командующим британскими войсками, располагавшимися в Индии. 14 января 1909 года Хаусхофер получил приглашение прибыть на ланч в форт Уильям. Ему предстояло познакомиться с известным британским политиком и генералом. Позже Хаусхофер не раз живописал это событие. В 1935 году он даже составил небольшой биографический очерк, посвященный Киченеру. В нем он характеризовал британца как «военно-политического стратега первого ранга». Во время встречи Киченер почти пророчески заявил, что возможное столкновение

между Германией и Великобританией приведет к тому, что в Тихом океане будут хозяйничать американцы и японцы.

Далее путь Карла и Марты Хаусхофер лежал в Сингапур, куда они должны были попасть через Бирму. Во время этого переезда по тропической жаре супруги познакомились с тогда еще никому не известным Стефаном Цвейгом, который после окончания университета решил совершить кругосветное путешествие. Некоторое время Хаусхоферы пребывали в Гонконге и Шанхае. 19 февраля 1909 года они достигли Нагасаки. Как уже говорилось в предыдущей главе, перед этим им пришлось пережить подводное землетрясение, которое чуть было не потопило клипер «Принцесса Элис», на котором супруги направлялись из Китая в Японию. Но в итоге после нескольких месяцев пути они все-таки достигли пункта назначения. Первым делом Карл Хаусхофер прибыл в германское посольство. Там он узнал, что до осени ему предоставлялось время, чтобы свыкнуться с обычаями новой для него страны, познакомиться с японским искусством, выучить основы японского языка. Карл и Марта Хаусхофер сразу же направились в город Никко, считающийся одним из древнейших религиозных центров Японии. Здесь они восхищались древнейшими храмами и пагодами, в том числе синтоистским храмом XVII века Тосё-гу. После этого они поехали в город Нара, который считался колыбелью японской государственности и культуры. Не меньшее впечатление на Хаусхоферов произвел и Киото — древний императорский город. О великолепии Киото говорит хотя бы тот факт, что в нем имелось полторы тысячи буддистских святилищ и около двухсот синтоистских храмов. Супруги с удовольствием посещали многочисленные музеи. Токио же их разочаровал, именно по этой причине Карл Хаусхофер был намерен добиваться, чтобы

в дальнейшем его распределили в воинскую часть, которая бы находилась поблизости от Киото.

С мая по июнь 1909 года Хаусхоферы жили в двухкомнатных апартаментах киотской гостиницы «Мияко». Их номер располагался в возвышавшемся над основным зданием крыле, из которого открывался великолепный вид на город и гряду холмов. В конце августа 1909 года Карл Хаусхофер был направлен на прохождение службы в штаб 16-й дивизии (командир К. Яманака). Однако перед этим он должен был выполнить специальное поручение германского посольства. Для этого он был прикомандирован к 22-му артиллерийскому полку. После этого он был направлен в Маньчжурию, где должен был собрать сведения относительно того, как быстро железнодорожная ветка Антунг—Мукден могла быть превращена в полноценную железнодорожную линию. Ранее указанная узкоколейка использовалась исключительно для продовольственного снабжения. Затем Карл Хаусхофер десять дней пребывал в аннексированной японцами Корее. Вновь со своей супругой он встретился в Мукдене только 22 сентября 1909 года. Через несколько дней они оказались в Пекине. Их обратный путь в Японию лежал через Порт-Артур, куда они прибыли 6 октября. 11 октября 1909 года Карл Хаусхофер уже был на службе в японском полку. Ознакомление со страной и Дальним Востоком закончилось, теперь ему предстояло вновь стать кадровым офицером. Его основная задача сводилась к тому, чтобы обмениваться опытом с японскими военными, перенимать у них возможные новшества. По этой причине Карл Хаусхофер принимал деятельное участие в самых разнообразных тактических учениях и маневрах. 19 ноября 1909 года, в день праздника хризантем, Карл Хаусхофер был представлен императору Мейдзи (прижизненное имя

Муцихито) и императрице Харуко. Во время этого приема Хаусхофер познакомился с множеством высокопоставленных политиков: принцем Фушими Хироясу, который был адмиралом флота, премьер-министром графом Коцура Таро и т. д.

В последние семь месяцев пребывания в Японии супруги Хаусхофер жили между Киото и замком Фусими. Однако они так и не смогли в полной мере насладиться красотами страны. Во-первых, из Германии стали приходить тревожные вести, которые касались самочувствия родителей Марты. Она даже стала подумывать о том, чтобы вернуться на родину раньше времени, оставив Карла в Японии. Во-вторых, и у Марты, и у Карла начались проблемы со здоровьем. В итоге было принято решение досрочно покинуть восточную страну, направившись в Германию по железной дороге. Вернувшись в Баварию, они планировали излечиться от набиравших силу болезней. Несмотря на то что у Карла Хаусхофера было подозрение на поражение верхушек легких, он продолжал принимать участие в зимних учениях, что позволяло ему наблюдать за крестьянскими праздниками. Надо отметить, что японцы были не просто гостеприимными хозяевами, они были весьма великодушными, так как ранее ни одному немецкому офицеру не было оказано столько высокой чести. Например, в апреле 1910 года Карла Хаусхофера пригласили в Токио на праздник цветущей сакуры, где он вновь был представлен императору и наследному принцу.

После того как в японском полку был организован торжественный вечер, Карл и Марта Хаусхофер 15 июня 1910 года покинули Киото. Из Японии они прибыли во Владивосток, откуда по Транссибирской железнодорожной магистрали устремились через Иркутск в Москву. 11 июля 1910 года из Москвы

отъехали в Варшаву, четыре дня спустя они прибыли в Баварию. Радость от встречи с детьми, родственниками и друзьями была омрачена тем, что Карла Хаусхофера в срочном порядке госпитализировали. У него было выявлено сразу же несколько заболеваний, в том числе эмболия легочной артерии. После выхода из госпиталя Хаусхофер еще на некоторое время был освобожден от несения службы. Как говорится, нет худа без добра. Появившееся свободное время он посвятил своей семье. Именно в это время Карл и Марта Хаусхофер переехали в новый дом, который располагался в Мюнхене на Аркиштрассе. Там они проживут до 1926 года.

Первая половина 1911 года для Карла Хаусхофера была ознаменована тем, что он стал преподавать в военной академии. Он читал курс лекций о различных сражениях с их тактическим анализом. Однако это не освобождало Хаусхофера от участия в маневрах и учениях. Одни из них происходили в середине августа в Графенвёре. Стояла ужасная жара, и назад Хаусхофер прибыл в ужаснейшем состоянии. Постоянная усталость и неспадающая температура заставили вновь обратиться к специалистам. Домашний врач Хаусхофера поставил диагноз — у Карла была непролеченная легочная болезнь. Ситуация была настолько критической, что назначенный 22 августа 1911 года командиром батальона в составе 11-го артиллерийского полка Карл Хаусхофер даже не смог приступить к исполнению своих новых обязанностей. Ему был предоставлен внеочередной отпуск, который он по настоятельному требованию супруги решил провести на курорте Ароза. Однако даже в декабре 1911 года врачи весьма скептически оценивали состояние Хаусхофера. Многие из них вообще выражали сомнение относительно того, чтобы он мог дальше нести

службу в армии. Пребывание в Арозе пришлось продлить на несколько месяцев.

В апреле 1912 года, вернувшись из Арозы, Карл Хаусхофер прошел очередное медицинское обследование. Вердикт был неутешительным — он должен был оставить военную службу. В противном случае медики не ручались за жизнь Хаусхофера. Пребывая в глубокой депрессии, он решил смириться со своей судьбой. В это время Марта записала в своем дневнике: «Длительное безделье тяготит Карла. Чтение вслух не может его удовлетворить — ему требуется творчество. Во время вынужденного отдыха он страдает от морального похмелья». В этих условиях Марта предложила своему супругу написать книгу о Японии. Это предложение она сделала в июне 1912 года. Некоторое время Карл противился этому плану, однако затем написал пробную главу, которая тут же была отослана известному издателю Конраду Тёхе-Митллеру. Тот сразу заинтересовался новым проектом. Именно с этого момента можно говорить о том, что Карл Хаусхофер начал свою исследовательскую деятельность. Во второй половине 1912 года он вновь направляется в Арозу, чтобы окончательно избавиться от болезни. Однако он предпочитал не столько лечиться, сколько работать над своим произведением. В этом ему помогала Марта. Опираясь на донесения, которые Хаусхофер направлял из Японии в военное министерство Баварии, он диктовал своей супруге наброски будущих глав. Марта же выступала в качестве машинистки. Она привезла с собой на курорт пишущую машинку. Хаусхофер по нескольку раз вычитывал отрывки, постоянно вносил в них правки. В декабре 1912 года рукопись была направлена в издательство. 17 марта 1913 года вышел ее сигнальный экземпляр. Книга называлась «Дай Нихон» («Великая Япония»).

Вне всякого сомнения, предложенный Мартой Хаусхофер план возымел действие — ее супруг вышел из депрессии и вновь обрел интерес к жизни. Он больше не вел вечера напролет тоскливые беседы о будущем, которое рисовалось ему в мрачных тонах. Однако Марта решила на этом не успокаиваться. Она рекомендовала Карлу направиться в Мюнхенский университет к известному полярному исследователю Эриху фон Дригальски, чтобы поинтересоваться, не имелось ли возможности получить ученую степень по географии. Карл Хаусхофер так и поступил. Он стал изучать географию. Некоторое время спустя сдал кандидатские экзамены. Его прошлая учеба в военной академии была зачтена в качестве базового университетского курса. После этого он стал работать над диссертацией, которая была посвящена участию Германии в налаживании связей с Японией, а также рассмотрению роли Японии в возможных военных конфликтах. Текст диссертации был представлен Эриху фон Дригальски в середине августа 1913 года. Три месяца спустя Карл Хаусхофер получил ученую степень — с этого момента он мог именоваться «доктором философии». Так он сделал шаг в академическую жизнь. До начала Первой мировой войны Хаусхоферу удалось начать несколько исследовательских проектов, совершить пару научных поездок, а также принять участие в географическом конгрессе, который проходил в Страсбурге.

В то время Карл Хаусхофер по праву считался одним из крупнейших немецких специалистов по Японии. Некоторые из итогов командировки в Страну восходящего солнца он изложил еще на страницах своей записной книжки, в которой вел дневниковые записи. Так, например, Хаусхофер был поражен не только непритязательностью японского офицерского корпуса, но тем, насколько японцы были преданы традициям. Его

просто шокировала готовность многих японских офицеров умереть во имя идеи. Однако Хаусхофер констатировал, что в исключительных случаях японцы могли продемонстрировать полную беспомощность. В первую очередь это касалось ситуаций, когда надо было отойти от схем и клише, то есть прибегнуть к импровизации. В итоге традиции превратились в «боязливое и тщательное оберегание самобытности». В заключение Хаусхофер делал вывод, что японцы не были слишком талантливы в том, что касалось использования чужого (иностранного) опыта, «тем более что им были более-менее чужды такие понятия, как время и интенсивность».

Уже в 1913 году во множестве немецких газет и журналов появились благожелательные рецензии на книгу Карла Хаусхофера «Великая Япония». Первая научная работа баварского майора многим сразу же показалась многообещающей. Иные находили, что Хаусхофер весьма обстоятельно рассматривал дух аристократической Японии в контексте борьбы между древней культурой и стремлением к модернизации. Лишь в единичных случаях подчеркивалось, что «Великая Япония» предлагала читателю совершенно некритический взгляд на страну, то есть была односторонней. Это во многом объяснялось личной антипатией, которую Хаусхофер испытывал в отношении «плутократической власти» Англии и США. Но даже это не снижало ценности выпущенной книги. К слову сказать, больше дискуссий вызвала не сама книга, а предложенные Хаусхофером выводы, которые касались дипломатических отношений и возможности складывания грядущих военно-политических блоков. Так, например, он полагал, что, несмотря на войну (1904—1905), между Россией и Японией не существовало непреодолимых противоречий. По этой причине

Хаусхофер предполагал, что между двумя странами «в обозримом будущем» едва ли был бы возможен крупный конфликт. В отношении японо-китайских отношений Хаусхофер придерживался мнения, что они в большинстве своем осложнялись не столько японцами, сколько китайской стороной. Впрочем, историческая значимость книги Хаусхофера в первую очередь объясняется тем, что именно на ее страницах он впервые дал контуры идеи, которая будет позже положена в основу научной дисциплины, названной геополитикой. Хаусхофер говорил о необходимости складывания военно-политического блока, в который должны были войти Германии, Россия и Япония. Именно этот блок должен был быть противопоставлен англосаксонской «плутократии».

ГЛАВА 4
НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Карл Хаусхофер был мобилизован сразу же после начала Первой мировой войны. Он оказался в составе 1-го баварского армейского корпуса. Хаусхофер смог применить на практике искусство тактики боя, которое долгие годы постигал в военной академии и в штабах различных частей. В самом начале войны ему пришлось участвовать в сражениях при Баденвейлере, Саарбурге и Эпинале. Сразу же после этого он был направлен в Метц, откуда был переведен в Пикардию. Там баварские дивизии вели ожесточенные бои при Перонне и Фукокуре. В это время Карл Хаусхофер был командиром первой колонны боеприпасов. На тот момент под его командованием находилось: 77 офицеров, 272 унтер-офицера, около 3000 солдат. Кроме того, в распоряжении колонны имелось более 3000 лошадей и несколько сотен транспортных средств. К тому моменту Хаусхофер был произведен в подполковники, а также награжден Железным крестом 2-го класса. Вскоре после этого он был назначен командиром 9-го резервного артиллерийского полка, который входил в состав 8-й баварской резервной дивизии. В этом качестве он принимал участие в сражении при Андольсхейме, расположенном в Мюнстерской

долине. В мае 1915 года полк Карла Хаусхофера был переброшен на Восточный фронт. Он оказался в Польше, где генерал фон Макензен готовил прорыв русских позиций. Здесь Хаусхоферу пришлось принимать участие в наступлении севернее Львова, ведя бои близ Ярослава и Любачевки. Затем на некоторое время он был переведен в резерв главного командования сухопутных войск. Однако в июле 1915 года Карл Хаусхофер вновь оказался в зоне боевых действий. Его полк опять был переброшен на Западный фронт, где ему было суждено оказаться втянутым во второе сражение за Мюнстерскую долину.

В Фогезах (Эльзас по Верхнему Рейну) полк Хаусхофера попал в круговорот ожесточенных боевых действий. Немецким частям удалось продвинуться до Вердена и Соммы, где до осени 1916 года шли кровопролитные бои. Апогеем этого продолжительного сражения стало крупное наступление, предпринятое англо-французскими войсками 30 июля 1916 года. В «Баварской книге мировой войны (1914—1918)», которая была написана Крафтом фон Дельмензингеном, по этому поводу говорилось следующее: «Великий день сражения, состоявшегося 30 июля 1916 года на Сомме, является показательным примером взаимодействия пехоты и артиллерии, принимавших участие в одном из самых крупных оборонительных битв мировой войны. Это можно понять, если рассмотреть в этот день действия, предпринятые 9-м резервным (баварским) полком полевой артиллерии... Батальоны и батареи уже вели боевые действия в Фогезах. Пехотинцам также были хорошо известны славные имена командира полка подполковника Хаусхофера, майора Рейнхарда и майора Фолька». В день сражения огонь англо-французской артиллерии был перенесен на позиции пол-

ка Хаусхофера. Части несли большие потери. Проблема заключалась в том, чтобы вовремя открыть ответный огонь. Если бы это произошло слишком рано, то были бы бессмысленно потрачены боеприпасы. Если бы это произошло с задержкой, то немецкая пехота понесла бы огромные потери, а наступавшие французские части могли прорвать позиции баварской дивизии. Когда англо-французская артиллерия перенесла огонь в ближний немецкий тыл, что означало приближение наступающих частей, то полк Хаусхофера открыл заградительный огонь. Хаусхофер выбрал едва ли не единственный подходящий для этого момент. Позже в сводках отмечалось, что успех немецких солдат, которые смогли выстоять под ударом наступавших частей Антанты, был во многом предопределен действиями подполковника Карла Хаусхофера.

После длившего недолго отдыха, когда баварская дивизия получала пополнение, она была переброшена на Румынский фронт, в Трансильванию. В данном случае Карл Хаусхофер являлся командиром резервной артиллерии, которая имелась в распоряжении генерала фон Фальканхайна. Здесь Хаусхоферу пришлось принимать участие в Карпатском наступлении, в том числе в боях за перевалы в долине реки Тротуш. Позже Хаусхофер отнес эти события к числу самых ожесточенных сражений, в которых ему приходилось принимать участие. Таковых он назвал несколько: бои в Фогезах, бои в долине Тротуша и вывод 45-тысячной немецкой группировки из района Мюльхаузена в Шварцвальд (1918).

Между тем боевые действия на Западном фронте превратились в самые настоящие позиционные бои. Теперь Карл Хаусхофер получил в свои руки командование артиллерией в армейской группе Лицмана, в которую в мае 1917 года была

направлена также 30-я резервная баварская дивизия. Это время пребывания на фронте для Хаусхофера характеризовалось ведением оборонительных боев в Лотарингии и Северном Эльзасе. В указанный период Карл Хаусхофер так описывал свое «артиллерийское королевство»: «Оно огромное — кроме трех полков полевой артиллерии и четырех пехотных батальонов в данный момент к нам относятся полдюжины летчиков, осветительные приборы, три воздушных шара, пять складов с боеприпасами, рабочие подразделения, численностью двенадцать сотен людей, четыре тысячи лошадей и миллион всяческих предметов». Однако Карл Хаусхофер не мог не отметить, что в сложившейся обстановке ему явно не хватало кадров, в первую очередь талантливых и образованных штабных офицеров. По этой причине Хаусхофер весьма ценил тех, кто все-таки имелся в его штабе. Однако в целом Карл Хаусхофер никогда не был полностью «своим парнем» в действующей армии. 25 апреля 1916 года он записал в своем дневнике по этому поводу: «Я не был призван, но и не был отвергнут».

Тогда же Карл Хаусхофер обнаруживает у себя особое, почти мистическое качество, которое он назвал «вторым зрением». Он оказался в состоянии непроизвольно предвидеть многие еще не случившиеся события. В некоторых случаях это позволяло ему спасти свою жизнь и жизнь своих солдат. «Второе зрение» не раз давало о себе знать в годы Первой мировой войны. Сам же Карл Хаусхофер полагал, что унаследовал эту способность от своих предков. В своих воспоминаниях он писал: «Кажется, это зловещее свойство происходит от моих фризских предков, так как моя бабушка Фрас рассказывала мне о нескольких происшествиях в ее жизни. Я предельно точно помню эти рассказы, чтобы убедиться, что нечто подобное

происходило и со мной. Например, она предвидела пожар в ее доме, который в Ольденбурге располагался напротив сахарной фабрики. Она не могла объяснить, как это произошло. Но она увидела небольшие языки синего пламени на окнах и дверях своего дома. Некоторое время спустя действительно произошел пожар на сахарной фабрике, который перекинулся на ее дом». Позволим себе привести описание нескольких случаев, когда у Карла Хаусхофера открывалось «второе зрение».

Один из первых случаев появления у Карла Хаусхофера «второго зрения» произошел в августе 1915 года. В то время он только что стал во главе артиллерийских частей, находившихся в Мюнстерской долине. В какой-то момент к Хаусхоферу с позиций прибыл лейтенант Зелль, который позже стал его адъютантом. После доклада у Хаусхофера возникло ощущение, что он должен был во что бы то ни стало задержать Зелля хотя бы на полчаса, так как взору предстали ужасные картины. Как отмечал сам Хаусхофер, «у меня как командира полка было множество способов, чтобы задержать этого лейтенанта. Я был настолько охвачен пугающим предчувствием, что стал задавать нелепые вопросы, на которые он пытался предельно корректно отвечать. Однако на его лице я мог прочесть: “Ох уж этот новый командир полка. Известные люди и офицеры генерального штаба вечно любят заниматься всякой ерундой, а мне хотелось бы еще засветло прибыть на позиции”. Через полчаса я все-таки отпустил его. До моего слуха донеслось, как он топал по лестнице». По прошествии полутора часов стало известно, что позиции, на которые отбыл лейтенант Зелль, подверглись ураганному артиллерийскому обстрелу. Погибли все офицеры. Если бы Хаусхофер не задержал на полчаса лейтенанта Зелля, он бы непременно погиб.

Другой случай произошел через одиннадцать месяцев. В то время баварская резервная дивизия находилась на позициях близ Ранкура и Морпы. Планировалось, что в ближайшее время англо-французские войска начнут наступление. Внезапно Хаусхофер увидел очередной пугающий образ. Его «второму зрению» предстало синеватое мертвое лицо одного из знакомых офицеров. Карл Хаусхофер тут же стал наводить справки о его здоровье и самочувствии. Прошло пара часов, прежде чем пришло сообщение, что указанный офицер погиб. Однако погиб он много позже, чем Хаусхофер стал расспрашивать своих подчиненных. Оказалось, что в блиндаж, где укрывался указанный офицер, попал французский снаряд.

Кроме того, Хаусхофер предвидел смерть двоюродного брата своей супруги Марты, Германа Майера, который погиб при таинственных обстоятельствах в Мангейме, в офисе своей конторы. Это видение было настолько четким, что Хаусхофер был подавлен несколько дней и даже отказался от пищи. Сам же он считал подобные способности отнюдь не «даром судьбы», а неким проклятием. Впрочем, иногда он мог использовать их, чтобы сохранить себе жизнь. Так, например, он смог поменять расписание эшелонов, на одном из которых должна была быть переброшена его часть. Перед транспортировкой Хаусхофера угнетало тяжкое и тревожное чувство. Когда же он все-таки смог (пусть и незначительно) изменить расписание движения эшелонов, то это ощущение исчезло. По прошествии нескольких дней Хаусхофер во время движения по железной дороге заметил ранее отведенный для его части состав. Офицерский вагон в нем был разорван в клочья. То есть если бы Хаусхофер не изменил расписание движения и направился бы в изначаль-

но отведенном для его части эшелоне, то его бы непременно ждала гибель.

Хаусхофер относился к категории тех людей, которые, что-бы ни писали, писали исключительно от души. В годы Первой мировой войны он постоянно делал записи, направлял письма своей супруге, в которых он анализировал и комментировал военные действия. Он мог быть рассудительным или же, напротив, саркастичным. Нередко его настроение менялось буквально несколько раз за день. Ужасы войны, постоянное напряжение приводили к тому, что его оценки были крайне эмоциональными, а иногда и вовсе не сдержанными. Иногда он обижался на свою супругу, если та не соглашалась с ним по какому-то вопросу. Но чаще всего он пытался спорить с самой судьбой. Он никак не смог смириться с тем, что фактически был маргиналом. Он так и не стал кадровым офицером в полном смысле этого слова, кроме того, он не смог стать исследователем и академическим деятелем, чему помешала начавшаяся Первая мировая война. Меньше всего его прельщала жизнь обывателя. Война радикализировала, обострила его чувства. Чем больше она затягивала Хаусхофера, тем больше он ощущал потребность в том, чтобы стать жестким, полностью подавить в себе любые слабости. Постоянные размышления подтолкнули Хаусхофера к тому, чтобы он по-новому осознал слова Ницше: «Чтобы родить танцующую звезду, надо носить в себе хаос».

Карл Хаусхофер, который казался прирожденным офицером, еще до 1914 года не раз высказывал сомнение относительного того, что выбрал правильный путь. Он постоянно тяготился тем, что военная карьера фактически никак не была связана с его творческими наклонностями. Однако, выполняя многочис-

ленные приказы, участвуя в сражениях, постоянно пребывая на марше, Карл Хаусхофер заново для себя открыл «солдатские ценности». Он обнаружил, что военный порядок был оплотом «истинной свободы». Он и ранее презирал либерализм, который полагал подавляющим человеческие качества и таланты. Однако теперь к этому презрению он добавил необходимость служения нравственным идеалам. Теперь он с этических позиций оценивал такие «солдатские добродетели», как самоотверженность, боеготовность, жертвенность, товарищество, послушание, преданность Отечеству и т. д. С этой точки зрения он был полностью солидарен с генералом-фельдмаршалом фон Мольтке, который писал: «Война имеет свои прекрасные стороны. Она пробуждает добродетели, которые в противном случае зачахли бы и никогда не проявились». В начале 1915 года Хаусхофер писал: «В гимназии я редко делал что-то настолько хорошо, насколько мог это сделать. Обычно я делал это так, как считал нужным. Только армия привела меня к осознанию того, что обязательная деятельность является очень серьезным делом». Именно в это время Хаусхофер склоняется к мысли о том, что «лучшие люди», которые проявили себя на войне, в будущем должны составить руководящую государственную прослойку.

Так, например, в 1916 году он писал: «И все-таки демократия и социальное мышление никогда не могут пересекаться на практике. Ответственность, воспитание аристократии — это отбор по принципу высокой моральной сознательности... Это единственный спасительный метод. Однако он должен начаться с признания, что люди не являются равными. Путь к власти должны прокладывать только лучшие. Они должны заботиться о социальном управлении, не будучи одержимым соб-

ственным “я”. Они должны отказаться от самопредставления. Единственной действенной организацией является армия». Годом позже он отмечал: «Только на фронте проявляются истинная свобода и настоящая человечность. Это один из самых примечательных парадоксов, который определяет всемирную историю». Говоря об истории, Хаусхофер отмечал: «Почему Сократ, Платон, Аристофан, Софокл испытывали отвращение к афинской демократии? Почему, в конце концов, они облачили Александра [Македонского] в “солдатские сапоги”? Почему истинные римляне: Сулла, Помпей, Цезарь — предпочитали жертвовать собой, нежели слушать бессмысленную болтовню на форуме? Почему же болтуны вроде Демосфена, Цицерона, Ллойд Джорджа, Вильсона должны быть лучше, чем маленький консул, Директория или столяр Робеспьер?.. В России, гигантской, не беспомощной империи с немыслимыми возможностями, сохраняется тоска по сильной руке. Они готовы вручить ему бразды правления. Сарматы готовы к новому Рюрику».

Однако, несмотря на подобные заявления, можно усомниться в том, что война в судьбе Хаусхофера была «высшей точкой, апогеем жизни», как это позже считали многие офицеры и солдаты. Принимая во внимание тот факт, что герой нашей книги в поисках своего призвания очень часто менял профессии, можно говорить о том, что Первая мировая война стала временем некоего «очищения». Вне всякого сомнения, 1914—1918 годы были очень важными в судьбе Хаусхофера, но отнюдь не определяющими всю его жизнь. В годы войны он приобрел новый жизненный опыт, а также понял, что очень долгое время немецкий народ воспитывался на ошибочных политических доктринах. В 1916 году было написано множество писем, в которых он

заявлял о своих амбициях в деле формирования геополитики. Свою будущую деятельность он планировал направить по четырем направлениям: военная география, этнопсихология, военная истории и политическая география. В принципе все это было вполне предсказуемо. Впрочем, историю и этнопсихологию он считал все-таки вспомогательными науками. Именно в годы войны Хаусхофер занялся поиском слова, которое бы могло полно и всеобъемлюще охарактеризовать собранные в единый блок указанные выше четыре научные дисциплины. Он осмысливал опыт, который смог приобрести во время написания первой своей книги («Великая Япония»). Тогда же он стал вынашивать планы, что после окончания войны он не только вернется к преподаванию в университете, но и непременно напишет еще одну книгу. Хаусхофер мечтал, что эта книга станет чем-то вроде «Главных принципов обороноведения». Именно в этой книге он намеревался «правильно оценить военный потенциал стран, регионов и их населения». В основу своего «обороноведения» Хаусхофер, конечно же, планировал положить географию. Однако он намеревался дополнить ее экономикой, расовой гигиеной, социологией и многими другими отраслевыми дисциплинами. «Обороноведение» должно было быть чем-то большим, нежели просто наука, — оно задумывалось как этически обоснованная система, позволявшая вести «оборонительную войну за жизнь». Появление такой системы Карл Хаусхофер считал нравственно оправданными. Однако в июне 1916 года он еще обозначал «обороноведение» как ответвление от политической географии, при помощи которого можно было оценить оборонную мощь отдельного государства или народа. Анализ предполагалось проводить сразу же в нескольких сферах: самоорганизация народа, упоминавшая выше

этнопсихология, экономика, техника, жизненные силы («Государство как форма жизни»).

Именно летом 1916 года Карл Хаусхофер закончил ознакомление со вторым томом книги шведского ученого Рудольфа Челлена «Государство как форма жизни». После этого он записал в своем дневнике: «Чудесное чтение. Еще сплоченнее, чем великие державы современности. Но все безнадежно, что касается наших союзников. Он смог установить, что далее мы должны сражаться за свое существование и жизнь. Мы должны в полной серьезности оглядеть наше обиталище... Наша жизнь и наше существование в качестве самостоятельного народа базируются на хребте земли». К этому времени Хаусхофер уже основательно изучил труды Карла Риттера и Фридриха Ратцеля. Он полагал, что его система в итоге и должна была называться «геополитикой». Однако его смущало, что это слово не являлось немецким. В итоге Карл Хаусхофер решил поначалу назвать свою систему «геосиловедение» (Erdmachtkunde). Однако это слово в силу его сложности не устроило Хаусхофера.

Обобщая имеющийся опыт, Карл Хаусхофер обратился с просьбой к своей супруге — она должна была присылать ему на фронт выписки из книг, посвященных истории разных государств и империй. В свободное время он занимался упорядочиванием этих материалов, пытался привести их в систему. Теперь он уже уделяет истории большое внимание. Прошлое представало Хаусхоферу в качестве ключа, который позволял предсказать развитие Германии в будущем. В итоге он пришел к выводу, что в будущем не должно иметься ни одного историка, ни одного исследователя, который бы не имел политического образования. В это время Хаусхофер решил пересмотреть свои планы на будущее. Нет, он не отринул идею вернуться по-

сле войны в университет. Но теперь он видел себя в будущем не в качестве рядового преподавателя или одного из многочисленных исследователей, а исключительно как «воспитателя народа», который должен был определять судьбу нации при помощи геополитики. Одновременно с этим происходила и переоценка своей прошлой жизни. Хаусхофер полагал, что было «безумием» перейти из офицеров генерального штаба в приват-доценты. Однако при этом он считал, что в будущем смог бы реформировать университеты и систему образования: «Эти беспомощные ученые с их дипломами и высоким самомнением о собственной образованности не смогут постичь мое сокровище. Мне же потребовалось для этого три года войны».

Первые свои геополитические прогнозы Карл Хаусхофер стал делать еще в годы войны. Отчасти он в них ошибся. Так, например, он полагал, что мировая война продлится не более трех лет. Однако во многих вещах он оказался прав. Оценивая «душевное состояние» немецкого народа, он писал: «Слишком много истеричного огня и совсем мало осознания системы мира. Никакой подготовки к длительным страданиям и готовности к экономии, низкому уровню жизни». Уже тогда он думал, что отсутствие геополитического и политического воспитания в Германии делало немецкий народ уязвимым. Хаусхофер никогда не был сторонником пангерманской аннексионной политики. Однако, мысля Германию как мировую супердержаву, он не мог отказаться от осуществления особой «восточной политики». Он полагал, что Германия могла без проблем выиграть войну, если удастся расколоть Российскую империю. Уже в 1917 году он говорил об украинской республике, республике Финляндия, подконтрольных Германии республиках Курляндия и Литва, находящейся в зоне австрийского

влияния Польше, «упорядоченных Балканах», где должна была доминировать «великая Болгария», являвшаяся в то время союзницей Германии. Подобное видение Восточной Европы во многом оказалось пророческим, если не считать того, что в данном пророчестве, которое воплотилось в жизнь всего лишь несколько месяцев спустя, не нашлось места для победившей Германии. В то время Хаусхофер заявлял: «Наше военное положение — блестящее. Если бы на таком же уровне находилась и внутриполитическая обстановка в стране, то можно было бы только благодарить обстоятельства».

События ноября 1918 года, когда в Мюнхене и Берлине произошли революции, приведшие к поражению Германии в мировой войне, стали для Хаусхофера огромным испытанием. На страницах своего дневника он вспоминал старую историю, когда знакомый отца, психиатр по специальности, рассказывал, что во время бунта в психиатрической клинике самообладание в первую очередь должны были сохранять санитары и смотрители. Поскольку он больше не мог реализовать себя в качестве офицера, то решил идти по пути, когда-то предложенному его супругой Мартой.

ГЛАВА 5
УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПРОФЕССОР

Поражение Германии в Первой мировой войне облегчило Хаусхоферу принятие решения относительно выбора будущей профессии. 50-летний полковник почти не сомневался, что ему надо было предпочесть научную карьеру. Таким образом, сразу же после возвращения на родину он связался со своим бывшим научным руководителем, чтобы обсудить будущее академическое сотрудничество. В середине декабря 1918 года состоялась беседа Хаусхофера и профессора Эриха фон Дригальски. Полковник произвел настолько большое впечатление на фон Дригальски, что тот с радостью был готов зачислить его в штат Географического института Мюнхенского университета. Теперь время и обстоятельства позволяли Хаусхоферу заняться подготовкой докторской диссертации. Он опять решил обратиться к японской тематике. Его исследование называлось «Основные направления в географическом развитии Японской империи, 1854—1919 годы». При помощи супруги Хаусхоферу удалось в кратчайшие сроки написать двенадцать глав, посвященных геополитическому положению Японии, инструментам, которые использовались японцами для расширения сферы своего влияния. В тексте также был представлен взгляд на

будущее германо-японских отношений. В апреле 1919 года он закончил работу над диссертацией, текст которой был подан на 2-ю секцию высшего философского факультета. 17 июля 1919 года Карл Хаусхофер в малом зале Мюнхенского университета прочитал свою первую лекцию, которая была посвящена «Японскому внутреннему морю». Успех лекции был настолько ошеломляющим, что всего лишь месяц спустя Хаусхофер был произведен в приват-доценты философского факультета.

Некоторое время спустя Марта Хаусхофер характеризовала события тех дней следующим образом: «Я была причастна к одному из самых счастливейших случаев в нашей жизни, а именно к началу преподавания в университете и защите докторской диссертации. Этот переход к новой деятельности произошел естественно и почти без препятствий. Работа радует и занимает его настолько, что он забывает про все другое, будучи полностью погруженным в свою деятельность. Не менее рад столь ценному прибавлению в преподавательском корпусе и профессор фон Дригальски. Другие географы сердечно и мило приветствовали Карла. Они вовсе не намеревались третировать его, чего поначалу мы опасались. Его никто не воспринимает как аутсайдера, напротив, в нем видят ценное кадровое приобретение. Очень хорошо к Карлу относится профессор Шерманн. Недавно в беседе со мной он заявил, что подумывает над тем, чтобы представить Карла к профессуре, позволив ему возглавить собственную кафедру политической и экономической географии. Он полагает, что этот вопрос должен решиться в самое ближайшее время».

Условия труда, которые обнаружил Карл Хаусхофер в Географическом институте, в целом были достаточно скромными. С того момента как в 1906 году по инициативе фон Дригальски

при 2-й секции высшего философского факультета была создана ординарная кафедра, в распоряжении ее преподавателей и студентов находилось пять помещений. Это были зал для семинаров, библиотека, лаборатория, помещение для доцентов и комната для руководства кафедрой. Кроме того, имелся лекционный зал, рассчитанный на 200 студентов. В то время как фон Дригальски читал лекции, посвященные общей физической географии и экономической географии, Карл Хаусхофер с самого начала смог сосредоточиться на специализированных курсах. В зимнем семестре 1919/20 года он прочитал для одиннадцати студентов свой первый курс, посвященный исключительно новой трактовке политической географии, после чего последовали лекции и семинары, касающиеся Восточной Азии, Индии, Германии, Японии (сравнительное страноведение), военной географии, проблем охраны границ, географической антропологии. Кроме этого Хаусхофер уделял отдельное внимание таким проблемам, как урбанизация, проживавшие за пределами Германии немцы, взаимодействие географии и мировой политики. Любимой темой, которой Хаусхофер заканчивал свой лекционный курс, было рассмотрение геополитики в качестве военной науки.

В мае 1920 года Хаусхофер в письме, адресованном Марте, так описывал свои ощущения и первые впечатления, полученные от преподавательской деятельности: «Читаю лекционный курс. По-видимому, люди очень довольны; так, их число по сравнению с первым семестром не уменьшилось. Наверное, слушателей стало даже несколько больше. Однако в данном случае недоволен я сам. Я не получаю того, что хотел. Мне больше нравятся практические занятия, когда можно установить живой контакт с молодежью. Только так можно наладить

настоящее сотрудничество. Лекции — это занятия для мима. Они, по большому счету, бессмысленны, подобно трибунному парламентаризму. Но в этом состоит моя судьба. Я с нетерпением жду четверга, когда в Шпандау начнутся первые практические занятия по геополитике».

Карл Хаусхофер сразу же заслужил уважение коллег, которые не могли не восхищаться его богатейшей домашней библиотекой (15 тысяч томов). Поскольку немолодой уже Хаусхофер с истинным юношеским рвением взялся за научные исследования (поражало хотя бы количество публикаций, выходивших из-под его пера в те годы), то у него фактически не оставалось времени на отдых. В этой бурной и интенсивной работе Карлу Хаусхоферу постоянно помогала его супруга. Она изучала тексты статей и работ, редактировала их; если требовалось, то она делала критические замечания или задавала вопросы. Кроме того, она отслеживала все выходившие из печати книги и журнальные статьи, тем самым помогая супругу составлять библиографию. Сам же Хаусхофер в своих письмах, адресованных сотрудникам, не раз жаловался на суету, которая была присуща работе многих преподавателей высшей школы. Помимо этого к нему шли письма со всех концов света. Многие издатели желали опубликовать у себя материалы или работы, написанные Хаусхофером. Тот же весьма раздражался — его беспокоило то, что много времени уходило на работу с корреспонденцией. Однако в силу своей прирожденной вежливости он не мог оставить приходившие письма без внимания. Он также не мог отказать редакторам научных и научно-популярных журналов. Только этим можно объяснить, что выходившие в начале 20-х годов журнальные статьи были весьма похожими — у Карла Хаусхофера просто не было времени на создание ори-

гинальных статей. Тем не менее, несмотря на многочисленные повторения и самоцитирование, эти публикации нельзя было назвать безвкусными. Кроме того, надо добавить, что многие издатели (журналов в том числе) видели в Карле Хаусхофере в первую очередь баварского генерала (звание генерал-майора было присвоено в 1919 году) и лишь во вторую очередь ученого-исследователя. Именно в это время Карл Хаусхофер сделал себе имя в качестве активиста, который настаивал на осуществлении «народной политики» (в данном случае надо подразумевать смесь геополитики и демографии).

Немецкие исследователи отмечали, что в публикациях начала 20-х годов Карл Хаусхофер не претендовал на научную объективность. В них были очевидными его личные симпатии и антипатии, которые автор даже не пытался скрывать. Однако некоторая односторонность и незначительные заблуждения были просто неизбежны, если человек пытался связать между собой в одно органичное целое сразу несколько научных дисциплин. Это был весьма честолюбивый, но сложный проект. Не всегда Хаусхофер опирался на методику научных доказательств. По большому счету, в академической среде он оставался самоучкой, который из офицера генерального штаба буквально в одночасье превратился в профессора. К тому же не стоило забывать, что, идя на поводу у издателей, Хаусхофер пытался много писать, дабы обеспечить свою семью достаточным количеством денежных средств. Ко всему этому добавлялась отличительная черта его характера — Хаусхофер никогда не писал отрицательных рецензий (а многие из издателей хотели именно рецензии на только что появившиеся книги). В каждой новой работе или новой книге, которые он прочитывал, герой нашего рассказа пытался обнаружить что-то положительное.

Такой во многом некритический подход был продиктован тем, что в каждой книге Хаусхофер пытался найти что-нибудь полезное для формируемой им геополитики.

Между тем методы ведения занятий, к которым прибегал Карл Хаусхофер, устраивали отнюдь не всех преподавателей Мюнхенского университета. Многих раздражало, что генерал мог отклониться от лекционного курса. Надо отметить, что и сам Хаусхофер пытался держать некоторую дистанцию в общении с представителями академических кругов. В итоге в конце 1920 года профессор фон Дригальски подал руководству философского факультета заявление, в котором сообщал, что Хаусхофера можно было представить к должности внештатного профессора в лучшем случае через несколько лет. При этом он подчеркивал, что не стоило учитывать ни возраст Хаусхофера, ни его особое положение в университете. В итоге генералу было предложено преподавать в Тюбингене, от чего тот решительно отказался. Впрочем, Хаусхофер все-таки получил профессорскую должность. Это произошло в марте 1921 года по инициативе баварского Министерства по делам образования и религии. В доме Хаусхоферов это известие встретили с большой радостью. По этому поводу был организован даже небольшой праздник. В то время сам Карл Хаусхофер сожалел лишь о том, что его отец не застал времени, когда сын стал генералом и профессором. В одном из писем он не без юмора сообщал: «Теперь и я присоединился к стародавней касте, гильдии профессоров, в которой так чтят Шопенгауэра». Приблизительно в то же самое время Марта Хаусхофер в письме, адресованном ее матери, писала: «Tout vient à celui qui sait attendre![3] Когда 25 лет

[3] Кто умеет ждать, тому все приходит вовремя! *(фр.)*

назад я связала свою жизнь с секунд-лейтенантом, то и подумать не могла, что он когда-то достигнет такого статуса». Она могла по праву гордиться и разделить успех своего супруга. К указанной дате в дом Хаусхоферов пришло письмо от профессора К. Фухса из Тюбингена, который, кроме поздравлений, выражал сожаление, что ему не удалось заполучить к себе в университет столь ценный кадр.

Несмотря на то что количество слушателей на лекциях, которые читал Карл Хаусхофер, неуклонно росло, он рассматривал свою преподавательскую деятельность как некое одолжение, которое он делал университету. Если в мае 1922 года на его курс ходило 24 человека, то когда в ноябре 1923 года он читал лекцию «Проблемы поселенческой, транспортной, военной и экономической географии», аудитория была забита до отказа. Нельзя сказать, что Хаусхофер был блестящим оратором. Его фразы хотя и были выразительными, но многие находили их слишком длинными. Казалось, это должно было утомлять студентов. Но очевидцы вспоминали, что во многом поэтическая речь профессора звучала для них почти как музыкальное произведение. Хаусхоферу никак нельзя было отказать в умении очаровывать молодежь. Он легко завоевывал доверие своих студентов. Однако он не мог смириться с университетскими устоями. «Ординарное господство» его нервировало, а потому нередко Хаусхофер мог казаться слегка раздраженным. Иногда, чтобы поддержать своего супруга, на лекции приходила Марта. Она же выступала в качестве объективного судьи, указывая на сильные и слабые стороны тех или иных докладов. Вопреки тому что имя Хаусхофера становилось известным не только в Германии, но и во всем мире, сам он позволял себе сомневаться в целесообразности создания такой научной дисциплины, как

геополитика. В одном из писем он сообщал: «Ко мне как-то подошел молодой студент, который хотел знать, как можно было применить на практике политическую географию. В этот момент я словно встретил Мефистофеля на берегу ручья! Знаю ли я сам ответ на этот вопрос?» Чтобы справиться с чрезмерными нагрузками, Карл и Марта Хаусхофер разработали для себя специальное расписание дня. Они вставали около 5 часов утра, а ложились спать около 8 часов вечера.

Изменения в академической жизни Карла Хаусхофера произошли только тогда, когда к власти пришли национал-социалисты. В первой половине 1933 года за работу «Немцы, проживающие за границей, с точки зрения пограничной и военной географии» он получил venia legendi, то есть эта работа была зачтена Хаусхоферу как последокторская диссертация, автоматически дававшая право на чтение лекций в университете. Некоторое время спустя, 26 июля 1933 года, Карл Хаусхофер был официально удостоен звания ординарного профессора. Поскольку такое решение принял имперский наместник Баварии генерал фон Эпп, который был давним приятелем Карла Хаусхофера, то после Второй мировой войны стали высказываться сомнения, что это назначение было оправданным. Так, например, в юбилейном сборнике, который был посвящен столетию Географического общества Мюнхена (1969), говорилось о том, что научное значение Хаусхофера было явно завышенным. Впрочем, нельзя не учитывать, что подобного рода утверждения во многих случаях являлись всего лишь «политкорректными оговорками», которые были призваны завуалировать факты сотрудничества немецких исследователей с национал-социалистическим режимом. Именно по этой причине делались утверждения о том, что геополитика не имела ни-

какого отношения к географии, а кроме того, само это направление было политически ангажированным. Впрочем, выводы о том, что Хаусхофер использовал должность ординарного профессора для личного обогащения, совершенно не соответствовали действительности. Полученная им прибавка к жалованью (250 рейхсмарок за семестр) шла на то, чтобы закупать учебные пособия, которые Хаусхофер планировал использовать во время чтения курса лекций, посвященных военной географии.

Кроме того, заявления о том, что Карл Хаусхофер был «обласкан» властями Третьего рейха, являются не только поверхностными, но и не совсем точными. На практике же все выглядело гораздо сложнее. Нет никакого сомнения в том, что представители Мюнхенского университета и баварского Министерства по делам образования и религии планировали избрать Карла Хаусхофера ректором высшего учебного заведения. При этом принималось во внимание, что Хаусхофер был дружен с заместителем фюрера по партии Рудольфом Гессом. В данном случае профессора геополитики рассматривали как фигуру, которая могла оградить Мюнхенский университет от вмешательства в его дела не в меру честолюбивых приверженцев национал-социалистической партии. Однако преградой для избрания на пост ректора являлось национальное происхождение супруги Карла Хаусхофера. 13 июля 1933 года семью Хаусхофер посетил университетский адвокат д-р Эйнхаузер, который настоятельно рекомендовал «подправить» родословную Марты. В частности, он предлагал объявить, что Марта была всего лишь приемным ребенком в семье Майер-Досс. Это был излюбленный прием тех дней, который позволял «приобрести» арийское происхождение. Марта Хаусхофер отмечала в своем дневнике, что в то время ее супруг оказался в очень

затруднительном положении. Отказ от должности ректора по причине того, что его супруга являлась наполовину еврейкой, мог привести к нежелательным последствиям. В итоге он обратился к своему другу Рудольфу Гессу, в письме к которому просил предпринять меры, чтобы его (Хаусхофера) не избирали ректором университета. Опасения Хаусхофера были вполне оправданными. Поскольку ни он сам, ни его супруга не хотели менять родословную, то это могло стать поводом как для преследования самой семьи, так и для вмешательства в дела университета. До Хаусхофера уже доходили слухи о том, что «доброжелатели» направляли в национал-социалистические инстанции пачки доносов на него.

В июле 1933 года Рудольф Гесс сделал все возможное, чтобы предотвратить избрание Карла Хаусхофера ректором университета. И это ему удалось. Чтобы хоть как-то отдать должное Карлу Хаусхоферу, в августе 1933 года заместитель руководителя Рабочей группы по вопросам геополитики Курт Фовинкель предложил Рудольфу Гессу создать при Мюнхенском университете специальную кафедру геополитики. После этого Рудольф Гесс направил Гансу Шемму, предводителю Национал-социалистического союза учителей и гауляйтеру Баварского Остмарка, письмо. В нем он говорил о целесообразности («хотя бы по внешнеполитическим причинам») создания кафедры геополитики, во главе которой должен был находиться именно Карл Хаусхофер. Однако Ганс Шемм отклонил это предложение, заметив, что в планах министерств не значилось предоставлять особую профессуру Карлу Хаусхоферу. В итоге лишь в январе 1934 года баварский профессор и генерал получил особый статус. Он был назначен «уполно-

моченным по вопросам военных наук», который был ответственен за связи с Немецким обществом военной политики и военных наук.

Казалось бы, проблема с происхождением Марты Хаусхофер была решена. Однако она вновь дала о себе знать, когда Карл Хаусхофер в соответствии с требованиями Закона «О восстановлении профессионального чиновничества» стал заполнять анкеты в университете. В них он был обязан указать «неарийское» происхождение своей супруги. В этих условиях ему пришлось вновь обратиться за помощью к Рудольфу Гессу. В одном из писем он просил дать своего рода «доверенность», которая бы подтверждала, что семья Хаусхофер вела «арийский образ жизни». Подобного рода документ мог позволить и самому Карлу Хаусхоферу, и его сыновьям рассчитывать на продолжение работы в высшей школе. В июле 1934 года Рудольф Гесс направил в соответствующие инстанции письмо, в котором заявлял, что профессор Хаусхофер должен был продолжить свое преподавание, несмотря на то что его супруга не была «стопроцентной арийкой». Кроме того, указывалось на то, что Карл Хаусхофер был не просто ветераном Первой мировой войны, но и полностью разделял национал-социалистическое мировоззрение. На самом деле треволнения семьи Хаусхофер, связанные с национальностью отца Марты, на этом не закончились. В 1935 году новая университетская администрация вновь стала предъявлять претензии. На этот раз под удар попал не только Хаусхофер, но и профессор Эрих фон Дригальски. Сам же Карл Хаусхофер (в характерной для него манере) прореагировал очень импульсивно. Он пригрозил, что прекратит любую общественную и научную деятельность, если не закончатся нападки на его супругу. На этот

раз уже самому Гессу пришлось вмешиваться в ситуацию, чтобы потушить огонь начинавшегося пожара.

Если же описывать саму преподавательскую деятельность Карла Хаусхофера в 30-е годы, то в его ведении оказалось множество общественных структур. Сам он совершал массу командировок и поездок по стране. Карл Хаусхофер стал очень сильно уставать. Его единственным утешением было неуклонно растущее количество слушателей, которые приходили к нему в лекционный зал. 1 октября 1937 года он праздновал 50-летие своей профессиональной деятельности. В этот день проректор Мюнхенского университета был вынужден вручить пожилому профессору поздравительный адрес, который пришел от Адольфа Гитлера. Свою последнюю лекцию в университете Карл Хаусхофер прочитал 13 февраля 1939 года. Он прощался с преподавательской деятельностью, которой посвятил 20 лет. За это время он смог вырастить несколько талантливых учеников. Как уже подчеркивалось ранее, Хаусхофер без проблем мог найти контакт с молодежью. Он всегда поощрял свободу мысли, призывая своих студентов открыто высказываться по той или иной проблеме. Он всегда видел в них равноправных участников дискуссии. Однако его коллеги, во многом завидовавшие успеху Хаусхофера, никогда не признавали его серьезным исследователем. Для них он был всего лишь одаренным и высокообразованным генералом, но отнюдь не ученым. Сам Хаусхофер никогда не скрывал, что ему недоставало научной самокритики, что он выступал в первую очередь в качестве политического активиста и «народного воспитателя». По этой причине в самом конце своей академической карьеры он характеризовал себя прежде всего

как «журналиста, издателя и строительного подрядчика» (он имел в виду строительство его нового семейного дома). После окончания Второй мировой войны американские оккупационные власти лишили его профессорской пенсии, фактически оставив без средств к существованию. Отказав Хаусхоферу в его научных заслугах, американцы фактически толкнули пожилого человека к самоубийству.

ГЛАВА 6
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИСТ

Крушение Германской империи в 1918 году повлияло на немцев, наверное, сильнее и больше, нежели даже Вторая мировая война. Большинство из них были полностью уверены, что империя, созданная Бисмарком, в принципе не могла проиграть Первую мировую войну. Подписание неоправданно жесткого, почти грабительского Версальского мирного договора воспринималось во всех слоях немецкого общества как национальное унижение. Уже по этой причине почти вся история Германии между двумя мировыми войнами проходила под знаком пересмотра этого мирного договора, что нашло выражение в лозунге о «ликвидации Версальского диктата». Впрочем, поражение в Первой мировой войне сказалось не только на Германии. Распалась на множество мелких государств Австро-Венгерская империя Габсбургов. Антанта была весьма заинтересована в создании в Восточной Европе «санитарного кордона», который бы ограничивал Советскую Россию (позже — Советский Союз). Перекройка карты Европы привела к тому, что австрийским немцам, в отличие от чехов, поляков, румын, отказали в праве на национальное самоопределение. Антанта в ультимативной форме запретила объединение Австрийской

и Германской республик, на чем настаивало большинство немцев. По этой причине ревизионистская политика определенных германских кругов была ориентирована в первую очередь на возвращение Германии ее прошлого внешнеполитического статуса великой державы. Этому не могли противиться даже канцлеры молодой Германской республики. Однако, начиная с Густава Штреземана, они предпочитали прибегать к услугам дипломатии, экономическим средствам и международному сотрудничеству. Германия как бы балансировала между Востоком и Западом, с одной стороны налаживая сотрудничество с Советским Союзом, с другой — постоянно озираясь на реакцию западных держав. Нет никаких сомнений в том, что Германия смогла в значительной мере вернуть себе свой внешнеполитический статус еще до 1933 года, когда к власти пришло правительство Гитлера. Это и стало основной предпосылкой для пересмотра Версальского договора.

Однако если посмотреть на внутреннюю политику Веймарской республики, то она характеризовалась отнюдь не действиями умеренных кругов, а неуклонно растущими как левоэкстремистскими, так и праворадикальными настроениями. Республика воспринималась как государственность, принесенная немцам на штыках Антанты, вследствие этого в немецком обществе были весьма популярны лозунги о «ноябрьских преступниках» и «соглашательских политиках», которые действовали во вред немецкому народу. Революционные беспорядки, мятежи, заговоры, забастовки, инфляция, выплаты непомерных репараций — все это до основания потрясло общественную, хозяйственную и политическую структуру Германии. Республика как таковая могла рассчитывать лишь на поддержку незначительного либерального меньшинства, в то время как

«столпы», на которые традиционно опиралось немецкое государство (армия, чиновничество, церковь, представители тяжелой промышленности), относились к демократической форме правления если не враждебно, то весьма скептически. Сменявшееся одно за другим правительство ничего не могло противопоставить растущему национализму и экономической нестабильности. В условиях, когда в германском обществе самой популярной была мысль о том, что «немцы являлись народом без пространства», Веймарская республика казалась созданной только для того, чтобы быть уничтоженной одной из радикальных партий.

Особую обеспокоенность у политических и общественных структур вызвала судьба немцев, которые после окончания Первой мировой войны оказались за пределами Германии и Австрии. По приблизительным оценкам, только в 1919 году таковых было около 10 миллионов человек. В данном случае надо различать рейхсдойче — этнических немцев, которые имели некогда германское гражданство, и фольксдойче, которые являлись подданными иных государств, но не намеревались отказываться от своего происхождения, языка и культуры. В свое время Германская империя уделяла большое внимание тому, чтобы поддерживать фольксдойче. Однако после крушения империи эти задачи приняли на себя многочисленные организации и союзы, жаждавшие поддерживать немцев за границей, тем самым препятствуя политике «дегерманизации». В большинстве своем указанные организации были ориентированы на то, чтобы вернуть Германии часть ее приграничных территорий, которые оказались утрачены после Первой мировой войны. При помощи осуществления разнообразных программ предпринималась попытка поддерживать национальное

самосознание немцев на утраченных Германией территориях. Солидарность всех немцев Европы была провозглашена чем-то вроде генеральной линии, которая должна была привести к пересмотру послевоенного мира. Во множестве случаев оправданная забота о родственниках и близких пропитывалась духом реванша. Бесчисленные организации только ожидали удобного момента, чтобы избавиться от либерального и демократического духа, воссоздать империю, имевшую намерение взять на себя ответственность за всех европейских немцев.

«Миф о народе» в том виде, как он возник в Германии 20-х годов, имел весьма большие и во многом роковые последствия. Дело в том, что он провозглашал народ высшей ценностью, которая и должна была определять границы государства. То есть данные идеологические построения автоматически подразумевали, что единый народ должен был жить в рамках единого государства, то есть все земли, на которых проживали немцы, должны были считаться немецкими. То, что подобные идеи не могли быть претворены в жизнь мирными средствами, прекрасно осознавали большинство приверженцев «единонародной идеологии». Уже в силу этого возникшее движение было изначально направлено против демократического государства, которое не только не являлось идентичным всей немецкой нации, но и не стремилось к этому. Организации, занимавшиеся обеспечением немецкой самобытности вне границ Германии, с самого начала тяготели к объединению, что придавало им большой политический вес. Этот процесс был вдвойне показательным, так как многие политические партии, действовавшие в политическом ландшафте Веймарской республики, постоянно раздирались внутренними конфликтами. По большому счету, всё «единонародное» движение в итоге

оказалось сконцентрированным вокруг двух крупных надпартийных организаций: Союза «Немецкая защита» и «Объединения зарубежных немцев» (ФДА)[4]. Изначально ФДА возникло 23 июня 1881 года как Немецкий школьный союз, однако в 1908 году оно было переименовано в «Объединение зарубежных немцев». Еще до поражения в Первой мировой войне эта организация планировала укреплять связи с немцами, проживавшими вне Германии и Австрии. Однако в то время она в основном сосредоточивала свое внимание на создании немецких школ, библиотек, культурных учреждений — в ее деятельности не было очевидного политического подтекста. Второе рождение ФДА испытало именно в 20-е годы. К 1932 году «Объединение зарубежных немцев» насчитывало 27 земельных (региональных) филиалов, в которые входило 3200 местных и 5500 учебных групп. Союз «Немецкая защита», напротив, появился на свет только в 1919 году. Он с самого начала был ориентирован на то, чтобы вернуть Германии некоторые из утраченных пограничных территорий. В итоге в рамках союза объединилось около сотни радикальных «народных» учреждений. Члены этой организации ориентировались на «боевой» стиль пропаганды, всячески выказывая свое презрение к «изнеженным культурным фанатикам». Пик деятельности «Немецкой защиты» пришелся на начало 30-х годов.

---

[4] Традиционно аббревиатура ФДА используется для обозначения Союза немецких работодателей, однако в рамках данной книги она будет относиться исключительно к «Объединению зарубежных немцев». Более правильно было бы назвать эту организацию «Объединение по делам немцев, проживающих за рубежом». Однако в исторической литературе считается принятым ее более лаконичное наименование.

Вдобавок ко всему имелось еще несколько крупных объединений, которые занимались «народной» политикой. Необходимо указать на «Немецко-народный клуб» («Клуб фольксдойче»), «Немецко-австрийское рабочее сообщество», «Союз Родины судетских немцев», «Немецкая Академия» (Мюнхен), «Сообщество немецких журналов», «Немецкий зарубежный институт» (Штутгарт). Однако на международном уровне наиболее весомым был возникший в 1922 году в Женеве «Союз немецкими этнических групп в Европе». Ему удалось наладить контакты с немецкими группами в Дании, Эстонии, Югославии, Латвии, Литве, Польше, России, Италии (Южый Тироль), Чехословакии, Венгрии. Именно эта организация представляла интересы немецких этнических групп в Лиге Наций.

Столь подробный рассказ о некоторых реалиях германской общественной жизни 20-х годов был необходим, чтобы дать более наглядное представление о том, в каких условиях и с какими идеями приходилось сталкиваться Карлу Хаусхофере в указанный период. Несмотря на то что преподавательская и научная деятельность занимала у него очень много времени, Хаусхофер никогда не был чужд общественной деятельности. Он часто читал лекции в различных немецких университетах, выступал с докладами в различных городах, вел обширную переписку. Кроме того, Хаусхофер, был тесно связан с «Имперским централом службы Родине», «Высшей школой политики» и германским Министерством иностранных дел. Также Хаусхофер постоянно консультировал многих политиков по вопросам, связанным с Дальним Востоком. Став издателем журнала «Геополитика», он постоянно готовил обзоры, которые с 1924 по 1931 год зачитывались по радио. Однако нельзя не отметить,

что Хаусхофер весьма неохотно связывался с «практической политикой» в ее партийном понимании. По этой причине он никогда не сотрудничал только с одной-единственной партией. Он полагал, что это существенно исказило бы его идеи.

Если говорить об общественно-политической деятельности Карла Хаусхофера, ее начало приходится на лето 1919 года, когда он присоединился в Баварии к частям «гражданской самообороны». Несколько раз со своими соседями он выходил на патрулирование района, для чего им даже было выдано боевое оружие. После подавления Мюнхенской советской республики в баварской столице было неспокойно — многие ожидали беспорядков или вооруженных выступлений. Второй раз Хаусхофер вышел на патрулирование мюнхенских улиц в 1920 году во время так называемого «капповского путча», когда бригадой Эрхардта был захвачен Берлин. Из дневниковых записей, сделанных самим Хаусхофером, следовало, что он входил в состав 4-й роты «гражданской самообороны», которая осуществляла деятельность на территории 6-го округа Мюнхена. Рота состояла из четырех групп (18—20 человек каждая). На ее вооружении стояло даже три тяжелых пулемета.

Эти сведения указывают на то, что Карл Хаусхофер был близок к добровольческим корпусам (фрайкорам). Не стоило также забывать, что один из крупнейших добровольческих корпусов возглавлял его друг фон Эпп. Многие из фрайкоровцев после ликвидации советской республики перешли в ряды «гражданской самообороны». На основании имеющихся данных можно предположить, что Хаусхофер был вторым заместителем командира 6-го городского округа полковника фон Грундхерра. Если говорить о самой «гражданской самообороне», в 1920—1921 годах в Мюнхене она насчитывала 25—30 тысяч человек

и около 300 тысяч в целом по Баварии. Со временем берлинское правительство и Международная армейская контрольная комиссия стали настаивать на роспуске этих милицейских частей. Баварское правительство уступило этому нажиму только в июле 1921 года. Однако части «гражданской самообороны» были распущены не сразу же. По крайней мере, имеются сведения о том, что Карл Хаусхофер принимал участие в ее деятельности вплоть до июня 1922 года. К великому сожалению, не имеется возможности установить, какие именно поручения он выполнял в рядах этой военизированной организации.

Вспоминая о периоде 20-х годов, Карл Хаусхофер писал в своих мемуарах, что он оказался неразрывно связанным с двумя мощнейшими интеллектуальными явлениями того времени. Во-первых, с геополитикой, которая постепенно выделилась из политической географии в самостоятельную науку. Во-вторых, с «Немецкой Академией», которой «после нескольких неудачных попыток все-таки удалось сплотить ключевые фигуры немецкой культуры, что уже давно было сделано французами и англичанами». Впрочем, Карл Хаусхофер не всегда придерживался столь лестного мнения о «Немецкой Академии».

Планы по созданию «Немецкой Академии» впервые возникли еще в конце XIX века. Однако непосредственной деятельностью по ее созданию занялся бывший атташе Баварии по культуре барон фон Риттер, который долгое время провел в Париже. В начале 1923 года он в узком кругу высказал мысль о необходимости создания центрального культурного института по образцу «Французской Академии» (не путать с Академией наук Франции). Целью запланированного учреждения должно было стать содействие пониманию за рубежом немецкой самобытности посредством пропаганды немецкого языка

и немецкой истории. Барону фон Риттеру удалось привлечь к себе несколько видных баварских деятелей культуры и науки: ректора Мюнхенского университета профессора Пфайльшифтера, профессора права Франка, профессора истории Онкена, профессора Лона, который специализировался на политэкономии. После этого состоялось несколько встреч, на которых анализировался и обсуждался опыт, накопленный аналогичными заведениями в мире. Рассматривались все варианты, начиная от Японии заканчивая США. Постепенно стали вырисовываться контуры будущей «Немецкой Академии». Предполагалось, что она будет состоять из двух отделений. После этого были установлены контакты с многочисленными немецкими университетами и научными учреждениями. Одновременно с этим создатели «Немецкой Академии» пытались заложить материальную основу для будущей деятельности. Забегая вперед, надо отметить, что эта задача так никогда и не была решена — «Немецкая Академия» почти всегда испытывала материальные трудности. Кроме того, предполагалось сформировать Сенат, в который должны были войти сто самых выдающихся немцев. По мысли создателей, они должны были представлять различные научные и культурные сферы. Данная затея оказалась чреватой последствиями, так как избрание в Сенат стало поводом для проявления многими учеными и деятелями культуры непомерного честолюбия.

В рамках нашей книги нет никакой необходимости рассказывать всю историю создания «Немецкой Академии». Необходимо лишь отметить, что с лета 1923 года в указанных совещаниях деятельное участие стал принимать и Карл Хаусхофер. В 1924 году он стал одним из активнейших участников этого грандиозного проекта. В июне, когда по состоянию здоровья

от дел отошел профессор Дорн, Карл Хаусхофер был избран президентом 2-го (практического) отделения. Всего же в еще не созданной «Немецкой Академии» имелось три президента. Президентом Академии был профессор Пфайльшифтер, президентом 1-го (научного) отделения — профессор Онкен. В конце 1924 году из Бразилии вернулся сын Карла Хаусхофера Альбрехт. Он сразу же подключился к созданию Академии. Ему было поручено налаживать связи и создавать новые группы, заниматься поиском финансистов и покровителей. Буквально за пару месяцев Альбрехт Хаусхофер посетил Гамбург, Киль, Ганновер, Бремен, Магдебург, Штутгарт, Берлин, Дрезден, Кёльн. Организационная работа Карлу Хаусхоферу, напротив, казалась слишком утомительной. По этой причине он в своем письме в марте 1925 года сообщал Марте: «Я буду тащить дела Академии до 5 мая, то есть до момента ее открытия. Но я попросил Пфайльшифтера, чтобы он подыскивал мне замену».

После двух лет подготовительных работ и переговоров «Немецкая Академия» была открыта 5 мая 1925 года. В этот день в актовом зале Мюнхенского университета происходило торжественное собрание. Полное название нового научно-культурного заведения звучало следующим образом: «Немецкая Академия научных исследований и обеспечения немецкой самобытности». Баварская пресса описывало произошедшее как «событие исторического масштаба». В выступлениях не раз подчеркивалось, что Академия «имела своей целью способствовать культурной миссии немецкого народа». Карлу Хаусхоферу предстояло заняться пропагандой немецкой культуры, однако он не имел конкретного плана действий. В итоге он определил, что указанная пропаганда должна быть ориентирована на пять отдельных групп:

— немцев, проживавших в Германии. У них планировалось воспитывать дисциплину и ответственность;

— иностранцев, проживавших в Германии. Их надо было побуждать к систематическим контактам с немецкими культурными объединениями и учреждениями;

— немцев, находившихся на утраченных Германией территориях. Надо было защищать их национальную идентичность;

— немцев, проживавших за границей. Они должны были объединяться в национально-культурные союзы и землячества;

— иностранцев, проживающих за границей. Ознакомление с немецкой культурой самых «перспективных» из них.

Изначально было ясно, что созданная «Немецкая Академия» должна была стать интеллектуальным инструментом, используемым для преодоления «Версальского диктата». Однако только Карл Хаусхофер планировал вести не «оборонительные бои» за немецкую самобытность, а начать духовное наступление, которое должно было помочь Германии сначала вернуть статус «великой державы», а затем все-таки стать «мировой державой». Некоторые из сенаторов «Немецкой Академии» позже вспоминали, что проект был во многом «спонтанным». Почти все признавали, что в Академии не имелось сильного организатора, который бы мог сплотить вокруг себя ученых. Кроме того, при создании «Немецкой Академии» не была учтена традиционная конкуренция между Берлином и Мюнхеном, которая в итоге привела к созданию в 1932 году Института Гёте, находившегося в германской столице.

В 20-е годы Карл Хаусхофер через своего старого знакомого графа Люксбурга поддерживал тесные контакты с Союзом «Оберланд», который возглавлял д-р Вебер. «Оберланд» был

наследником одноименного добровольческого корпуса, созданного весной 1919 года Рудольфом фон Зеботтендорфом. После запрета этого фрайкора он был преобразован в общественно-политический союз. Его правление хотело непременно заполучить Карла Хаусхофера в свои ряды в качестве эксперта по внешней политике. Несмотря на то что сам профессор выказывал открытые симпатии к националистической идеологии «Оберланда», которая в своих основных чертах весьма напоминала мировоззрение национал-социалистов, он все-таки не решился вступить в эту организацию. В 1925 году ему было предложено занять место в правлении Союза, однако Хаусхофер вежливо, но настойчиво отказался от этого поста. Впрочем, это отнюдь не исключало того, что он очень часто встречался с активистами этой организации. Они же воспринимали Хаусхофера как некоего «духовного наставника». Только этим можно объяснить, что герой нашего рассказа не раз бывал в замке Гогенэк, где принимал участие в празднествах и собраниях, организованных «Оберландом».

В 1926 году Хаусхофер оказал д-ру Веберу помощь в издании пропагандистского буклета, для которого предложил несколько идей. При этом он набросал «контуры грядущего Третьего рейха» (в 20-е годы о будущей форме немецкого государства как «Третьем рейхе» говорили не только национал-социалисты). Один из членов организации вспоминал: «Он показал нам не банальные картины будущего. Он указал нам цель для наступления, которая должна привести к завершению многовековой немецкой борьбы. Его слова порождены недостающим нам жизненным пространством». Впрочем, во второй половине 20-х годов Хаусхофер дистанцировался от Союза «Оберланд». Постепенно эта организация под влиянием

Э. Никиша и А. Виннига стала исповедовать идеологию, весьма напоминавшую национал-большевизм. В ней стали превалировать революционные интонации. В 1929 году «Оберланд» раскололся. В Мюнхене имелось его «правое крыло», которое было ориентировано на сближение с национал-социалистами. Другая часть организации была национал-революционной, то есть настаивающей на борьбе против капитализма за права рабочих.

Если в отношениях с Союзом «Оберланд» Карл Хаусхофер никогда не связывал себя конкретными обязательствами, то несколько иначе выглядела история его отношений с Немецкой народной партией (Национал-либеральной партией). Хаусхофер вспоминал: «Когда становится ясным, что, несмотря на внешнюю свободу, заложенную в конституции, немецкому народу полностью отказано в формировании любых форм демократического правительства, некоторые побуждаемы стремлением создать Немецкую народную партию, которая бы стала инструментом свободного развития нации». Автор этих слов всегда относился с большим скепсисом к партийной системе. Накануне Первой мировой войны он дистанцировался от всех партий, на что указывают критические и даже злобные пассажи из писем того времени. Карл Хаусхофер всегда был баварским монархистом. Вопреки приверженности «солдатским ценностям», он при этом отличался либеральным мышлением. Когда фактически впервые за свою жизнь Карл и Марта Хаусхофер 12 января 1919 года пришли к избирательным урнам, то они решили отдать свои голоса «меньшему из зол» — Национал-либеральной партии, которая на выборах в баварский ландтаг получила 9 мандатов (5,8% голосов). Сам Хаусхофер никогда не смирился с ликвидацией монархии, а потому можно гово-

рить лишь о том, что находило отклик в его душе в тот или иной момент. В начале 1919 года он больше всего был обеспокоен тем, чтобы к власти пришли люди, которые смогли, с одной стороны, создать сильный государственный аппарат, быть выразителями национальной воли, но, с другой стороны, могли гарантировать свободу личности. Принимая во внимание предвыборные программы, Карл Хаусхофер оценил обращение Национал-либеральной партии. В то время программа этой политической организации состояла из 12 пунктов.

1. Мы хотим сохранить единую, сильную немецкую империю[5] и выступаем против беспечного отделения некоторых частей страны.

2. Мы стремимся к Великой Германии, в которой будут свободно развиваться все этносы.

3. Мы не хотим деспотичной централизации, которая приведет к произволу Берлина.

4. Мы требуем энергичного создания военных обществ.

5. Мы за свободу торговли, рекламы и индустрии.

6. Мы за защиту национального производителя в сельском хозяйстве и промышленности.

7. Мы выступаем в защиту частной собственности и защиту всякого честного способа зарабатывать себе на жизнь.

8. Мы требуем оздоровления финансов и обеспечения военных займов.

9. Мы отказываемся от неразборчивого обобществления средств производства и аналогичных мероприятий, которые могут осуществляться в хозяйственной сфере.

---

[5] Даже в условиях существования Веймарской республики государственные органы сохранили приставку «имперский»: Имперский банк, Имперская почта, Имперское собрание (рейхстаг).

10. Мы требуем освободить наших военнопленных и обеспечить эффективную защиту проживающих за границей немцев.

11. Мы требуем создания на современной основе вермахта[6], который будет в состоянии защитить нашу Родину.

12. Мы требуем достойного представления политических и экономических интересов империи за рубежом.

Несмотря на все свое негативное отношение к партиям как таковым, Карл Хаусхофер все-таки решился вступить в Немецкую народную партию (именно так с 1920 года стала именоваться Национал-либеральная партия). Это произошло под влиянием Гертруды Вольф, первой женщины-депутата в баварском ландтаге. Вольф была не только активисткой Немецкой народной партии, но и другом семьи Хаусхофер. С начала 1921 года она постоянно призывала Карла и Альбрехта Хаусхоферов попытаться реализовать свои идеи и начинания именно через ее партию. В итоге 10 января 1921 года отец и сын создают местную ячейку Немецкой народной партии. Тремя месяцами позже Карл Хаусхофер был избран в Мюнхене председателем городской партийной организации. На этом постоянно настаивали генерал фон Шох (председатель баварского земельного комитета) и майор Винингер. По большому счету, для самого Хаусхофера стало сюрпризом, что его кандидатура была выставлена на выборы председателя городской организации Немецкой народной партии. Он согласился на этот пост не без сомнений.

Однако в последующие месяцы объем партийно-организационной работы и связанных с ней забот возрос настоль-

[6] Рейхсвер будет преобразован в вермахт только в 1935 году.

ко, что Карл Хаусхофер, и без того не отличавшийся простым и покладистым характером, стал замкнутым и нервным. Только так можно объяснять несколько партийных конфликтов, в которые был вовлечен генерал и профессор. Дело было отнюдь не в его человеческих слабостях или желании стать непререкаемым партийным авторитетом. В итоге в начале 1922 года у Хаусхофера появился долгожданный повод, чтобы отказаться от всех постов в Немецкой народной партии. Однако перед этим он решил посовещаться с сыном Альбрехтом. Карл Хаусхофер полагал, что более не имелось основы для плодотворного сотрудничества с местной организацией партии. Он рассчитывал на доверительные отношения, но на практике ему приходилось обороняться от нападок и распутывать различные интриги. В глубине души Карл Хаусхофер чувствовал, что его решение только облегчит жизнь, станет для него избавлением от муторной партийной работы. В письме, которое он написал 2 февраля 1922 года Марте, Карл Хаусхофер описывал заседание комитета, на котором обсуждалось его заявление об отставке. Это «сугубо бюрократическое мероприятие» вызвало у него исключительное омерзение. Утверждение отставки Хаусхофера было решено перенести на общее собрание городской партийной организации, которое было запланировано на май 1922 года.

Однако 28 мая 1922 года Карла Хаусхофера было решено избрать в земельное правление Немецкой народной партии. При этом была удовлетворена его просьба об отставке с поста главы мюнхенской партийной организации. Таким образом, в 1922 году Хаусхоферу не удалось расстаться с партией. Конечно, номинальная деятельность в земельном правлении не занимала столько же времени, сколько раньше, а потому

еще несколько лет Хаусхофер продолжал числиться в списках партийных активистов. Разрыв с Немецкой народной партией произошел только в 1925 году, когда генерал фон Шох подверг острой критике статью Хаусхофера, посвященную Локарнским договорам. Эта статья, в которой Хаусхофер гневно обрушился на эти договоры, была провозглашена «наносящей вред партии». Не желая мириться с подобного рода критикой, Карл Хаусхофер покинул ряды Немецкой народной партии. Он решил раз и навсегда разделаться с отведенной для него ролью «свадебного генерала», который должен был присутствовать на множестве мероприятий. Впрочем, это не означало, что Карл Хаусхофер полностью утратил интерес к политической и партийной жизни. Однако в конце 20-х — начале 30-х годов он в своих письмах выражал симпатии самым различным партиям. В одном из них он превозносил фон Эппа, который возглавил список Национал-социалистической партии по Баварии. Годом позже говорил о полезности идей, которые высказывались в «Младогерманском ордене» Артура Мараунa. В 1930 году он вежливо отклонил предложение войти в состав правления «Народно-консервативного объединения». В 1932 году Хаусхофер позиционировал себя как последовательный сторонник рейхспрезидента Гинденбурга. Он писал в одном из писем: «Я — не черный и не красный. Я во многом недоволен нашей нынешней системой. Но я один из пяти миллионов человек, которые отдали свой голос Гинденбургу».

В 1923 году у Хаусхофера добавилось забот. Дело в том, что «Объединение зарубежных немцев» хотело непременно привлечь к сотрудничеству именитого мюнхенского профессора. 21 апреля 1923 года он написал своей супруге: «Уже два дня неустанно меня преследует господин фон Вицлебен. Он ходит за

мной по пятам, настроенный говорить только лично. Сегодня я понял, о чем идет речь, — они хотят сделать меня председателем земельного правления объединения, ратующего за сохранение немецкой самобытности за рубежом. Мне будет полагаться собственный офис, секретарь, машинистка, отпечатанная большим тиражом программа. В этом отношении условия более благоприятные, нежели в политических партиях». Баварское отделение ФДА в основном занималось налаживанием культурных связей с немцами, проживавшими в Богемии, Южном Тироле и Эгерланде (Чехия). После трех дней раздумий Карл Хаусхофер дал свое согласие. Впрочем, сам он сомневался, что смог бы сделать очень многое для этой организации.

В июне 1923 года первый заместитель председателя баварской организации ФДА фон Вицлебен разослал циркуляр, в котором указывалось, что на общем собрании в Регенсбурге было запланировано избрать председателем Карла Хаусхофера. В этом документе он характеризовался следующим образом: «Он приобрел богатый геополитический опыт во время своего долгосрочного пребывания в качестве военного атташе дипломатического представительства в Токио[7], постоянно поддерживал контакты с проживающими за границей немцами». Впрочем, избрание Хаусхофера на пост председателя баварской организации ФДА произошло только в августе 1924 года на съезде, который проходил во Швайнфурте. Это решение было принято единогласно. Но это отнюдь не значило, что с 1923 по лето 1924 года Хаусхофер никак не занимался делами «Объединения зарубежных немцев».

---

[7] Здесь была допущена ошибка – Хаусхофер не был представителем дипломатического корпуса, а был офицером, командированным в Японию Военным министерством Баварии.

«Объединение зарубежных немцев», которое возобновило свою деятельность в Баварии в 1920 году, было стремительно растущей организацией. На это указывают хотя бы следующие цифры:

Год	Местные группы	Кол-во членов	Учебные группы	Кол- во членов	Собранные взносы и пожертвования
1920	35	3000	60	14 000	9000
1923	48	35 000			1,3 миллиона
1925	245 (1707)	30 000	191 (1716)	30 000	135 000
1927	432 (2489)	39 000	219 (4078)		198 000
1930	515 (2932)	31 800	298 (5387)	44 200	
1932	558 (3185)	27 000	321 (5492)	39 000	

Как уже говорилось выше, баварское отделение «Объединения зарубежных немцев» проявляло повышенный интерес в первую очередь к Богемии и Южному Тиролю. В 1925 году почти половина собранных средств шла на то, чтобы обеспечить немецкое население в этих регионах книгами, стипендиями, оплаченными учителями, которые должны были преподавать немецкий язык и основы немецкой культуры. В начале 1926 года ФДА присоединилось к акции, в ходе которой призывалось бойкотировать итальянские товары. Кроме того, распространялись призывы воздержаться от туристических поездок в Италию. Проблема заключалась в том, что Южный Тироль перешел к Италии уже после Первой мировой войны и немецкая общественность считала, что итальянские власти

дискриминируют коренное немецкое население. В отношении Богемии ставка была сделана на благотворительность. Туда направлялось большое количество рождественских подарков, которые предназначались для детей из бедных немецких семей. Кроме того из Баварии только в 1929 году в Южный Тироль и Богемию было направлено около 7 тысяч книг на немецком языке. К сожалению, не удалось установить, какими именно делами в ФДА занимался Карл Хаусхофер. В 1925 году он был больше озабочен созданием «Немецкой Академии». По этой причине он попросил освободить его от занимаемой должности. Его преемником стал фон Вицлебен. Однако в отличие от случаев с Союзом «Оберланд» и Немецкой народной партией Карл Хаусхофер покинул свой пост без скандала. Он продолжал быть активным членом правления ФДА вплоть до 30-х годов.

ГЛАВА 7
«МОЙ ЮНЫЙ ДРУГ...»

4 апреля 1919 года Карл Хаусхофер планировал для себя как один из многих дней. Он еще не предполагал, что именно тогда произойдет знакомство, которое во многом повлияет на всю его карьеру, равно как и всю жизнь. В тот день Хаусхофер встречался со своим бывшим адъютантом Максом Хофвебером. Именно он познакомил героя нашей книги с 24-летним Рудольфом Гессом, молодым лейтенантом, который в свое время служил в 35-й эскадрилье истребителей, действовавшей на Западном фронте. В середине декабря 1918 года Гесс оставил службу в армии, после чего в феврале 1919 года прибыл в Мюнхен. Подобно многим офицерам-фронтовикам, он остро переживал поражение Германии в Первой мировой войне, а крушение Германской империи считал национальным позором. Рудольф Гесс не мог понять, почему многолетняя ожесточенная борьба на фронтах оказалась напрасной. Разочарованное «военное поколение» возвращалось назад в Германию, где планировало продолжить борьбу против тех, кого считало виновными в «немецкой катастрофе». В итоге в 1919 году Рудольф Гесс оказался втянут в водоворот политических событий. Однако свою политическую и общественную деятельность он совмещал с учебой

в Мюнхенском университете. Именно тогда Гесс встретился с Карлом Хаусхофером, которого полагал не просто интересным собеседником, но и человеком, способным объяснить многие вещи. Годы спустя сын Рудольфа Гесса Рюдигер напишет: «Для моего отца эти беседы стали первыми инстинктивными шагами, которые он сделал к осмысленному политическому мышлению». Между Карлом Хаусхофером и Рудольфом Гессом завязалась дружба, которая продлилась не одно десятилетие.

Впервые на чаепитие в дом Хаусхоферов Рудольф Гесс был приглашен 28 января 1920 года. Там же он провел пасхальные праздники. В этот же период в пивной «Штернэкер» Рудольф Гесс познакомился с Гитлером. Будущий фюрер настолько очаровал Гесса, что тот летом 1920 года вступает в только что возникшую Национал-социалистическую партию. Между тем отношения между Гессом и Хаусхофером стали настолько дружескими, что, несмотря на разницу в возрасте, они в общении друг с другом перешли на «ты». Принимая во внимание тот факт, что отец Гесса был достаточно авторитарной и замкнутой личностью, молодой лейтенант обнаружил в Хаусхофере доброго советчика и духовного наставника, в котором так нуждался разочарованный в жизни фронтовик. Хаусхофер же ценил в Рудольфе Гессе прежде всего смелость, жажду деятельности, которая выражалась в стремлении к конкретным делам, а не в «вызывающих жестах». Кроме того, мюнхенский профессор и баварский генерал обрел в лице молодого товарища верного слушателя и ученика. Со временем Хаусхоферу удалось выявить у Гесса способности к математике и естествознанию. Однако ему не хватало целостности восприятия мира. По большому счету, Хаусхофер пытался превратить своего ученика в объект некоего практического приложения своих во многом

умозрительных теорий. Он намеревался подготовить при помощи геополитики будущего политического борца. Впрочем, это не мешало Хаусхоферу отмечать, что Рудольф Гесс никогда не выделялся особыми интеллектуальными способностями. «Он компенсировал их своим сердцем и характером. Однако я не стал бы говорить о том, что он был очень уж умен».

Из сохранившихся дневниковых записей Марты Хаусхофер следовало, что в 1920 году Рудольф Гесс был постоянным гостем в их доме. Он был одним из немногих людей, кто мог отвлечь легкой беседой от тяжких размышлений пребывавшего в подавленном и угрюмом настроении Карла Хаусхофера. Вместе они совершали прогулки, работали в Географическом институте, обсуждали темы для будущих семинаров. Изредка Гессу удавалось затащить Хаусхофера на мероприятия, которые проводили национал-социалисты. Гесс на протяжении многих лет пытался привлечь своего старшего друга в ряды НСДАП, но Хаусхофер, памятуя о неудачном сотрудничестве с Немецкой народной партией, деликатно отказывался вступать в гитлеровскую партию. Несмотря на то что Хаусхоферу импонировали некоторые из программных установок НСДАП, он никогда не намеревался примкнуть к «движению» (национал-социалисты почти никогда не именовали себе партией). С подачи Рудольфа Гесса 24 июля 1921 года Карл Хаусхофер познакомился с Адольфом Гитлером. Увы, но до нас не дошли воспоминания, в которых бы описывалась реакция Хаусхофера. В следующий раз Хаусхофер встретится с Гитлером только в 1926 году в доме известного издателя Брукмана. На этот раз оценка была вполне однозначной: «Было ужасно скучно, так как от провозглашенного “великим человеком” приходилось слышать весьма банальные и пошлые вещи. Абсолютно бездарно потраченный вечер».

Когда после неудавшегося путча Рудольф Гесс оказался в тюрьме Ландсберг, Карл Хаусхофер не раз навещал его. В документах сохранились сведения о том, что визиты Хаусхофер наносил обычно по средам. Всего же с 24 июня по 12 ноября 1924 года он встречался с Рудольфом Гессом восемь раз. После того как Гесс вышел из тюрьмы, он в качестве секретаря и адъютанта Гитлера решил полностью посвятить себя политической борьбе. Это не позволяло часто видеться с Хаусхофером, но дружеские отношения отнюдь не прекратились. Гесс не раз обращался к своему старшему другу за советом. Кроме того, в декабре 1927 года Хаусхофер был свидетелем на свадьбе Рудольфа Гесса и фрейлейн Ильзы Прёль.

Дружеские отношения между Карлом Хаусхофером и Рудольфом Гессом привели к тому, что в 20—30-е годы «мастер» в большинстве случаев воспринимал набиравший силу национал-социализм с позиций его «ученика», то есть совершенно некритично. Рудольф Гесс пытался представить национал-социалистическую политику в первую очередь как стремление к созданию «Великогерманского рейха», что неизбежно было связано с «некоторыми эксцессами». В итоге Хаусхофер был вполне удовлетворен подобными заявлениями своего друга. На это, в частности, указывает текст биографических зарисовок, в которых Хаусхофер пытался описать Рудольфа Гесса. Профессор планировал опубликовать их в качестве отдельного рассказа в 1933 году, но затем решил отказаться от этой затеи. В этом повествовании также было указано, когда впервые Хаусхофер увидел Гитлера в действии (их личное знакомство произошло несколько раньше). В 1922 году в Мюнхене под председательством Хаусхофера проходило партийное собрание, на котором выступал прибывший из Гамбурга «герр Пипер». На это меро-

приятие в сопровождении штурмовиков прибыл Гитлер, который намеревался сорвать собрание. Однако до скандала дело не дошло, вмешался Гесс, который уговорил будущего фюрера не дискредитировать Национал-социалистическую партию в глазах своего авторитетного учителя.

После попытки переворота, которая вошла в историю под названием «пивного путча», Рудольф Гесс скрывался от полиции до мая 1924 года. О степени доверительности отношений между ним и Карлом Хаусхофером говорит хотя бы то, что несколько дней молодой национал-социалист провел в доме у своего профессора. Гесс пребывал там с 14 по 17 ноября 1923 года. Сам Хаусхофер вспоминал по этому поводу: «Никогда не забуду облегчения, когда беглец оказался в безопасности. Но может ли это продолжаться долго? Не так-то легко скрываться молодому орлу в тесной птичьей клетке, даже если в ней хватает интеллектуальной пищи. Его соратники снаружи пытались делать погоду, а потому старались связываться с ним как с одной из важных персон. Иногда в полумраке они собирались на нашей лестнице в саду, что-то обсуждали, консультировались». Предвидя, что рано или поздно он будет арестован, в мае 1924 года Рудольф Гесс сдался полиции. Это спасло его от жесткого наказания. Он был приговорен к 18 месяцам тюрьмы, семь с половиной из которых он провел вместе с Гитлером в тюрьме Ландсберг. Впервые Хаусхофер посетил Рудольфа Гесса в тюрьме 24 июня 1924 года. Во время своих визитов Хаусхофер узнал, что Гесс и Гитлер очень много читали в заключении. В частности, Гесс внимательно изучил «Политическую географию» Ратцеля. Гесса выпустили на свободу 2 января 1925 года.

В начале 1925 года вновь была разрешена деятельность Национал-социалистической партии. Однако Рудольфу Гессу,

оказавшемуся на свободе, приходилось заново выстраивать свою жизнь. Ему было запрещено продолжать учебу в Мюнхенском университете. В этих условиях Хаусхофер пришел на помощь своему ученику. Он решил использовать опыт Гесса, сделав его внештатным ассистентом в «Немецкой Академии». Именно в этом качестве Рудольф Гесс начал знакомство с работой по обеспечению деятельности немецких общин за пределами Германии. Позже он некоторое время будет курировать этот вопрос в имперском руководстве НСДАП. В апреле 1925 года Гесс решил оставить любую научную деятельность и стать адъютантом Гитлера, которого наиболее радикальные национал-социалисты уже провозгласили «фюрером». По воспоминаниям современников, Рудольф Гесс превратился в «тень» Гитлера, причем многие из них откровенно побаивались этой «тени», так как полагали Гесса опытным, знающим, а стало быть, опасным человеком. Сам же Хаусхофер с большим сожалением вспоминал о выборе Гесса: «Гитлер использует Рудольфа Гесса для грубой пропагандистской работы, несмотря на то что адъютант является благородной, идеалистической и аристократической натурой. Я тщетно стремился удержать его от этого. Партийная борьба становится более грубой и более язвительной. Иногда случаются самые невероятные случаи. В политику влиты деньги промышленников, в нее даже вмешиваются силы из ближайшего зарубежья. Консервативные силы объединяются со сбивчивыми ультра-революционерами. Процветает коррупция, в которой тон задает имперская столица, выпустившая поводья из рук. Приходится выбирать меньшее из зол. Однако и это сделать очень сложно. Трудно найти собственный путь, который можно было бы оправдать перед самим собой».

До настоящего времени ведутся ожесточенные споры относительно того, в какой мере идеи Карла Хаусхофера, пересказанные его учеником Рудольфом Гессом, оказали влияние на Гитлера, в частности при написании «Майн Кампф», книги, которая считается программным документом национал-социалистического движения. В ноябре 1945 года Хаусхофер заявлял, что не нашел в «Майн Кампф» ни одной строки, авторство которой можно было бы приписать ему. Более того, когда вышел первый том книги Гитлера (18 июля 1925 года), Хаусхофер решительно отказался печатать рецензию на нее в своем журнале. Подобное решение он мотивировал тем, что «Майн Кампф» не имела ничего общего с геополитикой. Однако профессор не отрицал того факта, что в 1924 году во время визитов в тюрьму к Рудольфу Гессу объяснял ему некоторые из положений геополитики. Кроме того, он передал Гессу «Политическую географию» Ратцеля и трактат фон Клаузевица «О войне». Конечно же, они могли быть использованы для написания «Майн Кампф», однако Хаусхофер придерживался мнения, что Гитлер не был в состоянии полностью постигнуть ни одну из его (Хаусхофера) идей. В частности, он указывал на то, что Гитлер предельно извратил идею о «жизненном пространстве», которая как раз в указанное время была впервые высказана Карлом Хаусхофером. В этом извращенном виде идея была положена в основу внешнеполитической доктрины национал-социалистов.

К сожалению, не сохранилось никаких записей, которые бы вел в тюрьме Ландсберг Рудольф Гесс. По этой причине до сих пор остается неизвестным, о чем он беседовал с Гитлером и какие идеи пересказывал ему. В данном случае остается только лишь полагаться на сравнительный анализ текстов Ратце-

ля, Хаусхофера и национал-социалистических документов (в первую очередь автором которых являлся Гитлер). Сразу же надо оговориться, что в 1941 году в предисловии к сборнику «Сила земель и судьба народов» Карл Хаусхофер отмечал, что переданный им в 1924 году томик «Политической географии» Ратцеля стал «одной из самый читаемых книг в небольшой библиотеке тюрьмы Ландсберг».

Если говорить о работе Ратцеля, то ее автор сожалел о том, что развитие такой дисциплины, как политическая география, происходило не столь же стремительно, как и географии в целом. Кроме того, он выражал обеспокоенность тем, что «политические дисциплины» в своем развитии были явно лишены географического влияния. По этой причине Ратцель планировал вывести политическую географию на принципиально новый уровень. Он полагал, что социология и история «парили в воздухе», в то время как политическая география должна была строить свою доктрину понимания государства исключительно с опорой на «землю», то есть территории. Более того, со временем политическая география должна была стать чем-то вроде части истории. Для Ратцеля государство (на всех стадиях его развития) было естественным организмом, связанным именно с территорией. А потому государство должно было рассматриваться в первую очередь с географической точки зрения. Ратцель предполагал, что действия всех великих политиков и государственных деятелей были географически детерминированными (то есть определяемыми географическими факторами). Кроме того, каждая из наций должна была обладать собственной географической миссией. Подобное призвание крылось в способности к экспансии, к колонизации новых территорий, что у Ратцеля называлось «свойственным от природы духом

властителя». В той части своей работы, где Ратцель говорил о «здоровых политических инстинктах», он в первую очередь подразумевал «правильную» оценку политической властью географических оснований государственности.

Ратцель воспринимал нации в виде естественного организма, который был тесно связан с территорией. По мере развития нации происходило и развитие территории. Поэтому жизнь государства должна была характеризоваться двумя процессами: развитием вширь (расширение) и вглубь. С одной стороны, нация посредством государства должна была приобретать новые территории, с другой стороны, государство посредством нации должно было закрепляться на этих территориях. Государство и нация, подобно растениям, должны были укореняться на пространстве, пускать корни, извлекая из земли (территорий) средства для своего существования, что должно было приводить к еще большему «укоренению». По мере того как развивается государство, оно должно было предъявлять новые требования к своим территориям. Поскольку предполагалось, что запросы нации должны были возрастать, то высказывалась мысль, что государство должно было осваивать новые территории, но ни в коем случае не отказываться от имевшихся ранее земель. В этой связи государство по мере своего развития должно было претерпевать процесс территориального роста. А потому связь между государством и пространством провозглашалась исторической закономерностью.

В представлениях Ратцеля государство было своеобразным выражением отношений между живым организмом (народом) и неподвижным пространством (территорией). Различные государства должны были быть разделены идеальными границами или вовсе пустующими территориями. Нации как

естественные организмы жили бы своей внутренней жизнью, которая в некоторых случаях при этом приводила бы к внешнему движению, то есть осваиванию новых территорий или утрате ранее уже имевшихся. Развитие народа Ратцель представлял с географической точки зрения, то есть как организм, который, сокращаясь или расширяясь, занимал определенные территории. Непрерывное развитие национального организма было очень редким случаем. История почти не знала примеров того, чтобы нация, свободно расширяясь, занимала неограниченные территории. Обычным процессом являлись колебания (расширение — сокращение), которые приводили к распаду и возникновению новых государств. Возникновение нового государства в большинстве случаев сопровождалось духовным и экономическим подъемом нации, что автоматически вело к стремлению освоить новые территории, укорениться на новом пространстве. В итоге Ратцель провозглашал, что территориальное расширение государства являлось проблемой переноса границ на периферийные территории. Из всего этого делался вывод о том, что различные государства могли развиваться в борьбе с соседями, причем следствием этой борьбы должно было стать приобретение или утрата некоторых территорий. Ратцель предполагал, что двигателем этого процесса являлась не столько потребность в новых пространствах, сколько способность государства контролировать эти пространства. Он выводил нечто вроде жизненного закона: небольшое государство, соседствующее с крупным государством, неизменно стремится к своеобразному «равновесию», то есть желает иметь такую же территорию, что и большой сосед. Подобные различия устранялись за счет приобретения новых земель. В качестве примера подобной тенденции приводились территориальные

пропорции Австро-Венгрии, Германии, Франции, Испании (Европа), Соединенных Штатов Америки и британских владений (Северная Америка). В результате продолжительная борьба между отдельными государствами провозглашалась итогом их внутреннего развития.

Насколько же с этими идеями соотносилось предложенное Карлом Хаусхофером понятие «жизненное пространство»? Сразу же надо оговориться, что сам Хаусхофер никогда не давал четкого определения этого понятия. Поэтому очень сложно установить, в какой степени идеи о расширении «немецкого жизненного пространства» воспринимались их создателем в качестве реальных и осуществимых. В большинстве случаев Хаусхофер говорил о среднесрочной и долгосрочной перспективе, но никогда не ставил на повестку дня территориальную экспансию Германии. Пролить свет на эти сложные вопросы помогут некоторые из сохранившихся сведений.

Впервые публично о «жизненном пространстве» Карл Хаусхофер заговорил 28 июня 1924 года. В тот день он выступал в цирке «Корона» на митинге, организованном «Немецким союзом борьбы против лжи об ответственности за войну» (ранее организация именовалась «Немецкий вынужденный союз против черного позора»). Выступление Хаусхофера вызвало бурные овации. Что же заявил Хаусхофер многотысячной толпе, захлебнувшейся от восторга? «Где письменно закреплено, что все великие народы Земли имеют право объединиться, чтобы изувечить наше жизненное пространство, чтобы лишить нас возможности вольно дышать? Они всегда должны помнить, что немецкий народ никогда не смирится с урезанным жизненным пространством, что он никогда не откажется от прав на свои территории». Далее Хаусхофер под крики одобрения про-

должал: «Вы не имеете права рожать детей, если не намерены завоевать ради этих детей жизненное пространство».

Годом позже у Карла Хаусхофера вышла книга «Геополитика Тихого океана», в предисловии к которой он вновь обратился к теме «жизненного пространства». Он писал: «Беспрерывно изменяются соотношения сил на Земле, и это происходит как раз в настоящее время, связанное с безрадостными событиями и несчастьями. Поэтому мы больше не должны упускать из виду этот процесс, постоянно наблюдать за ним, выискивая возможность, чтобы формировать или провоцировать подобные изменения». Однако подобный подход требовал не столько слов, сколько действий. По этой причине в начале 1926 года Хаусхофер принял участие в работе научной недели, которая была организована объединением немецких университетов. Он рассказывал студентам и их преподавателям о дипломатии и внешней политике. Уже во время своего выступления Хаусхофер отталкивался от идеи «жизненного пространства», на котором возник «немецкий народный организм». Согласно его тезисам задача немецкой внешней политики состояла в том, чтобы расширять и укреплять «жизненное пространство». Хаусхофер полагал, что к середине 20-х годов оно стало слишком «тесным» для гармоничного развития немецкого народа. Он полагал, что Германия была слишком зависимой от внешних факторов, в том числе иностранной экономики. Геополитика должна была стать не просто ведущей идеей для немецкого народа, но и дисциплиной, которая бы позволила расширить и защитить «немецкое жизненное пространство».

Несмотря на то что в разное время Хаусхофер давал «жизненному пространству» различные трактовки, в них можно обнаружить некие схожие черты. Он отчасти использовал кон-

струкции Ратцеля, полагая, что «жизненное пространство» являлось территорией, на которой в естественных или искусственных границах обеспечивалось сохранение жизни проживавшего там народа и различных форм жизни (животные, растения). В данном случае речь могла идти о существовании в целом («плотность дыхания»), о сугубом наличии живущих (плотность населения) и об обеспечении длительного проживания. Подобного рода построения неизбежно выводили на вопросы либо об автаркии, либо о полной вовлеченности в мировые хозяйственно-экономические процессы. Обладая не только территориями для проживания, но и «жизненным пространством», убедительной идеей и «народной личностью» (то есть характером народа), нация, по идее Хаусхофера, могла успешно и гармонично развиваться. Если же нация была лишена всего этого, то она была неизбежно обречена на гибель. При этом Хаусхофер делал ставку на самоопределение «свободной народной личности» в ее естественном ландшафте. Полной противоположностью этому процессу являлось определение судьбы народа внешними (иностранными) силами, которые в итоге должны были стремиться к захвату «жизненного пространства».

Идеи о расширении «жизненного пространства» Карл Хаусхофер высказывал и в многочисленных статьях, которые были написаны им в 1927 года. Однако он ограничивал возможности внешней политики в этом отношении, если подобное расширение представляло «жизненную угрозу для народного существования». В указанное время он предполагал в первую очередь устранение в Европе «этнической чересполосицы», которая была одним из результатов складывания Версальской системы. Он думал, что окончание Первой мировой войны отнюдь

не положило конец, а только стало началом геополитического преобразования континента. Германия должна была вернуть себе все утраченные территории. В 30-е годы он вновь повторил эти идеи, однако на этот раз они звучали более конкретно. Хаусхофер полагал, что сохранение «жизненного пространства» являлось для Германии важнейшей политической задачей, так как немцы были единственной крупной европейской культурной нацией, которой было отказано в свободе действий. Он считал, что немцы (подобно японцам и итальянцам) должны были заявить, что слишком тесное «жизненное пространство», отведенное Германии, могло стать причиной новых политических осложнений, которые в свою очередь могли привести к новым европейским потрясениям. Немцы должны были воссоединиться в естественных границах своего проживания. Хаусхофер полагал, что спасение Германии крылось в «народно-политическом мышлении»: «Однобокое государственно-политическое мышление сыграло роковую роль в прошлом Германской империи».

В 1931 году он выпустил работу «Геополитика панидей». В ней он характеризовал пространственные задачи государства следующим образом: «Всегда имеется возможность для живой, гибкой, а не формальной охраны границ, для оберегаемой жизни, а не безопасности на бумаге, с одной стороны, и захвата земель по внутреннему праву — с другой, праву на землю, исходя из глубочайшей, основанной на обычае, кровной связи, углубления в нее самое, что, как нам кажется, гарантирует прочность пространственных образований при осуществимых панидеях. В этой связи играет выдающуюся роль их возможность присоединять пространства иного рода, приходить к добровольному сотрудничеству, использовать в общих инте-

ресах как разновидности общего пользования. “Не заграждай рта волу, когда он молотит!” Древняя хозяйственная мудрость Ближнего Востока преподносит здесь замечательный, часто игнорируемый ключ также к успешному формированию панидей в их естественных и расчлененных пространствах».

Национал-социалисты уже в 20-е годы восприняли тезис Хаусхофера о «расширении жизненного пространства». Рудольф Гесс, который в «эпоху борьбы» постоянно сопровождал Гитлера в многочисленных поездках, высказал эту мысль в 1928 году следующим образом: «Германии предстоит тяжелая, требующая многих жертв борьба. Она будет вестись до тех пор, пока не сформируются предпосылки для пространственной политики, которая необходима, если мы хотим сохранить жизнь нашей нации. Эта политика является самой важной задачей движения — все остальное можно рассматривать лишь в качестве подготовки и средств для достижения цели». Далекоидущая «пространственная политика» национал-социалистов была принципиально противопоставлена «пограничной политике» умеренных консерваторов. Еще в 1920 году Гитлер в одном из выступлений заявил о необходимости расширения германских границ по линии Мемель — Кенигсберг — Братислава — Вена — Страсбург — Гамбург. Впрочем, для выступлений раннего периода подобное требование в устах Гитлера было скорее исключением, нежели правилом. Позже, формируя свои геополитические идеи, фюрер исходил из того, что немецкие границы 1914 года не были идеальными. Они были итогом так и не выполненной немецким народом миссии, то есть промежуточным результатом. Он считал государственные границы делом рук человека, а стало быть, их мог изменить другой человек. В своих внешнеполитических представлени-

ях Гитлер опирался на три «столпа»: миф о силе, высказанный Сорелем, мистику «крови и почвы», которая была сформулирована Рихардом Вальтером Дарре, и на тезисы о «расширении жизненного пространства», которые были позаимствованы у Карла Хаусхофера.

Свое видение будущей Европы Гитлер сформировал уже в середине 20-х годов. Именно тогда он стал высказывать идеи о «новом порядке», который полностью преобразит континент. Видение будущего континентального устройства было отчасти связано с неоромантическими представлениями об империи, отчасти с расистской идеологией. Впрочем, Гитлера нисколько не интересовало, что расовое «преобразование» Европы и создание «новой великой Германской империи» во многом противоречили друг другу. Эти противоречия можно было не принимать в расчет, если исходить из того, что Гитлер намеревался создавать империю отнюдь не для заботы о «народном организме». Создание рейха, а затем и перекройка Европы имели не «естественные», а исключительно идеологические причины. Гитлер прежде всего хотел начать мировоззренческую истребительную войну против марксизма и его производных. По этой причине он никогда не намеревался проводить германские границы по ареалу проживания немцев, а вынашивал идеи о мировом господстве. Тотальное же преобразование Европы должно было осуществляться исключительно на расовой основе. Если сравнивать трактовки Гитлера и Хаусхофера, то мы обнаружим, что профессор считал «расширение жизненного пространства» главной политической задачей, а фюрер видел в нем всего лишь предпосылку для начала идеологически спровоцированной территориальной экспансии, которая должна распространиться на весь мир.

Сравнивая три концепции, в которых употреблялось понятие «жизненное пространство» (Ратцель, Хаусхофер, Гитлер), можно однозначно говорить о том, что они не были идентичными. Представления Ратцеля в основном базировались на биологии и натурализме, характерном для XIX века, к основателям которого можно было бы отнести Августа Комте и Герберта Спенсера. Ратцель всегда стремился применить естественнонаучные законы к всемирной истории, при этом явно переоценивая влияние природных факторов и не придавая большого значения экономике и проблеме правящей элиты. При этом он обозначал «борьбу за жизненное пространство» как принцип, определяющий ход всего исторического развития мира. Ратцель указывал на то, что чем сплоченнее внутри являлось государство, тем эффективнее оно решало проблемы с освоением «жизненного пространства». Карл Хаусхофер лишь до некоторой степени воспринял специфику подобного подхода. Однако он модифицировал и обновил теорию Ратцеля, добавив в нее сведения из специальных научных дисциплин. По этой причине «борьба за жизненное пространство» была провозглашена важнейшей целью национальной политики. Однако Хаусхофер все-таки предусматривал наличие баланса между расширением «жизненного пространства» и «обеспечением существования народного организма». Именно последнее являлось сутью исторического процесса. Несмотря на то что многие из построений Карла Хаусхофера носили ярко выраженный националистический оттенок, он никогда не намеревался превращать геополитику в средство для истребительной войны. По этой причине профессор до конца 30-х годов провозглашал необходимость складывания «континентального блока», в который должны были войти Германия, Россия (СССР) и Япония.

Уже одно это обстоятельство указывает на то, что национал-социалисты, используя понятие «жизненное пространство», никогда не ориентировались на идеи Карла Хаусхофера. Они намеревались осуществить программу «экспансии на Восток», в то время как Хаусхофер был принципиальным противников конфликта с СССР (Россией). Все это позволяет говорить о том, что влияние Хаусхофера на Гитлера, которое он якобы мог оказывать через своего друга Рудольфа Гесса, было ничтожным. Гитлер использовал лишь понятийный аппарат Хаусхофера, превратив некоторые термины в своего рода лозунги и дав им новое содержательное наполнение.

ГЛАВА 8
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ВРЕМЕН РЕСПУБЛИКИ

Сразу же после окончания Второй мировой войны Карл Хаусхофер высказал несколько идей, которые касались интернационализации и натурализации политических наук посредством геополитики и страноведения. В своих предложениях Карл Хаусхофер, кроме всего прочего, как бы рассказал историю геополитики. Развитие геополитики началось в Германии после окончания Первой мировой войны под влиянием работ Рудольфа Челлена и Фридриха Ратцеля. Учредители журнала «Геополитика» (после 1944 года переименован в «Журнал геополитики»), который на протяжении долгих лет редактировался Карлом Хаусхофером, исходили из того, что Первая мировая война возникла по причине взаимной неосведомленности 70 наций мира. При этом профессор отталкивался от того, что главной целью в политике должно было быть сохранение сакральности пространств и территорий. Постижение сути и смысла иных государств было практической задачей геополитики. Поскольку Германия после поражения в мировой войне оказалась одной из самых ущемленных в своих правах стран мира (исправлению данной ситуации не помогли даже много-

численные обращения в Лигу Наций), то базой для развития геополитики как науки стала именно «Срединная Европа». При этом Карл Хаусхофер указывал на то, что даже в 1935 году в США геополитика не играла существенной роли. «Однако ее идеи носились в воздухе, так как уже в 1943 году появилось множество книг и читалось 1180 университетских курсов по проблемам геополитики». Несмотря на то что «немецкая школа» стала пионером в деле изучения геополитики, Карл Хаусхофер не отрицал того факта, что она базировалась на наработках не только немцев (Фридрих Ратцель, Фердинанд фон Рихтхофен), но и шведа Челлена, американца Адамса Брукса, англичанина Макиндера, француза Альбера Деманжона, испанца Винсента Вивеса, индийца Беноу Кумар Саркара. Не называя конкретных имен, Карл Хаусхофер отдельно выделял русских исследователей, прежде всего коллектив журнала «Дальний Восток» и авторов «превосходной книги» «Тихоокеанская проблема».

Почти четверть века до этого, когда слово «геополитика» фактически не было известно научному миру, Карл Хаусхофер в одной из своих первых лекций, посвященных «задачам сравнительной политической географии», заявлял о том, что справиться с ними можно было только при помощи коллективных усилий. Он предполагал создать нечто вроде сплоченной группы единомышленников, в которой бы каждый человек был специалистом по определенному участку Земли. «Актуальные политические требования в большинстве случаев рассматриваются как проблема современной истории, но их надо воспринимать с позиций сравнительной политической географии! Возьмите хотя бы вопрос, который сейчас нас волнует больше всего, — это проблема выбора политических руководителей. Ее решение найти очень просто, если рассматривать проблему как биогеографическую проблему, но с позиций сравнитель-

ной политической географии. Биология настоятельно учит нас тому, что в природе происходит постоянный отбор. Поэтому для органов власти надо выбирать самых пригодных, по возможности людей, идеально предназначенных для той или иной сферы политики. История дает нам множество примеров того, как безжалостно бывают наказаны за свои упущения те, кто сразу же начинает почивать на лаврах славы. Но только сравнительная политическая география может объяснить, почему по-разному поступают люди! Почему одна и та же идея в одной части света приводит к ожесточенной многовековой борьбе, в другой воспринимается как совершенно нормальная, а еще где-то высмеивается как романтические бредни».

Три года спустя, в марте 1923 года, Карл Хаусхофер написал статью, которая назвалась «Учиться воспринимать геополитически». В ней он рассуждал о только что вышедшей в мюнхенском издательстве «Ольденбург» книге Вючке «Борьба за земной шар», в которой имелось множество схем и рисунков, сделанных самим автором. «На 200 страницах этой книги, стоящей не дороже бульварного романа, приводятся убедительные документы, свидетельствующие о политически-географических знаниях и мастерстве автора. Он внимательно отслеживал мировые процессы по ежедневной прессе. Конечно, одновременно с этим в США вышла книга, которая преследует те же самые цели. Это “Новый мир” Боромана. Она больше по своему объему почти в десять раз. Там же, где в ней приводится обзор всей географической и геополитической литературы всего мира, появившейся в последнее время, нам приходится обходиться небольшими отсылками. Но при этом иностранная книга стоит 12 долларов, то есть почти полмиллиона на наши деньги! Знания о геополитике и опыт, изложенный в книге, ни-

когда не могут стоить дешево. Они не могут валяться на улице! Однако никогда не поздно стремиться приобрести эти знания! Обэтомнадобнознатьнашиминтернациональныммечтателям... Они могут даже обвинить автора “Борьбы за земной шар” в смертном грехе — в приверженности идеям империализма. Они готовы позволить процветать любому империализму, но только не империализму собственного народа! Они могут попытаться оспорить непреклонные факты, изложенные в этой геополитической книге, обжаловать многие из иллюстраций-карт, которые наглядно свидетельствуют о том, что ни один народ Земли не пребывает в столь стесненных обстоятельствах, как немцы. Именно из-за идеологической глупости немцы сейчас лишены жизненного пространства... Чтобы выжить в борьбе за существование, не имеется никакого иного пути, кроме как проявить волю самостоятельно определяющейся личности: это относится как к отдельному человеку, так и к народу в целом». В итоге Карл Хаусхофер призывал всех сознательных немцев оценивать любые политические, общественные, культурные явления именно с геополитических позиций.

Приблизительно в то же самое время Хаусхофер с подачи профессора Эриха фон Дригальски знакомится с только что получившим ученую степень Куртом Хессе. Позже Хессе станет пресс-секретарем германского посольства в Лондоне. После этого знакомства Хессе и Хаусхофер выходят на рейнского издателя К. Фовинкеля, которого приглашают к сотрудничеству. Они задумали издавать журнал «Геополитика», на страницах которого оценивались бы все политические и внешнеполитические события, происходившие в мире, с точки зрения теорий, предложенных Челленом и Ратцелем. По сути, они задумали заложить основу праксеологии мировой политики. После не-

скольких встреч к проекту удалось привлечь профессора Э. Обста (Ганновер), д-ра Г. Маулля (Грац) и д-ра Лаутезаха (Гиссен). Первая рабочая программа журнала была составлена лично Куртом Хессе. Однако редактировать новый журнал все-таки было поручено Карлу Хаусхоферу. Он приступил к выполнению этих обязанностей в 1924 году. Хаусхофер был редактором журнала «Геополитика» на протяжении 20 лет. Несмотря на то что в исторической и исследовательской литературе постоянно встречаются оговорки о том, что это было «спорное издание», нельзя не отметить, что именно журнал Хаусхофера, как ни какое другое издание в мире, был причастен к формированию геополитических исследований в том виде, как их привыкли воспринимать в настоящее время.

Издание журнала не было безоблачным проектом. В его редакции постоянно происходили споры, которые, как правило, касались проблем актуальной политики. В 1931 году противоречия в редакции настолько обострились, что ее покинуло несколько человек. С этого момента журнал издавался фактически единолично Карлом Хаусхофером, которому помогал его сын Альбрехт. В августе 1939 года отмечалось не только 15-летие с момента появления первого номера «Геополитики», но и 70-летие Хаусхофера. Этот двойной юбилей был отмечен выходом в свет специального номера журнала. В нем была опубликована статья, из которой однозначно следовало, насколько сложно приходилось издателю «Геополитики» добиваться признания. «Не раз в среде ученых и публицистов звучит фраза о том, что они ничего не хотят знать о "геополитике" и даже о самом Хаусхофере. Но при этом они сознательно или бессознательно повторяют идеи Хаусхофера. Произошло то, что нередко случается в мировой истории. Теория Хаусхофера созрела,

после чего стала определять настоящее и будущее, фактически став общественным достоянием. В настоящее время едва ли можно рассуждать о вопросах внешней и мировой политики, не повторяя хотя бы в некоторой степени идей Хаусхофера. Его геополитические тезисы используются почти всеми. Журналисты были первыми, кто обратил внимание на неслыханное трудолюбие Хаусхофера, который оказался весьма плодовит на идеи. Их смущало то, что они явно не могли состязаться с ним в объемах ежедневной работы. Собственно, меньше всего их интересовали факты и теория. Однако именно практическая деятельность во внешнеполитической сфере доказала истинность хаусхоферовских идей».

Несмотря на то что Карл Хаусхофер был профессором и политическим консультантом, его реальное влияние все-таки определялось «печатным словом». В своих работах и статьях он создавал новую политическую модель мира, в которой пытался обнаружить ранее невидимые связи. В основу своих построений Хаусхофер пожил идею англичанина Макиндера о том, что существовало непреодолимое противоречие между океаническими и континентальными силами. Развивая эту мысль, было высказано предположение о том, что на евразийском материке имелась некая континентальная сила, которая распространялась от центра в направление побережий. Этой силе противостояли морские державы, которые пытались взять евразийский материк в кольцо, чтобы тем самым препятствовать распространению континентальной власти. По сути, противостояние этих двух сил и определяло весь ход борьбы за мировое господство. Кроме того, Хаусхофер указывал на то, что между двумя полюсами имелась колеблющаяся зона, которая в определенных условиях могла выступать либо в качестве союзницы

континента, либо океана. То есть могла использоваться либо «морскими грабителями», либо «степняками». В отношении Германии Карл Хаусхофер придерживался мысли, что она неизбежно являлась заложницей этого мирового противостояния. Впрочем, по этому вопросу в разное время он мог менять свою точку зрения. Однозначно к континентальным державам он относил Советский Союз, Турцию, Персию, Афганистан, Индию и Китай. Внешнее морское кольцо вокруг материка образовывали британские владения и базы на Гибралтаре, Мальте, Кипре, Суэцком канале, в Персидском заливе, Индии, Сингапуре, Гонконге. К внешнему морскому кольцу он также относил Австралию, Новую Зеландию и некоторые страны Латинской Америки. По большому счету, к внешнему кольцу Хаусхофер причислял любые владения Франции (Индокитай), Голландии, Португалии и США (Филиппины).

Формируя эту модель, Хаусхофер никогда не претендовал на непредвзятость и объективность. На ней очень сильно сказывались англофобские настроения профессора. Именно они во многом определяли континентальные симпатии Хаусхофера. Он исходил от противного — раз «континент» был противником «океана» (который в первую очередь ассоциировался с колониальной Британской империей), то Хаусхофер считал необходимым выступать на стороне континента. Его англофобия иногда приобретала весьма злорадные черты. Так, например, профессор не мог скрыть своей радости, когда Япония стала закрепляться в Тихоокеанском регионе, подорвав там влияние Великобритании и США. Если же где-то Великобритания или Франция смогли закрепиться на островных территориях, некогда подконтрольных Германии, то он немедленно выступал за независимость этих областей. Парадоксальность этой ситуа-

ции станет очевидной, если принять в расчет, что Хаусхофер на протяжении всей своей жизни был сторонником колониального империализма. Именно по этой же причине он постоянно пропагандировал неизбежность сближения СССР, Турции, Китая и Японии, так как только в таком блоке «континент» мог дать достойный отпор «англосаксам». В этой связи может показаться весьма интересным, что Хаусхофер считал, что «внешнее морское кольцо», созданное морскими державами, являлось опорой для расовых предрассудков, которые были положены в основу англосаксонского колониализма.

Несмотря на то что Хаусхофер восторгался (фактически преклонялся) японской культурой, в своих геополитических построениях он выражал особые симпатии все-таки в адрес Китая. В этом случае он даже позволял себе проводить некоторые параллели между Германией и Китаем. Обе страны виделись ему жертвами Первой мировой войны, разорванными в клочья, на несчастьях которых были готовы нажиться алчные соседи. Китай, подобно Германии, должен был уступить часть своих территорий иностранным государствам, которые являлись представителями «внешнего морского кольца». Немалый интерес Карл Хаусхофер проявлял к внутреннему политическому развитию Китая. Очень большое внимание он уделял действиям местных коммунистов. В этой связи он не раз задавался вопросом: в каких формах могла произойти социальная трансформация Китая? Он делал прогноз, что китайское общество должно пойти мирным путем к социальной форме, весьма напоминавшей коммунизм. Впрочем, он не исключал возможности того, что могли возникнуть очаги социально-революционного движения с «иконоборческими элементами». Только в свете позиции Хаусхофера в отношении Китая мож-

но понять, почему он не мог вынести однозначного геополитического суждения о Японии. Он не относил ее ни к исключительно континентальным, ни к сугубо морским державам. На это также указывала противоречивость экспансионистских устремлений Японии. С одной стороны, она хотела закрепиться на континенте (Маньчжурия, Корея), с другой стороны, активно проявляла себя на тихоокеанских просторах.

Самым примечательным в построениях Хаусхофера, которые касались противостояния «континента» и «внешнего морского кольца», было то, что он рекомендовал Германии стать во главе стран «третьего мира». По его мнению, Германия, как самая униженная европейская страна, должна была возглавить освободительную борьбу азиатских колоний и полуколоний за свободу. Если бы эта борьба координировалась Германией, то, по мнению Хаусхофера, имелась реальная возможность сломить мировое господство Великобритании и других «морских держав». В картине мира будущего, которая была нарисована Хаусхофером, он не отводил никакой значительной политической роли ненавидимой им Великобритании. Остатки колониальной империи, которой Хаусхофер предрекал закат, должны были быть «распределены» между различными державами. Например, владения в Тихом океане должны были перейти в зону влияния США и Японии. После этого Великобритания была бы вынуждена влачить жалкое существование, подобно Венеции, которая когда-то контролировала весь Адриатический регион. При всей своей ненависти к англичанам Карл Хаусхофер никогда не скрывал, что они были одним из самых талантливых «народов-повелителей».

Поскольку после окончания Первой мировой войны Европа оказалась разделенной на множество мелких государств, то

могло сложиться впечатление, что одновременно с этим возникло множество мелких геополитических пространств. Однако Хаусхофер предостерегал от вынесения столь поспешных суждений. Он всегда полагал, что Европа тяготела к панидее. При этом Карл Хаусхофер весьма скептически относился к панъевропейским идеям графа Куденхове-Калерги, полуавстрийца-полуяпонца, который в 1922 года основал Панъевропейский союз. Эта организация призывала к объединению Европы. Она стремилась к тому, чтобы снять противоречия между Германией и Францией. Подобного рода трактовки панъевропейского движения во многом противоречили националистическим настроениям, царившим в Германии. Уже по этой причине Хаусхофер полагал, что идеи Куденхове-Калерги не учитывали интересов «Срединной Европы» (Германии), а потому едва ли было возможно какое-то сближение с Францией. Настаивая на объединении всего немецкого народа, мюнхенский профессор подчеркивал, что Рейнская область и Эльзас являлись, по своей сути, немецкими территориями. Кроме того, Карл Хаусхофер отмечал, что Версальская система не предотвращала, но, напротив, провоцировала новую войну в Европе. Весьма противоречивым было его отношение к Польше. Уже в годы национал-социалистической диктатуры он должен был занять подчеркнуто негативную позицию, однако во многих статьях чувствовалось выражение невольной симпатии к Пилсудскому. Хаусхофер всегда был расположен к так называемым «сильным личностям». Если Хаусхофер с самого начала настаивал на геополитическом сближении Германии и Советского Союза, то подписанный в 1934 году между Третьим рейхом и Польшей договор он использовал для того, чтобы пропагандировать идею «Новой Европы». Этот внешнеполитический шаг

стал всего лишь поводом для призыва к сотрудничеству всех европейских стран, которые нельзя было однозначно отнести ни к «континенту», ни к «океану». Польша была одной из таких стран. Она постоянно находилась как под давлением Запада (Англия), так и под угрозой с Востока (Россия). Согласно мнению Хаусхофера, Гитлер и Пилсудский поступили совершенно верно, что, несмотря на многочисленные противоречия, решили заключить пакт, который мог обеспечить «жизненное пространство» обоим государствам.

В своих «Ежемесячных обзорах мировой политики» Карл Хаусхофер готовил анализ всех важнейших политических событий в мире за прошедший месяц. Он обращал внимание в первую очередь на назревавшие и проявившиеся конфликты. В этой связи он нередко делал прогнозы. Поскольку постоянное прогнозирование политической жизни в мире являлось делом откровенно неблагодарным (как показывает практика, прогнозы могли сбываться не сразу), то нередко свои суждения Карл Хаусхофер делал при помощи метафор, используя богатство образного языка. Если изучить «Ежемесячные обзоры», то можно увидеть четкие различия между теми, что были написаны в годы республики, и теми, что были созданы в условиях национал-социалистической диктатуры. Первым были присущи воззрения оппозиционного мыслителя и аналитика, во вторых чувствовались конформистские настроения. Карл Хаусхофер явно намеревался подстроиться под требования нового режима, что нашло выражение даже в использовании слов из «национал-социалистического лексикона», чего он никогда не делал до 1933 года.

Что касается самой Германии, то Карл Хаусхофер очень редко освещал внутриполитические процессы. Лишь во времена

национал-социалистической диктатуры он вскользь упоминал события «имперского масштаба»: партийные съезды, проходившие в Нюрнберге, речи Гитлера, отдельные выступления своего друга Рудольфа Гесса и т. д. Однако почти во всех своих «Ежемесячных обзорах» он выражал обеспокоенность тем, что Германия со всех сторон была окружена «недружественными» государствами: Антанта, «санитарный кордон», Польша, Чехословакия. В отношении последней он испытывал самые неприязненные чувства. Осуждая «соглашательскую» внешнюю политику республиканского правительства, Карл Хаусхофер оценивал Веймарский период прежде всего как попытку сломить изоляцию, в которой оказалась Германия, что должно было иметь своим продолжением изменение Версальской системы. Однако переговоры, которые шли в Локарно, он воспринимал крайне недоверчиво и настороженно. Он полагал, что достигнутые договоренности скрывали в себе множество опасностей, связанных в том числе с Лигой Наций. В одной из статей Хаусхофер заявил, что в Локарно Германия подчинилась тем же самым силам, которые безжалостно эксплуатировали страны Дальнего Востока, в первую очередь Китай. Он проводил очевидную параллель между Локарнскими договорами и безжалостной эксплуатацией колоний в Азии. Аналогичным образом он оценивал «план Дауэса», который предусматривал для Германии новый порядок выплат репарационных платежей. Хаусхофер мыслил, что этот план стал еще одни средством, ведущим к эксплуатации Германии. Несмотря на то что в целом Хаусхоферу были интересны панъевропейские идеи Куденхове-Калерги, он никогда не мог согласиться с ними, так как они были «пропитаны пацифистским духом». Однако Хаусхофер не мог отрицать того, что складывание Пан-Европы

могло привести, с одной стороны, к ослаблению напряженности на континенте, с другой стороны, могло стать достойным ответом на паназиатские и коммунистические устремления.

С особой язвительностью и с завидной регулярностью Карл Хаусхофер критиковал деятельность Лиги Наций. Он считал эту организацию не просто беспомощной, но и видел в ней инструмент, который должен был замаскировать «истинные» (читай — грабительские) намерения западных держав. Хаусхофер резко осудил вхождение Германии в Лигу Наций. Он высказывал мысль, что Лига наций могла бы стать действенной организацией, если бы Германии позволили изобличать преступления, которые Великобритания и Франция совершали в азиатских странах. После этого он иронично замечал, что планета была слишком большой, чтобы уместиться в Женеве. Одновременно с этим он подвергал осмеянию всех тех, кто наивно полагал, что Лига Наций смогла бы защитить интересы Германии. Критику Лиги Наций Хаусхофер продолжил в Третьем рейхе. Например, он не мог согласиться с санкциями этой организации, которые были наложены на Италию, начавшую боевые действия в Абиссинии. Он отмечал, что Лига наций придерживалась двойных стандартов. Например, она осуждала Италию, но никак не комментировала советское вмешательство в дела Китая. Хаусхофер пророчил скорый конец Лиги Наций, которая в итоге должна была попасть под советское влияние, став своего рода ареной для высказывания большевистских идей. Подтверждением этого прогноза стали события 1938 года, когда Лига наций не стала вмешиваться в так называемое «Мюнхенское соглашение».

Со временем Хаусхофер перестал стыдиться лестных отзывов, касающихся деятельности Гитлера и его соратников.

Вначале он превозносил двухсторонние внешнеполитические пакты, которые заключались гитлеровским правительством. Нередко профессор давал весьма благоприятные оценки Рудольфу Гессу. Хаусхофер считал его настоящим политиком с духом бойца, что должно было роднить Гесса с лордом Галифаксом, одним из лидеров британских консерваторов, который в 1937 году вел переговоры с Гитлером. Когда весной 1938 года произошел аншлюс Австрии, то герой нашего рассказа характеризовал это событие как «счастливейшее переживание для великогерманского народного духа». В то же самое время он не стеснялся в словах критики, которые отпускались в адрес Франции. Хаусхофер гневно громил французскую колониальную политику, которая поощряла сохранение фактического рабства в отдельных азиатских странах. Но при этом он одобрял совместные действия испано-французских войск, которые вели боевые действия против республики Риф в Марокко. Когда в 30-е годы во Франции к власти пришло правительство «Народного фронта», то Карл Хаусхофер вновь стал отпускать в адрес этой европейской страны язвительные замечания. Он считал действия Леона Блюма безответственными и фактически солидаризировался с теми французами, которые видели в этом левом политике «разрушителя Франции». Хаусхофер предсказывал, что если «Народный фронт» останется у власти, то он полностью разорит страну, вызвав «французский Апокалипсис».

Несколько иной характер носили нападки Хаусхофера на Великобританию. Они мало напоминали его критику Франции или Лиги Наций. Профессор с плохо скрываемым злорадством отмечал каждый из признаков разрушения Британской колониальной империи. Он не мог не зафиксировать, что официальный

Лондон фактически не контролировал ситуацию в колониях. Когда Хаусхофер рассуждал о Тихоокеанском регионе, то предсказывал, что Великобритания утратит здесь всякое влияние, уступив место США и Японии, которые будут состязаться между собой, в том числе в попытке заполучить под свой контроль Австралию. Кроме того, Хаусхофер приветствовал индийское движение к независимости. В данном случае он выступал не как противник колониализма в целом, а как противник именно британского колониализма. За исключением Галифакса, ни один из британских политиков не заслужил положительных оценок Карла Хаусхофера.

В различное время Карл Хаусхофер по-разному оценивал политику Советского Союза. В 20-е годы он весьма благосклонно относился к Советской России. Причиной этого была отчетливо выраженная антибританская внешняя политика советского руководства. В декабре 1923 год Хаусхофер даже направился в Берлин, чтобы способствовать началу тайных советско-германо-японских переговоров, которые, по его мысли, должны были закончиться складыванием военно-политического блока. В это время он не без удовлетворения отмечал, что Советы подрывали позиции Британии и Франции в колониях. Кроме того, Хаусхофер оценивал внутреннюю политику Советского Союза в 20-е годы как «взвешенную». Однако во многих случаях он выдавал желаемое за действительное. В 30-е годы в соответствии с требованиями национал-социалистической пропаганды Хаусхоферу пришлось изменить свое отношение к Советскому Союзу. Он стал рассуждать о политических преследованиях. С этого момента вмешательство СССР в дела Китая, Монголии и Маньчжурии стало оцениваться исключительно с негативных позиций. Еще позже Хаусхофер был вынужден

провозгласить Москву «виновницей» начала гражданской войны в Китае и Испании. Последний раз ему удалось выразить свои симпатии к России лишь в 1940 году, когда была написана работа «Континентальный блок». Впрочем, буквально накануне этого ему пришлось давать оценку военного конфликта, который произошел между Японией и СССР. Если в конфликте между Китаем и Японией Хаусхофер был все-таки на стороне китайцев, то во время вооруженных конфликтов с частями Красной Армии (Хасан, Халхин-Гол) он выказывал симпатии японцам. Поскольку Хаусхофер крайне негативно относился к либерально-демократическим преемникам Сунь Ятсена, то он мог не скрыть своего восхищения авторитаризмом Чан Кайши, который пытался ограничить власть провинциальных князьков. Отдельного восторга заслужил тот факт, что в окружении Чан Кайши имелось множество именитых немецких военных советников. Оценивая политические события в Китае, Хаусхофер сожалел о начавшейся там гражданской войне. Он никогда не возлагал вину за нее на японцев. Вначале он винил в этом Великобританию и США, а в 30-е годы переложил всю ответственность на Коминтерн, «советских агентов» и китайских коммунистов.

ГЛАВА 9
ВРАСТАНИЕ В «НОВУЮ ГЕРМАНИЮ»

После прихода к власти национал-социалисты смогли заручиться благосклонностью общественных организаций, которые занимались проблемами «народности». Это произошло благодаря пропаганде, изображавшей фюрера в качестве «спасителя» от хаоса, большевизма и социального упадка. По этой причине многие видели в Гитлере политика, который был в состоянии заступиться за проживавших за пределами Германии немцев. В свою очередь эти немцы восприняли Третий рейх как государство, которое более не занимало в отношении бывших соотечественников нейтральную позицию, ограничиваясь редкими благотворительными акциями, но приняло на себя обязательства по заботе о немцах во всем мире. Такая деятельность была одной из составляющих форсированной ревизии Версальской системы. Подобного рода заявления и стремление зарубежных немцев поддержать национал-социалистов привели к тому, что имперское правительство Германии оказалось в некотором затруднении. Гитлер на ранней стадии формирования национал-социалистической диктатуры отнюдь не планировал провоцировать серьезную внешнеполитическую реакцию. Работа с этническими немцами, проживавшими за

рубежом, была очень сложной сферой, так как любой неосторожный шаг мог вызвать множество внешних осложнений, которые в свою очередь могли подорвать и саму власть национал-социалистов в Германии. Имперское правительство предполагало сделать предпосылками политики «освоения жизненного пространства» все-таки не работу с зарубежными немцами, но наращивание вооружений, повышение боеготовности имперских немцев, складывание новых политических и военных блоков в Европе. В этих условиях на повестку дня сам собой был поставлен вопрос о централизации всей «народной политики», которой с 20-х годов занималось множество различных организаций и союзов. В апреле 1933 года Гитлер решил, что ответственным за это поле деятельности будет назначен его заместитель по партии Рудольф Гесс. Тот же привлек к решению целого ряда проблем своего бывшего наставника Карла Хаусхофера, на протяжении многих лет связанного с «Объединением зарубежных немцев». Рудольф Гесс планировал провести тайные консультации с Хаусхофером, чтобы выяснить, в какой форме можно было бы осуществлять руководство «народной политикой». Опасения Гесса были вполне понятными — если бы он отдал предпочтение одной из уже существовавших организаций, то рисковал лишиться поддержки всех остальных. В итоге было принято решение создать так называемый «Фольксдойче Совет». В октябре 1933 года председательствовать в этом консультационном органе было поручено именно Карлу Хаусхоферу. По сути, совет не был ни партийной, ни государственной организацией, что избавляло национал-социалистов от необходимости отвергать обвинения во вмешательстве во внутренние дела иных государств. Положение «Фольксдойче Совета» определялось исключительно авторитетом Рудольфа

Гесса, который курировал его деятельность. В сам совет должно было входить восемь человек. По указанным выше причинам было желательным (по крайней мере, в первое время), чтобы они формально были беспартийными, но при этом активно поддерживали национал-социалистов. Не стоило забывать о том, что у НСДАП на указанный момент не имелось грамотных специалистов, которые были бы компетентны в этой области. Представленные в «Фольксдойче Совете» люди должны были являться представителями различных общественных сфер: высшей школы, культуры, промышленности. Они должны были стать посредниками между государством (Третьим рейхом) и немцами, жившими за рубежом.

Несмотря на поддержку Рудольфа Гесса, «Фольксдойче Совет» в своей работе с самого начала столкнулся с множеством проблем и трудностей. Проблема заключалась как раз в том, что его члены не были партийными активистами, а потому во многих случаях не могли рассчитывать на поддержку некоторых из подразделений НСДАП. Формальная независимость членов совета, которая должна была стать преимуществом, на практике же оказалась слабостью. Поскольку официально «Фольксдойче Совет» не был связан с НСДАП, то это стало самым его уязвимым местом. Члены совета с первых дней работы попали под огонь перекрестной критики, которая раздавалась из самых различных партийных структур. В первую очередь она была связана с тем, что «старые бойцы», в 1933 году активно делившие власть, полагали поведение членов совета «неправильным». Например, всплыли сведения о еврейском происхождении супруги Карла Хаусхофера, а потому ему приходилось избегать публичных заявлений в качестве председателя совета. Кроме того, со временем выяснилось, что точка

зрения отдельных членов совета на «проблему народности» во многом не отвечала национал-социалистическому подходу. Руководство НСДАП отнюдь не интересовала народность ради самой народности. В борьбе за влияние на зарубежных немцев им надлежало навязывать национал-социалистическое мировоззрение, отказываясь от «искусственного» деления немцев на рейхсдойче и фольксдойче. Членам совета приходилось из тактических соображений мириться с национал-социалистическими догмами. Сразу же надо отметить, что они очень медленно проникали в сферу «народной политики», а потому члены «Фольксдойче Совета» еще долгое время могли придерживаться «либеральных» концепций «Объединения зарубежных немцев», которые были ориентированы не на мировоззренческую обработку фольксдойче, а на оказание благотворительной помощи.

Вопреки тому что председателем «Фольксдойче Совета» являлся Карл Хаусхофер, которому со временем удалось провести в правление организации своего сына Альбрехта, фактическим предводителем являлся все-таки федеральный руководитель «Объединения зарубежных немцев» Ганс Штайнахер. Именно он ведал всеми организационными вопросами в совете. Не стоит забывать о том, что совет располагался в Берлине и Хаусхоферу приходилось приезжать на его заседания из Мюнхена. Кроме того, в самом совете с большим подозрением наблюдали за разворачивающейся борьбой между отдельными партийными и государственными инстанциями. Работа осложнялась тем, что за рубежом среди немцев стали появляться «молодые» национал-социалистические организации, которые конкурировали со «старыми» культурными объединениями. По большому счету, Хаусхоферу была отведена одна-единствен-

ная функция — он должен был обеспечивать взаимодействие с Рудольфом Гессом. Только Рудольф Гесс мог осуществить контроль над деятельностью зарубежной организации национал-социалистической партии (НСДАП-АО), которую возглавлял весьма честолюбивый Эрнст Вильгельм Боле, единственный гауляйтер, за которым не была закреплена конкретная территория. Боле планировал оказывать влияние на зарубежных немцев исключительно в национал-социалистическом духе, к чему прилагал немало усилий. Первый успех этого гауляйтера ожидал осенью 1934 года. Карл Хаусхофер был бессилен помешать интригам молодого партийного функционера. В итоге в состав «Фольксдойче Совета» был введен Иоахим фон Риббентроп, которого пророчили в «звезды» национал-социалистической дипломатии. Штайнахер, которого поддерживал Карл Хаусхофер, пытался объяснить Рудольфу Гессу, что не стоило включать в сферу деятельности совета тех немцев, которые, проживая за границей, уже имели германское гражданство. Однако Риббентропу удалось добиться того, что он стал протягивать руку помощи через совет радикальным, ориентированным в первую очередь на национал-социалистов немецким зарубежным объединениям. После этого Штайнахер заявил Хаусхоферу, что в последующем любое сотрудничество «Фольксдойче Совета» с зарубежной организацией НСДАП не представлялось возможным. Штайнахер решил больше не собирать совет, выполняя возложенные на него обязанности в непосредственном контакте с собственными друзьями. Он ожидал, что совет либо распустят, либо реорганизуют.

Разочарованные подобным развитием событий Карл и Альбрехт Хаусхоферы не раз обращались за консультациями к Рудольфу Гессу. Они просили оградить «народную политику» от

вмешательства партийных органов. Однако Гесс проявлял нерешительность, в некоторых случаях он сказывался больным. Все это вело к тому, что он, как заместитель фюрера по партии, становился все более и более зависимым от Мартина Бормана. В итоге Гесс был готов защищать лишь Хаусхоферов, но отнюдь не других членов совета. В 1935 году Карл Хаусхофер решился еще раз обсудить с Гессом проблемы работы с зарубежными немцами. В это время Альбрехт открыто упрекал своего отца в том, что тот, являясь председателем «Фольксдойче Совета», позволял вмешиваться в дела организации гауляйтеру Боле. В конце январе 1935 года Хаусхофер рассказал сыну, что имел очень продолжительную беседу с Гессом, которая в некоторые моменты проходила на повышенных тонах. Гесс заверил своего учителя, что не планировалось распускать ни «Фольксдойче Совет», ни «Объединение зарубежных немцев». Более того, планировалось отчитать Боле. Однако слова так и остались словами. После состоявшейся беседы не было предпринято никаких конкретных действий. В течение последующих месяцев не раз обсуждалось изменение состава совета, но ни слова не было произнесено об изменении его компетенции. Положение самого Хаусхофера было более чем шатким. В этих условиях профессор геополитики был неприятно удивлен поведением своего бывшего ученика. Рудольф Гесс в письменной форме запретил ему принимать участие в заседании правления «Объединения зарубежных немцев», которое планировалось провести в Кенигсберге. После этого Хаусхофер отметил, что совет стал в принципе бессмысленным. В итоге он начал сторониться этой сферы деятельности.

После продолжительного противостояния «Фольксдойче Совета», «Объединения зарубежных немцев» и партийных струк-

тур осенью 1935 года Рудольф Гесс по рекомендации Хаусхофера принял решение. При совете был создан новый негласный комитет, который должен был взять новый политический курс. Тот факт, что Гесс воспользовался советом своего учителя, указывает на то, что, несмотря на политические осложнения, отношения между ними не испортились. Если в старом своем составе «Фольксдойче Совет» пытался проводить умеренную внешнюю политику, то после появления на свет тайного комитета — «бюро Курселля» — произошли существенные перемены. С этого момента совет более не был автономной организацией, он превратился в негласную партийную инстанцию, которая фактически подчинялась фон Риббентропу, являвшемуся уполномоченным лицом заместителя фюрера по партии. Отто фон Курселль, по имени которого было названо бюро, являлся «старым бойцом движения». Он даже носил золотой партийный значок, а потому не мог являться объектом для критики со стороны партийных структур. Находившиеся в его подчинении сотрудники были либо молодыми членами партии, либо служащими СС. Они не имели ни малейшего опыта работы с зарубежными немцами, но пытались компенсировать этот недостаток или энергичностью, или исполнительностью. Однако со временем Курселль оказался втянут в конфликт с Гиммлером, что предрешило закат его карьеры.

«Фольксдойче Совет» и «бюро Курселля» действовали в условиях договоренностей, достигнутых с Карлом и Альбрехтом Хаусхоферами. Предпринимались неоднократные попытки унифицировать работу с зарубежными немцами. Впрочем, это удалось сделать только во второй половине 30-х годов, когда Гитлер стал проявлять немалый интерес к данной проблеме. Тогда с подачи Гиммлера на «народную политику» был по-

ставлен обергруппенфюрер Лоренц, который возглавил новую организацию — «Ведомство посредничества фольксдойче» (ФОМИ). Несмотря на то что «Фольксдойче Совет» утратил всяческие полномочия, сотрудники ФОМИ не раз обращались за консультациями к Карлу и Альбрехту Хаусхоферам.

Если говорить о деятельности Карла Хаусхофера в рамках «Немецкой Академии», то надо подчеркнуть, что после 1933 года и эта структура стала заложницей так называемой «борьбы компетенций», которую вели между собой различные партийные и государственные инстанции. Рудольф Гесс по поручению Гитлера провозгласил 16 сентября 1933 года полную независимость «Немецкой Академии» от партии и правительства. Подобное решение было принято в отношении многих другим организаций, занимавшихся «народной политикой». Впрочем, на протяжении последующих нескольких лет стало понятно, что у национал-социалистов имелись собственные средства, чтобы подчинить общественную работу требованиям своего режима. Если говорить о «Немецкой Академии», то ее сугубо научная деятельность велась в нескольких направлениях: немецкая история, немецкий язык, литература и этнография, немецкая педагогика, музыка, изучение немецкой государственности и хозяйства. Практическое отделение специализировалось на осуществлении нескольких программ: пропаганда немецкого языка за рубежом, учебные языковые курсы, курсы повышения квалификации для иностранных преподавателей немецкого языка, снабжение немецкой литературой, выделение стипендий. Кроме того, в составе Академии имелось несколько комитетов, за которыми были закреплены отдельные страны: США, Индия, Южная Африка. По большому счету, структура «Немецкой Академии» нисколько не поменялась после того,

как в 1933 году к власти пришли национал-социалисты. И по-прежнему Академия остро нуждалась в денежных средствах. Несмотря на то что в условиях диктатуры эту проблему можно было бы решить, заметного улучшения финансового положения «Немецкой Академии» не произошло. Как во времена Веймарской республики, так и в Третьем рейхе финансирование продолжало оставаться самой большой проблемой. Ситуацию не изменили даже многочисленные письма, которые Карл Хаусхофер направлял Рудольфу Гессу и Йозефу Геббельсу. Гесс оказывал поддержку только на словах. В конце концов, всего-навсего Имперское министерство иностранных дел стало выделять «Немецкой Академии» скромную субсидию. Когда Карл Хаусхофер сетовал, что Академия влачит нищенское существование, то он отнюдь не преувеличивал.

В 1938 году финансирование «Немецкой Академии» было увеличено с 300 тысяч до 400 тысяч рейхсмарок. Но даже этих средств явно не хватало на всю запланированную деятельность. Ситуация была настолько плачевной, что в 1935 году Хаусхофер думал распустить Академию. От принятия подобного решения его удержала лишь внезапно поступившая финансовая помощь, которая была найдена несколькими неутомимыми активистами. Впрочем, в 1933 году представители Академии (как и многие немцы) приветствовали приход к власти правительства Гитлера. Они полагали, что политическая унификация их не коснется, так как якобы «Немецкая Академия» всей своей прошлой деятельностью «доказала» свое служение делу нации. Когда было объявлено о ее независимости от партийных и государственных органов, то это решение было истолковано не совсем верно. В Академии посчитали, что это было признанием ее заслуг, а также ожидали, что это было доказатель-

ством полного соответствия организации духу «национальной революции». Подобного рода высказывания можно в какой-то степени интерпретировать как некий психологический защитный механизм, а отчасти как демонстрацию полного непонимания того, какие цели намереваются преследовать национал-социалистические власти. По большому счету, кроме Хаусхофера, ни у кого из сотрудников «Немецкой Академии» не было опыта общения с руководителями национал-социалистической партии. Да и сам профессор в своем общении ограничивался встречами с Гессом, а потому однобоко воспринимал гитлеровские установки. Однако в «Немецкой Академии» не могли не видеть, что национал-социалисты насильственно вмешивались в дела многих общественных организаций. Чтобы избежать подобного развития событий, было решено заблаговременно произвести изменения в составе Малого Совета и Сената Академии. В одном из писем, адресованных Хаусхоферу, предлагалось «возвысить людей нового времени». Во-первых, президентом Академии было решено сделать самого Карла Хаусхофера. Планировалось с выгодой использовать его дружбу с Гессом. Во-вторых, вынужденно-добровольно в отставку ушли все члены Малого Совета. В его новый состав пригласили известного националистического издателя Брукмана, Рудольфа Гесса и баварского министра-президента Зиберта. После этого была сформирована специальная комиссия, куда кроме Хаусхофера вошли Брукман и Кисскальт. Эта комиссия должна была заняться проверкой списков сенаторов «Немецкой Академии». На самом деле подобная «чистка» полностью противоречила §10 Устава «Немецкой Академии», в котором говорилось, что сенаторы избирались пожизненно. Однако в условиях «национальной революции» едва ли кто-то планировал подавать в суд.

В итоге из Сената Академии под различными предлогами оказались выведены Конрад Аденауэр, Томас Манн, Эдмунд Гуссерль, Макс Либерман, Адам Штегервальд.

О растущем значении личности Карла Хаусхофера для «Немецкой Академии» говорят события сентября 1933 года, когда общее собрание этой организации попросило профессора рассказать о «задачах Академии в новом рейхе». Нельзя сказать, что Хаусхофер очень ясно понимал, что предстоит делать. По этой причине он предложил слушателям собственную интерпретацию «национального социализма», которую он увязал с перспективным видением политики в области культурного строительства. Эта речь изобиловала множеством сравнений. Так, например, Третий рейх Карл Хаусхофер именовал «молодым ростком, взошедшим от корней древнего германского дуба». Основная же идея выступления сводилась к тому, что было необходимо заручиться поддержкой национал-социалистических властей. При этом профессор призывал вплести «всходы нашей Академии в величавую лиственную крону Третьего рейха». Идея сделать Хаусхофера новым президентом «Немецкой Академии» носилась в воздухе с самого начала 1933 года. На тот момент действующему президенту организации профессору фон Мюллеру уже исполнилось 75 лет, а потому многие думали о его замене. Карл Хаусхофер, наученный горьким опытом управления некоторыми организациями, весьма скептически отнесся к этому предложению. Его вполне устраивала должность главы практического отделения «Немецкой Академии». Однако факт остается фактом — в марте 1934 года Хаусхофера все-таки избрали новым Президентом. К сожалению, детали этой истории не сохранились. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Карл Хаусхофер, кроме дружбы с Гессом, вы-

делялся еще тем, что уже в 20-е году стоял у истоков только еще зарождавшейся организации. Некоторые из «академиков» предлагали пригласить на пост президента Рудольфа Гесса, но это предложение было отвергнуто почти сразу же самим заместителем фюрера. Дело в том, что с 1933 года шел усиленный дележ власти и избрание Гесса президентом «Немецкой Академии» могло изменить баланс сил, что имело бы для него самого нежелательные последствия. Не стоило забывать, что Академия считалась прибежищем консервативных сил, которые в своей «народной» деятельности конкурировали с зарубежной организацией НСДАП. Сам Хаусхофер прекрасно понимал, что на новом посту он неизбежно окажется втянутым в круговорот интриг, которые он терпеть не мог еще с 20-х годов. Не исключено, что он планировал пробыть президентом Академии лишь некоторое время, но задержался на этом посту на несколько лет. Если же говорить об интригах, то Хаусхоферу пришлось бороться не столько со сторонними силами, сколько со своими же сотрудниками, которые постоянно выражали недовольство недостаточным финансированием проекта.

В современной исторической литературе нередко можно обнаружить обвинения в адрес Хаусхофера: дескать, именно при нем в программу «Немецкой Академии» стали проникать национал-социалистические идеи, а сама организация постепенно перешла под контроль партийных органов. Едва ли подобное развитие событий стало результатом того, что именно Карл Хаусхофер был избран президентом Академии. Это было характерно для большинства немецких общественных организаций — так сказать, общая тенденция. В случае с «Немецкой Академией» воедино оказались связаны конформизм, желание продолжить деятельность организации в новых политических

условиях, личные устремления Рудольфа Гесса, стремление защититься от нежелательного вмешательства в дела Академии рьяных национал-социалистов и некоторый протест превалировавших консервативных исследователей. Большинство этих моментов оказалось настолько тесно связано друг с другом, что без одного из компонентов немыслимо в полном объеме представить деятельность «Немецкой Академии» в 30-е годы. Многое в ней было унаследовано из времен Веймарской республики, в частности, это относилось к консервативно-националистическим установкам большинства «академиков». Но все-таки появлявшиеся в годы национал-социалистической диктатуры публикации свидетельствовали не только о весьма высоком научном уровне сотрудников Академии, но и об определенной интеллектуальной независимости. Но это не исключало использования аргументов НСДАП, в первую очередь тех, что проходили под знаком «грандиозного самоуничижения». Это относилось к тому периоду, когда национал-социалисты пытались продемонстрировать миру и Европе мнимое «миролюбие» Третьего рейха и своей партии. Волей-неволей Карл Хаусхофер стал пропагандистом «новой Германии», поскольку ретранслировал ряд аргументов на иностранные державы. Эта его деятельность натолкнулась на непонимание некоторых из коллег, в первую очередь профессоров Фосслера, Гираха и фон Цвидинэка-Эюденхорста. Желая нейтрализовать подобные настроения, Карл Хаусхофер ссылался на указания фюрера. Но в глубине души он понимал, что Гитлер фактически не проявлял интереса к «Немецкой Академии», которую ее Президент называл «важнейшим культурно-политическим инструментом». Но осознание данного факта едва ли могло что-то изменить. Наверное, по этой причине в середине марта 1935 года

Карл Хаусхофер после консультаций со своим заместителем направил в Имперскую канцелярию телеграмму: «Благодарю за поздравления, которые приходят к 10-летнему юбилею существования “Немецкой Академии”. Я связываю с этими пожеланиями дальнейшую успешную деятельность Академии, которая намерена и впредь исполнять возложенные на нее задачи по укреплению и расширению неофициальных культурных связей между Германией и другими народами мира».

Тем временем культурно-политическая программа «Немецкой Академии» постепенно увеличивалась. Так, например, в середине 30-х годов Академия поддерживала 49 языковых курсов, на которых работал 61 преподаватель. Если говорить о географии этих курсов, то они действовали в Югославии, Греции, Болгарии, Бразилии, Аргентине, Сиаме, Уругвае, Индии, Китае, Англии, Ирландии, Шотландии, Ираке, Швеции, Турции, Италии, Финляндии, Венгрии и Сирии. К этому надо добавить книги и журналы, которых для зарубежных немцев ежегодно закупалось приблизительно на 10 тысяч рейхсмарок. Научными отделениями «Немецкой Академии» был подготовлен ряд примечательных публикаций, которые уже в 1933 году превратились в специальную книжную серию. Всего же в ней вышло 20 томов, которые были посвящены самым различным проблемам культуры: истории театра, экономике стран Юго-Восточной Европы, голландской поэзии и т. д. Вдобавок Академия с известным постоянством издавала словари.

1935 год прошел для «Немецкой Академии» под знаком назревавшего внутреннего конфликта, который вырвался наружу в 1936 году, приведя к тяжелым и во многом непредвиденным последствиям. В данном случае не стоит преувеличивать по-

литическую составляющую конфронтации, в значительной мере она была вызвана личными мотивами, равно как и различным пониманием служебных обязанностей. Скорее всего, президент, генеральный секретарь и директор «Немецкой Академии» придерживались каких-то собственных трактовок относительно полномочий, что неизбежно вело к увеличению дистанции между ними. Отношения в итоге оказались настолько натянутыми, что некоторые из противников Хаусхофера едва ли не открыто стали требовать его отставки с поста президента Академии. Как результат уже в самой «Немецкой Академии» против Хаусхофера началась хитрая тактическая игра. Наверное, нет никакой необходимости детально разбирать обвинения и интриги, которые плелись вокруг профессора геополитики. Сам же Хаусхофер назвал их «внутренней штабной войной» или «землетрясением психической формы». Впрочем, нельзя не отметить, что именно в указанное время он также испытывал неприятности в «Фольксдойче Совете» и «Объединении зарубежных немцев». Интриги прекратились только в 1937 году, когда президентом «Немецкой Академии» был избран профессор Кёльбль, а новым генеральным секретарем был назначен д-р Фохлер-Хауке. По сути, было сменено всё руководство «Немецкой Академии». Новые люди, в отличие от своих предшественников, уже не проявляли непомерных амбиций.

Если говорить о ставшем судьбоносным для «Немецкой Академии» конфликте, то он достиг своей высшей точки, когда Карл Хаусхофер обвинил генерального секретаря Тирфельдера в самовластии, которое шло отнюдь не на пользу общему делу. Поскольку полномочия директора, генераль-

ного секретаря и президента не были ясно очерчены, то Хаусхофер предложил провести реорганизацию управления «Немецкой Академии», внедрив «фюрер-принцип», то есть систему четкого подчинения. Однако летом 1936 года выяснилось, что ни генеральный секретарь Тирфельдер, ни директор Фен не пользовались доверием партийных кругов. Масла в огонь подлил и сам Хаусхофер, выразивший сомнения относительно того, что эти двое «когда-либо честно поддерживали НСДАП». Сам Тирфельдер не раз подчеркивал, что президент Академии должен был быть не ее руководителем, а «первым среди равных». По сути, за этой безобидной фразой скрывалось желание генерального секретаря получить неограниченные полномочия в организации, что никак не могло устроить Хаусхофера. Он отнюдь не намеревался довольствоваться почетными, но тем не менее декоративными функциями. Обвинения в том, что генеральный секретарь вел дела за спиной президента, были не совсем беспочвенными. Тирфельдер без каких-либо консультаций с Хаусхофером и Имперским министерством иностранных дел осуществлял проекты на территории Польши, Болгарии, Румынии, а также в Вене и в Загребе. Интриги настолько утомили профессора геополитики, что в 1936 году он хотел оставить все свои посты. Однако он желал, чтобы этот шаг был санкционирован, а потому решил не складывать с себя полномочий президента «Немецкой Академии» до 1937 года, когда должны были состояться очередные выборы главы организации. Раздраженность накапливалась, а потому со временем он стал говорить о своих противниках как о «клике париков», о «системных личностях», которые нельзя было

сделать «инструментом Третьего рейха». В конце 1936 — начале 1937 года Хаусхофер находился на грани нервного срыва. Он почти прекратил общение с коллегами.

Между тем в конфликт оказался втянут Цвидинэк-Эюденхорст, который в январе 1936 года сменил профессора Майера по посту заместителя президента Академии. Он сразу же решил поддержать генерального секретаря Тирфельдера, которого считал не только незаменимым администратором, но и выдающимся германистом. Именно Цвидинэк-Эюденхорст напрямую обратился к Рудольфу Гессу с просьбой убедить Карла Хаусхофера подать в отставку с поста президента. Когда Гесс категорически отказался адресовать подобного рода просьбы своему бывшему учителю, то у оппонентов Хаусхофера не осталось иного средства, кроме как устроить открытую обструкцию на заседании Малого Совета «Немецкой Академии». В этом им намеревался помочь «сенатор» Герланд. У каждой стороны были собственные интересы. Герланд считал Хаусхофера «старым маразматиком, который был в состоянии лишь подписывать финансовые документы». Тирфельдер полагал, что именно он должен был стать во главе Академии. При этом он намеревался свернуть все отношения с партийными структурами, чтобы в итоге предстать за рубежом в более выгодном для него свете. Однако в этой борьбе они проиграли. Все противники Хаусхофера были вынуждены покинуть «Немецкую Академию». Сам Хаусхофер тоже оставил свой пост, однако при этом ему был вручен почтенный знак. Кроме того, профессор геополитики до 1941 года оставался членом Малого Совета «Немецкой Академии». Впрочем, перестановки на этом не закончились. В 1939 году Кёльбля на посту президента

Имение Хаусхоферов в Хартшиммеле

Карл Хаусхофер со своим любимым котом Феликсом

Письмо Карла Хаусхофера, направленное домой в 1944 году из лагеря Дахау

Письмо Альбрехта Хаусхофера, написанное родителям в ноябре 1943 года

Карл и Марта Хаусхоферы во время Второй мировой войны

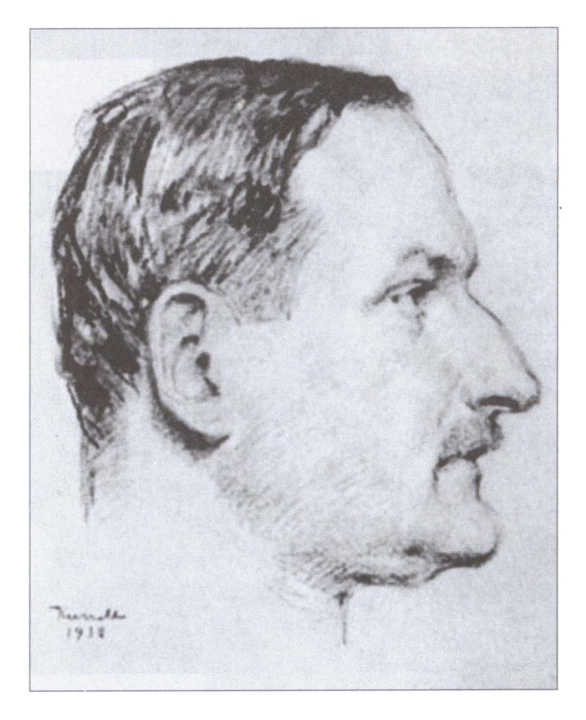

Рисунок 1938 года, на котором изображен Альбрехт Хаусхофер

Der Reichsminister und Chef
der Reichskanzlei

RK.Nr.2684/41 A

Berlin W. 8, den 9.August 1941
Voßstraße 6
z. Zt. Führer-Hauptquartier

Postsendungen sind ausnahmslos an
die Anschrift in Berlin zu richten.

An

Herrn General Dr.Karl H a u s h o f e r
o.Professor an der Universität München

M ü n c h e n O 27
Kolberger Str.18.

Zum Schreiben vom 3.August d.Js.

Sehr geehrter Herr General!

Ich freue mich, Ihren Schreiben zu entnehmen, daß Ihr Herr Sohn aus der Ehrenhaft entlassen worden ist und seine Lehrtätigkeit an der Universität Berlin wieder aufnehmen kann. Der von Ihnen erbetene Vortrag beim Führer wird sich im Hinblick auf dessen überaus starke Inanspruchnahme durch wichtigste Aufgaben der Staats- und Kriegsführung vorerst nicht ermöglichen lassen. Ich werde aber Ihren Wunsch für später vormerken und Ihnen zu gegebener Zeit weitere Nachricht zukommen lassen.

Heil Hitler!
Ihr sehr ergebener

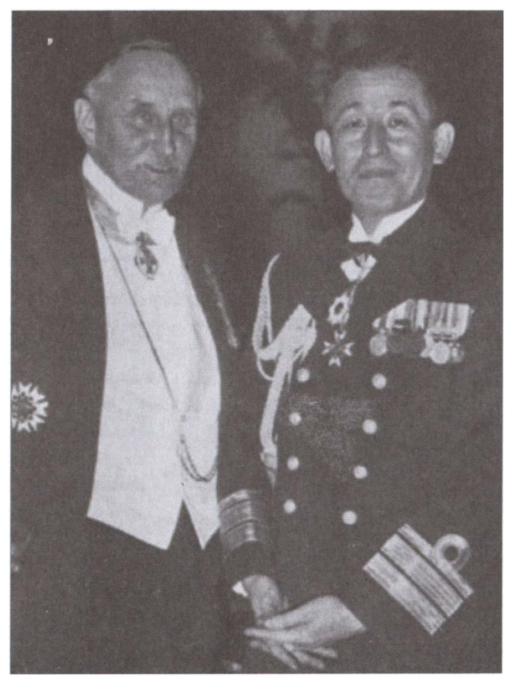
Письмо имперского министра Ламмерса (имперская канцелярия), адресованное Карлу Хаусхоферу

Карл Хаусхофер на одном из мероприятий, организованных «Объединением зарубежных немцев» (октябрь 1940 года)

Карл Хаусхофер
и генерал фон Эпп

Карл Хаусхофер
с японским атташе

Taormina-Timeo
9. 4. 1938

Lieber Rudolf,

nach einer köstlichen Meerfahrt, ehe ich in Catania an Bord eines deutschen Torpedo-Boots mein Ja zu den anderen 40 Millionen gesellte, einen herzlichen Gruss Dir und Ilse, und einen Ausschnitt aus dem „Popolo di Sicilia" damit Du siehst, was Euch an Wege-Freuden von oben hier zu Lande erwartet. Wär' dieser Teil des Programms doch schon vorbei und Ihr könntet ruhig den Epilog geniessen! Was mir hier die Sprach-Gewandtheit Marthas an intimen Schönheiten erschliesst, von denen mir sonst [illegible] Schnabel sauber bliebe, lässt mich hoffen, dass Ilse bei ihrer Fahrt jemand sprachgewandten und landeskundigen mithaben wird, weil sie dann ein Vielfaches sieht.

Leider hab' ich in keiner der allerdings lückenhaft an mich kommenden Zeitungen etwas von Deiner Ostmark-Fahrt erspürt, und ich weiss doch, wie Viele gerade Dich dort sehnsüchtig erwartet haben. Oder ist es ein Zeichen, dass die Gesundheit nicht ist, was sie sein sollte? Wenn Du fünf Worte an eine Postkarte nach Monte Barizzo, Provincia di Salerno wendest, nur mit dem Inhalt: „Keine Sorge. R. H." dann machst Du mir vierzehn Tage sizilianischen und neapolitanischen Frühling leichter und schöner. Weltpolitisch kann ich die Lage zwar immer noch gespannt, aber für uns so günstig als möglich sehen. Endlich einmal ist der helle Himmel über uns, und das Sturm-Gewölk über den Andern, im Grossen und Kleinen; auch Monika trägt mehr dazu bei, als Viele denken und wissen! Mit herzlichen Oster-Grüssen und Wünschen, in alter Treue, mit Heil Hitler

K. u. M. Haushofer

Одно из писем Карла Хаусхофера, написанное Рудольфу Гессу

Hartschimmelhof, 20. Sept. 1935.

Liebe Ilse,

bei seiner Rückkehr von Nürnberg hat mir Karl gar nicht genug davon sagen können, wie gut und fürsorglich Du dort zu ihm gewesen bist und wie viel Deine freundschaftliche Gegenwart dazu beigetragen hat, ihm diese Tage schön zu gestalten. Ganz besonders gerührt war er davon, dass Du ihm über eine aufregende und schwere Stunde durch Deine verständnisvolle Teilnahme so lieb hinweg geholfen hast. Unterdessen hat sein Freund, dem ich dafür noch ganz besonders danken möchte, durch seinen Anruf vorgestern noch weitere Beruhigung geschenkt, u. wir fangen an, zu glauben und zu hoffen, dass der Druck zweier Jahre doch noch von uns weichen wird – nachdem Ihr Beide schon die ganze Zeit in solcher Treue das Eurige getan habt, um ihn leichter zu machen. Das wird Euch gewiss niemals zu danken vergessen Eure

Martha

Письмо, написанное Мартой Хаусхофер Ильзе Гесс

THE COUNCIL OF THE
AMERICAN GEOGRAPHICAL SOCIETY
CERTIFIES THAT
Karl Haushofer
HAS BEEN ELECTED A
FELLOW
OF THE SOCIETY AND IS ENTITLED TO ALL THE RIGHTS AND PRIVILEGES
OF FELLOWSHIP
WITNESS THE SEAL OF THE SOCIETY AND THE SIGNATURE OF THE
PRESIDENT ATTESTED BY THE RECORDING SECRETARY

NEW YORK December 16, 1930.

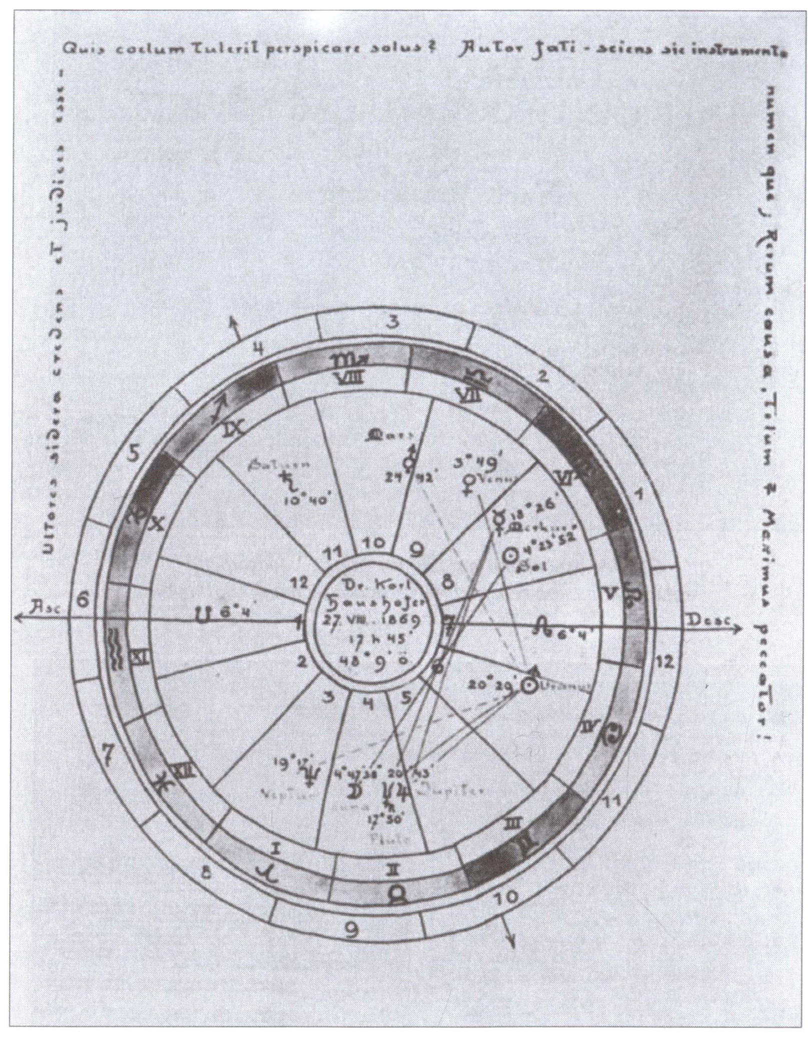
RECORDING SECRETARY

PRESIDENT

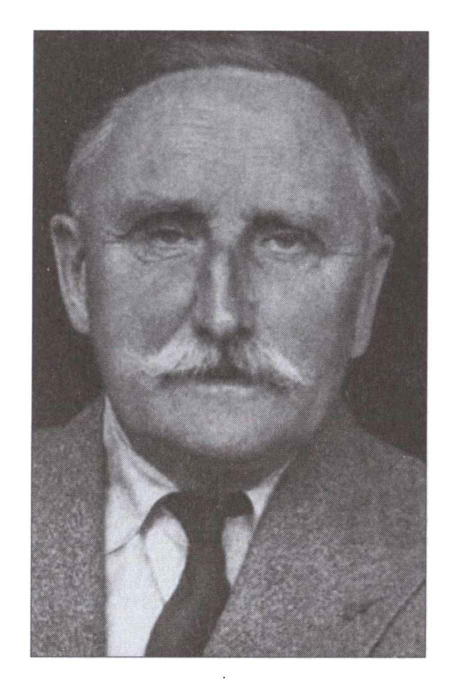
Свидетельство о принятии Карла Хаусхофера в Американское географическое общество (1930 год)

Стихотворение, написанное Рудольфом Гессом в 1925 год для Карла Хаусхофера

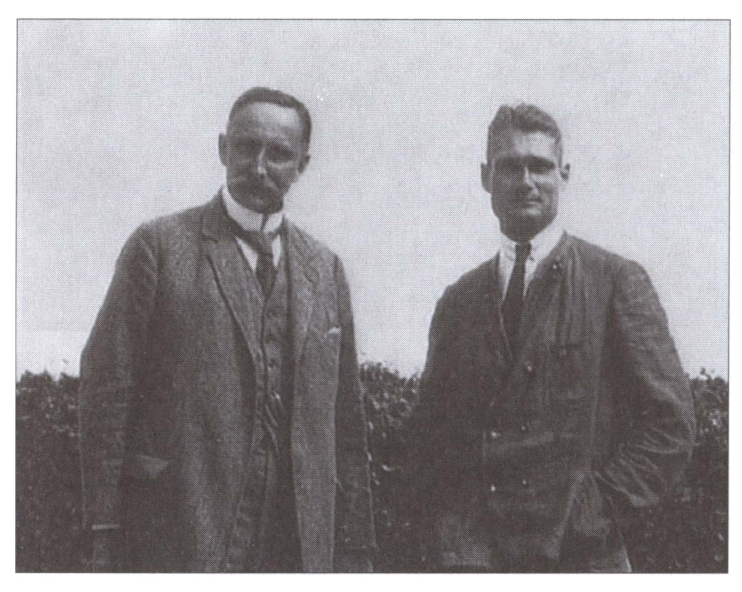
Письмо графа Куденхове-Калерги, направленное Хаусхоферу в 1928 году

Гороскоп Карла Хаусхофера

Карл Хаусхофер

Карл Хаусхофер и Рудольф Гесс (середина 20-х годов)

Рудольф Гесс

Альбрехт Хаусхофер

Памятник Альбрехту Хаусхоферу

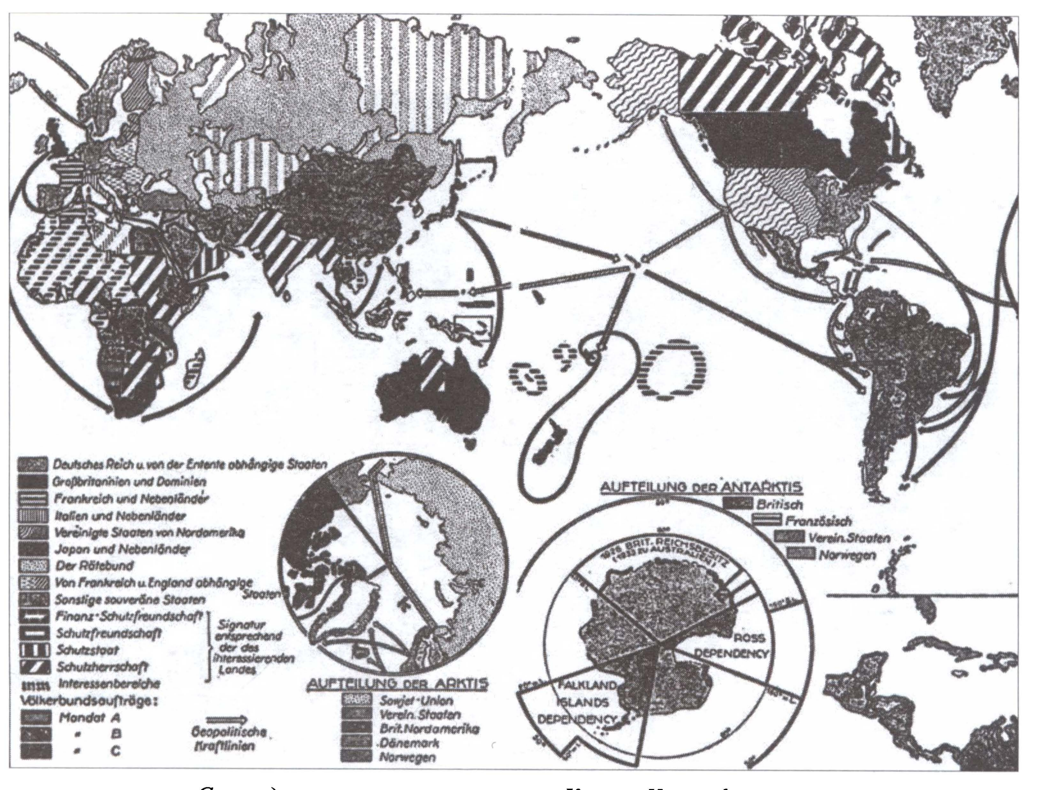
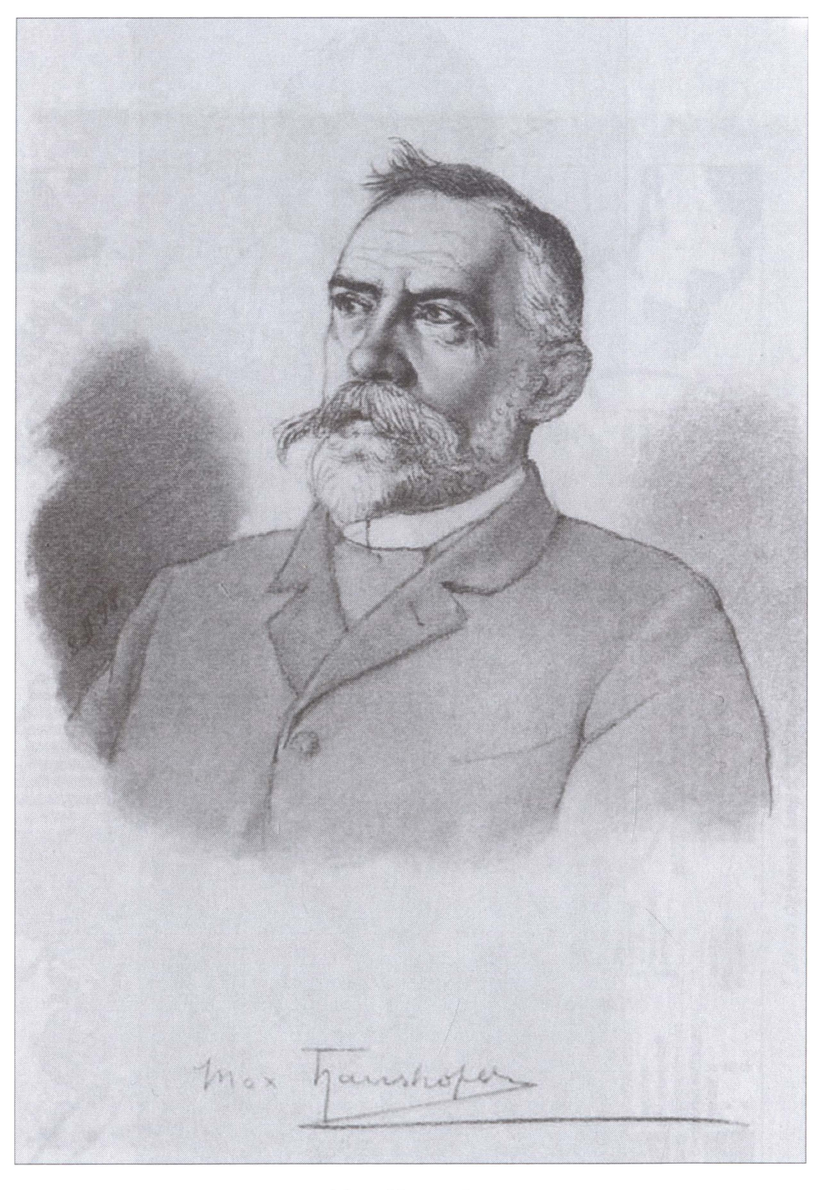

Схема деления мира, составленная Карлом Хаусхофером

Памятник Альбрехту Хаусхоферу

Макс Хаусхофер

Карл Хаусхофер в американском лагере

Карл Хаусхофер за рабочим столом

Фридрих Ратцель,
чьи идеи вдохновляли Карла Хаусхофера

сменил Людвиг Зиберт, на тот момент все еще являвшийся баварским министром-президентом. После смерти Зиберта пост президента перешел к Артуру Зейсс-Инкварту. К тому моменту «Немецкая Академия» полностью находилась под контролем Национал-социалистической партии, а ее руководящий состав утверждался приказом Гитлера.

ГЛАВА 10
СОВЕТНИК ИМПЕРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА?

Как известно из исторических исследований, поначалу внешняя политика национал-социалистов была ориентирована на то, чтобы представить Третий рейх как «миролюбивое» государство. Однако зимой 1937/38 года Германия перешла к подготовке открытой экспансии. Гитлер всегда говорил о том, что намерен вести борьбу против Версальской системы («Версальского диктата»). Однако в разное время под этими лозунгами могли скрываться всевозможные намерения. Едва ли можно сомневаться в том, что когда в 1919 году Гитлер (тогда еще никому не известный) провозгласил курс на ревизию Версальского договора, то он исходил из права нации на самоопределение. Однако со временем национал-социалистам удалось замаскировать свои агрессивные намерения на первый взгляд «справедливыми» требованиями ревизионистской политики. Уже после установления национал-социалистической диктатуры были предприняты беспрецедентные меры по мобилизации общества, которые сначала должны были быть направлены на «освоение восточного жизненного пространства», а затем использоваться для установления доминирующей роли Германии в Европе, на основании чего на континенте был бы установлен

«новый порядок», который имел для Гитлера не столько геополитическое, сколько идеологическое значение.

Этапы агрессии, начатой Германией, хорошо изучены. Вначале Гитлер заручился поддержкой германских элит, которые были готовы к тому, что новый рейхсканцлер не будет считаться с общепринятыми нормами и правилами межгосударственных отношений. По этой причине на пути от подготовки к открытой агрессии Германия не встретила серьезного сопротивления со стороны европейских государств. Сначала в рейхе была восстановлена всеобщая воинская повинность, затем немецкие войска были введены в демилитаризованную Рейнскую область. В 1936 году Гитлер начал форсированное сближение с фашистской Италией. При этом подчеркивалась роль Германии как «оплота против большевизма». Затем был заключен Антикоминтерновский пакт, который стал основой оси Рим—Берлин—Токио. В начале 1938 года была аннексирована Австрия. Фактически спровоцировав «судетский кризис», Гитлер приложил немало усилий к тому, чтобы вызвать распад Чехословакии. Вопрос о Данцигском коридоре стал поводом для начала боевых действий против Польши. С этого началась Вторая мировая война, которая со временем превратилась в идеологическую войну на уничтожение. Подразумевая все эти события, имеет смысл задаться вопросом: какую роль в качестве политического консультанта в этих процессах сыграл Карл Хаусхофер? Отчасти на него можно ответить, если принимать во внимание тексты послевоенных допросов профессора. Дело в том, что в августе 1945 года Хаусхофер был арестован западными союзниками, после чего ему пришлось дать ответы на множество вопросов. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов, что эти ответы давались уже после поражения Германии во

Второй мировой войне, равно как и то, что немолодому профессору геополитики приходилось полагаться исключительно на свою память.

Хаусхофер показал, что сотрудничал не только с Нойратом и фон Риббентропом, но и со Штреземаном, Брюнигом. Кроме того, он пользовался доверительным отношением японских дипломатов и военных, в частности адмирала Като и барона Ошимы. Впрочем, представителей западных держав в первую очередь интересовала верхушка Национал-социалистической партии. На допросе, который состоялся 27 августа 1945 года, Хаусхофер заявил, что с 1925 по 1932 год нередко консультировал Рудольфа Гесса по вопросам политической географии. Однако сразу же заметил, что его бывший ученик редко следовал полученным советам. Карл Хаусхофер сообщил, что в 1938 году («до Мюнхенского соглашения») давал еще раз специальные консультации Рудольфу Гессу. Однако они касались исключительно того, как Гитлер и Муссолини могли ослабить «этническую напряженность» в Венгрии, Румынии и Тироле. Хаусхофер полагал, что в 1938 году он служил исключительно миролюбивым целям. Он назвал готовность Италии к переговорам «счастливой» не только в личной беседе с Гессом (10 ноября 1938 года профессор принимал участие в обряде имянарчения сына заместителя фюрера), но и в своем выступлении на конгрессе по африканской проблеме, который проходил 4—12 декабря 1938 года в Риме. При этом Хаусхофер весьма негативно оценивал выступление Гитлера (9 октября 1938 года), которое, изобилуя агрессивными фразами, фактически сорвало достигнутое соглашение с итальянцами. Если говорить о самом Мюнхенском соглашении, то Хаусхофер придерживался мнения, что оно могло бы стать (но не стало) счастливейшим

моментом в европейской истории, так как «Богемия была настоящей кровоточащей раной на теле континента». Подозрение западных следователей относительно того, что его работы и статьи могли подтолкнуть национал-социалистическое руководство к осуществлению агрессивных замыслов, Карл Хаусхофер решительно отверг: «Если они и читали мои работы, то поняли их суть превратно». В 1938 году профессор решительно выступал против любых насильственных действий в отношениях между различными государствами: «Никто не смог бы получить у меня на это благословение». Однако он не отрицал, что его аргументация нередко использовалась как национал-социалистическими, так и японскими политиками.

Но тут же Хаусхоферу пришлось пояснить — его консультации по восточноазиатскому вопросу едва ли могли быть полезными Рудольфу Гессу и фон Риббентропу, так как «они не имели ни малейшего понятия об этой проблеме». В качестве подтверждения своих слов он рассказал историю о том, как учил их читать карты. Гитлер же, по его мнению, едва ли мог прислушиваться к мнению Гесса по вопросам внешней политики, кроме того, фон Риббентроп использовал свое знакомство с Гессом (а стало быть, и с Хаусхофером) только для того, чтобы занять пост имперского министра иностранных дел. Хаусхофер полагал, что Гитлер в целом не был в состоянии понять различия между «океанской» и «континентальной» политикой, идея о противостоянии которых была положена в основу геополитических теорий профессора. При этом Хаусхофер пытался всегда предупреждать Гесса, когда (по его мнению) германская политика «уходила в неверное русло». Если оценивать в целом сведения, которые профессор геополитики изложил во время допросов в 1945 году, то они не могли претендовать на

абсолютную истину. Нередко он смягчал формулировки или опускал (вольно или невольно) не самые выгодные для него эпизоды.

Если оценивать действительное значение Хаусхофера и его идей для внешней политики Третьего рейха, то надо сразу же оговориться, что подобную оценку нельзя вынести, если не учитывать роль Альбрехта Хаусхофера. До начала войны отец и сын фактически работали парой, в том числе в сфере, которая относилась к государственно-политическими заданиям. Альбрехт являлся не только помощником своего именитого отца, но и нередко выступал в качестве «связного». Кроме того, можно смело утверждать, что многие из документов, меморандумов и статей, под которыми значилась подпись Карла Хаусхофера, были написаны им в соавторстве с сыном. Однако у них не было единства по всем вопросам. При всем том судьба Альбрехта Хаусхофера оказалась неразрывно соединенной с идеями и деятельностью его отца. Известно, что в 20-е годы Альбрехт совершал множество путешествий. Его многочисленные контакты привели к тому, что он заинтересовался геополитикой, хотя в отличие от отца видел в ней все-таки разновидность политической географии, а не самостоятельную науку.

В 1925 году, помогая отцу в его работе, Альбрехт Хаусхофер оказался связанным с различными группами зарубежных немцев. Именно с этого времени он стал питать особую страсть к «пограничной работе» и «народной политике». По его мнению, одной из задач немецких этнических групп было способствовать нормализации отношений между различными народами. Подобно многим в 20-е годы, Хаусхофер-младший был яростным критиком Веймарской республики. Однако он никогда не был рьяными сторонником гитлеровской партии, будучи по своей

сути национально ориентированным консерватором. Как и его отец, Альбрехт был решительным противником «Версальского диктата». Кроме того, он постоянно говорил о необходимости воссоединения Германии и Австрии, то есть придерживался принципов «Великогерманского проекта». Впрочем, максимум, что мог себе позволить Альбрехт Хаусхофер, — это предположить, что Германия должна добиться мирным путем гегемонии в Европе. На практике это означало уменьшение французского влияния на Балканах и в Юго-Восточной Европе. Но даже в данном случае он всегда исходил из принципов самоопределения и мирного сосуществования народов. Нет смысла отрицать тот факт, что Альбрехт Хаусхофер был консервативным националистом, близким к кругам баварских монархистов. Хотя бы с силу этого он воспринял события 1933 года как попытку «обновления Германии». К тому же его принципы не противоречили тому, чтобы авторитарное государство вождистского толка занялось реализацией «Великогерманского проекта», который так и не удалось осуществить Бисмарку. И старший и младший Хаусхоферы полагали, что время традиционных суверенитетов подходило к концу, а потому можно было ожидать появления на карте Европы новых крупных геополитических образований.

Альбрехт Хаусхофер не был национал-социалистом в 20-е годы, не стал им и в 30-е. Его отношение к НСДАП было противоречивым. С одной стороны, он пытался увидеть в «национальной революции» возможные положительные стороны, с другой стороны, он понимал, что из-за еврейского дедушки в партийных кругах на него смотрели как на «человека второго сорта». Кроме того, его с самого начала смущало процветавшее презрение к человеческой жизни, что по мере укрепления национал-социалистической диктатуры становилось заметно

многим. «Тревожный колокольчик» прозвенел, когда после «ночи длинных ножей» (30 июня 1934 года) и провалившегося национал-социалистического путча в Австрии (25 июля 1934 года) в рейхе стала свирепствовать цензура. В те дни он написал своим родителям: «Иногда я задаюсь вопросом, насколько велика наша ответственность и как она соотносится с историческим долгом и причастностью к преступлениям... Но мне кажется, что мы еще находимся под властью противоречивых обязательств, от которых нас может избавить только судьба. А потому мы должны двигаться вперед, до того момента пока наша миссия не станет полностью безнадежной». Некоторое время спустя он заявил своему другу Штайнахеру (руководитель «Объединения зарубежных немцев»), что Германия неуклонно движется к пропасти. «Гесс — очень слабый человек, а бразды правления в руках у Бормана». Поскольку со временем Альбрехту пришлось сотрудничать с «Ведомством посредничества фольксдойче», которое курировалось СС, то он чувствовал себя малодушным мошенником. Необходимость соблюдать внешнюю лояльность в итоге привела к конфликту с отцом. Хаусхофер-старший делал это без особого желания, а потому не мог понять ничем не объяснимого оптимизма своего сына. Он полагал, что готовность Альбрехта Хаусхофера пойти на компромисс с руководством Национал-социалистической партии была не чем иным, как «политической слепотой» (в отечественном варианте в данном случае употреблялась фраза «политическая близорукость»).

Когда в 1933 году национал-социалисты стали менять законодательство, то Альбрехт Хаусхофер, у которого не было стопроцентного «арийского происхождения», даже рассматривал возможность эмиграции из страны. Однако в это время он

получил «гарантийное письмо» от Рудольфа Гесса, позволившее занять должность доцента политической географии в Берлинской высшей школе политики. Альбрехту пришлось смириться с собственными подозрениями. Факт остается фактом — он добровольно стал служить Национал-социалистической партии и Третьему рейху. Конечно же, он полагал, что выбирал из двух зол меньшее. Судя по всему, Альбрехт Хаусхофер пытался оказать опосредованное влияние на ключевых национал-социалистов, для чего использовал свое личное знакомство с Рудольфом Гессом и Иоахимом фон Риббентропом. При этом он мог выступать не только как посредник, который обеспечивал контакты со своим отцом и группами зарубежных немцев, но и как консультант при подготовке некоторых дипломатических переговоров. Альбрехт Хаусхофер сразу обратил на себя внимание благодаря своим репортажам, которые были во многом непредвзятыми и свидетельствовали о том, что он проявлял большую чуткость при учете интересов других стран. Он вынашивал честолюбивый план, согласно которому намеревался вмешиваться во внешнюю политику Третьего рейха. Нередко он выполнял негласные поручения, за что сразу же заслужил прозвище Его серейшее Высокопреосвященство (производное от «серого кардинала»). У многих знакомых и коллег он вызвал восторг, демонстрируя возможности своего блестящего интеллекта. Впрочем, те же самые люди находили, что Альбрехту Хаусхоферу не хватало человеческой теплоты, но это отнюдь не значило, что он был холодным и презрительным человеком. Скорее всего, он предпочитал не демонстрировать свои чувства, желая тем самым скрыть свои истинные настроения и намерения.

Нет никаких сомнений в том, что Альбрехт Хаусхофер исходил в своих действиях из самых лучших побуждений. Одна-

ко он оказался во власти своего интеллектуального тщеславия, наивно полагая, что смог бы оказывать воздействие на верхушку Национал-социалистической партии, тем самым ограничивая ее агрессивный настрой. Если Карл Хаусхофер со временем стал скептически относиться к возможностям народного просвещения, под которым он в первую очередь подразумевал «воспитание народа к геополитике», то его сын Альбрехт был более оптимистичным. Он искренне верил в то, что сможет повлиять на принятие решений, сделав их более «благоразумными». Складыванию подобных иллюзий способствовало то обстоятельство, что некоторое время Альбрехт Хаусхофер пребывал в кругах, близких к Гитлеру. Так, например, накануне событий 1938 года он лично встречался с фюрером не менее десяти раз. Однако Хаусхофер-младший заблуждался. Его очень сложно укорять в том, что, несмотря на все свои старания, он так и не смог предотвратить начало германской агрессии. Ему едва ли это было по силам. Он пытался сохранить мир в Европе, но в то же время находился в составе структуры, которая хотя и не вынашивала агрессивных планов, но все равно поддерживала гитлеровский режим. Зловещие прогнозы, которые делал Альбрехт Хаусхофер, не нашли отклика, так как вплоть до 1939 года германское общество находилось под магическим впечатлением от внешнеполитических «успехов» Гитлера.

Если не учитывать личных и служебных поручений, которые мог получить Альбрехт Хаусхофер, то надо отметить, что он проявлял повышенный интерес к Юго-Восточной Европе (Балканские страны и Чехословакия) и британской политике. Кроме того, он как бы унаследовал интерес своего отца к Японии. В 1934 году Хаусхофер-младший посетил Польшу и Данциг, который являлся «вольным городом», находившимся

под польским протекторатом. Именно после этого ему были поручены некоторые из негласных миссий, касавшиеся улаживания возможных международных и межгосударственных конфликтов. Именно Альбрехт Хаусхофер был инициатором переговоров, которые вели Рудольф Гесс и лидер судетских немцев Хенляйн. Оба этих политика должны были согласовать свои действия в отношении Чехословакии. В 1935 году Альбрехт Хаусхофер встречался с Хенляйном по меньшей мере еще два раза. В 1936 году Хаусхофер-младший получил личное поручение от Гитлера. Выполнять его он должен был вместе с графом Траутмандорфом. В декабре 1936 года Альбрехту Хаусхоферу надлежало направиться в Прагу, чтобы собрать максимум сведений о том, как чехословацкое общество и политики прореагируют на возможность заключения с Германией пакта о ненападении. При этом Альбрехт Хаусхофер должен был намекнуть некоторым из чешских политиков, что Третий рейх не станет поднимать вопрос о границах, если судетским немцам будет предоставлена полная культурная автономия в составе Чехословакии. Впрочем, как известно, Гитлер вынашивал совершенно иные планы, но он не намеревался делиться ими с Альбрехтом Хаусхофером.

Что касается германо-японских отношений, то Альбрехт Хаусхофер два раза выполнял задания, связанные с ними. В декабре 1935 года он принимал участие в берлинских переговорах по проблеме Дальнего Востока. Именно тогда он помог установлению связей между фон Риббентропом и японским военным атташе Ошимой. Кроме того, во время своего кругосветного путешествия, которое длилось с июня по ноябрь 1937 года, Хаусхофер-младший должен был прозондировать настроения, которые царили в правительственном кабинете

Японии. Во время этого визита в Страну восходящего солнца он встретился в том числе с фельдмаршалом Канином, начальником японского генерального штаба. Принц Канин в беседе с немцем подчеркнул, что в Токио очень ценят работу его отца, которого считают другом Японии. Хаусхофер смог установить, что японские политики были ориентированы на «углубление взаимного согласия между двумя странами». Они также выражали готовность познакомить ключевых политиков «новой Германии» с «истинной Японией» и «истинным японским духом». По итогам своего путешествия Альбрехт Хаусхофер должен был лично встретиться с Гитлером. Это встреча произошла 16 ноября 1937 года. Он рассказал фюреру обо всех состоявшихся в Восточной Азии беседах. К тому же он изложил свое видение проблемы Дальнего Востока, которое положил в основу донесений, направлявшихся в августе и сентябре 1937 года фон Риббентропу. Хаусхофер исходил из того, что затягивание японо-китайского конфликта могло иметь нежелательные последствия для германской внешней политики. В частности, он опасался, что Китай погрузится в пучину хаоса. Как и во время предыдущих встреч с Гитлером (14 января и 5 февраля 1937 года), сын профессора геополитики ошибочно полагал, что фюрер прислушивается к его мнению. К подобного рода выводам Альбрехт Хаусхофер пришел, поскольку слишком большое внимание уделял встречным вопросам, которые задавал ему Гитлер.

Однако приоритет в своей деятельности Альбрехт Хаусхофер все-таки отдавал Великобритании. После того как в 1928 году он в первый раз совершил турне по западным странам, в ходе которого посетил Лондон и Париж, он почти каждый год направлялся в Англию. Здесь он пытался завести новые связи.

Так, например, в мае 1932 года Хаусхофер-младший знакомится с лордом Лотианом, в прошлом являвшимся секретарем Ллойд Джорджа. Тогда же его принимали представители британского внешнеполитического ведомства. В 1934 году уже в качестве внештатного сотрудника «бюро фон Риббентропа» Альбрехт Хаусхофер по заданию национал-социалистических политиков три раза посещал Великобританию — в июле, в октябре и в ноябре. Во время этих визитов он встречался с лордом Алленом Хертвудом, лордом Галифаксом, Стенли Болдуином. Также Альбрехт Хаусхофер принимал участие в германо-британских переговорах, которые проходили в 1935 году в Берлине. Тогда он выступал в качестве консультанта. После этого Хаусхофер-младший шесть раз посещал Лондон, где изучал общественные настроения. В то время он по поручению Геббельса брал интервью у ведущих английских политиков. В 1936 году последовали еще три британские командировки. На этот раз он встречался с лидером «Британского союза фашистов» Освальдом Мосли. Одновременно с этим Альбрехт Хаусхофер наносил визиты тем британским политикам и парламентариям, которые посещали Берлин во время Олимпийских игр. Среди них был маркиз Клидесдейл (с 1940 года — герцог Гамильтон). Этот британский деятель в 1937 году посетил с ответным визитом семью Хаусхофер. Именно ему предстояло сыграть роль в судьбе Альбрехта Хаусхофера и Рудольфа Гесса. По итогам своих многочисленных командировок Хаусхофер-сын пришел к выводу о том, что в Англии отнюдь не воспринимали Соединенные Штаты Америки как безучастного наблюдателя, который придерживался принципов политики невмешательства в европейские дела. «Британская империя была противопоставлена Америке, но была нужна для ее безопасности». Несмотря

на то что между двумя державами не было заключено никакого военно-политического союза, между ними все-таки существовало нерушимое единство, которое могло привести к формированию в будущем союзнической политики.

Во время драматических событий 1938 года (аншлюс Австрии, «судетский кризис», Мюнхенское соглашение) Альбрехт Хаусхофер находился в самом центре внешней политики Третьего рейха. В ночь с 11 на 12 марта 1938 года, то есть накануне вступления германских войск на территорию Австрии, он расположился в информационном центре Имперского министерства иностранных дел. Тогда же он провел несколько встреч с Рудольфом Гессом, который санкционировал проведение тайных совещаний в «Ведомстве посредничества фольксдойче». Задачей этих совещаний была координация действий судетских немцев. Для упрощения этой задачи в Берлин даже специально прибыл Хенляйн. Во время переговоров с представителями западных держав, состоявшихся осенью 1938 года в Мюнхене, Альбрехт Хаусхофер выступал в качестве эксперта по географическим проблемам при Иоахиме фон Риббентропе. Однако уже к середине декабря Хаусхофер-младший был вынужден констатировать, что более не мог оказывать влияние на внешнюю политику Третьего рейха. Вопреки тому что Запад пошел на уступки Германии, он прекрасно понимал, что «приближалась буря», так как Гитлер явно не намеревался довольствоваться достигнутым. Фюрер перестал привлекать Хаусхофера для выполнения тайных поручений, но это отнюдь не значило, что тот оказался полностью отрезанным от секретной информации. Так, например, 26 января 1939 года он получил сведения о запланированной ликвидации остатков республики Чехословакия. Этот план стал реальностью 15 марта того же

года. В начале июля Альбрехт Хаусхофер, который все еще надеялся сохранить мир в Европе, в беседе со статс-секретарем Имперского министерства иностранных дел заявлял, что положение было почти безнадежным. Приблизительно в то же самое время он направил письмо своему новому другу маркизу Клидесдейлу. В своем послании Альбрехт Хаусхофер приводил достаточно точный анализ международного положения и давал советы относительно того, на какие инициативы должен был пойти официальный Лондон, чтобы на свет все-таки появился «реальный план мирного урегулирования проблем в Европе». По сути, Альбрехт Хаусхофер пытался инициировать последнюю попытку, которая могла позволить избежать войны на континенте. Однако Запад решил не пользоваться этими советами. Хаусхофер в очередной раз пребывал во власти самообмана. Когда-то во время одной из бесед с Гитлером он заявил, что политик победил только тогда, когда одержал верх не в качестве полководца. Но Гитлер не намеревался следовать этому принципу. 1 сентября 1939 года Германия начала военные действия против Польши — началась Вторая мировая война. Буквально в самый последний момент Альбрехту Хаусхоферу удалось отменить свою поездку с особой миссией в Японию, как на том настаивал фон Риббентроп. С этого момента «Его серейшее Высокопреосвященство» работал специалистом по особым поручениям при информационном управлении Имперского министерства иностранных дел. Сам же Альбрехт Хаусхофер считал эту свою деятельность бесцельной и бесплодной.

Если сравнивать реальное влияние на официальную внешнюю политику Третьего рейха Хаусхофера-старшего и Хаусхофера-младшего, то нельзя не отметить, что отец играл не в пример более скромную роль. Хотя нельзя не отметить, что

Альбрехт смог занять свое положение в иерархии национал-социалистического государства только благодаря давнишней дружбе Рудольфа Гесса и Карла Хаусхофера. Однако было бы ошибкой утверждать, что профессор геополитики не имел во внешнеполитических делах совсем никакого веса. До 1941 года он налаживал связи, чем помогал своему сыну, готовил геополитические обзоры для Гесса, который из «ученика» превратился в «покровителя». Кроме того, по своим каналам Карл Хаусхофер занимался изучением зарубежного общественного мнения и даже пытался в меру своих возможностей снизить недоверие к Третьему рейху. Но все-таки если не считать постоянно поддерживаемых контактов с Гессом и фон Риббентропом, то Карл Хаусхофер очень редко встречался с представителями высшей власти. Он предпочитал жить в Мюнхене, без лишней на то надобности не выезжая в Берлин. Если же говорить о тех, с кем все-таки Хаусхоферу-старшему довелось встречаться, то надо назвать имена Геббельса, министра по делам образования Руста, предводителя «Национал-социалистического союза учителей» Шемма, генерала-фельдмаршала Бломберга, министра экономики Ялмара Шахта. В самой Баварии Хаусхофер поддерживал постоянные связи с Зибертом и Францем фон Эппом. Кроме того, в его доме нередко бывали японские дипломаты и военные. Иногда ему приходилось покидать страну. Его командировки были, по сути, политическим поручением. Карл Хаусхофер три раз выезжал в Австрию (1933, 1934 и 1938 годы), был в Чехословакии (1933 год), Венгрии (1934 год), Швеции (1935 год), неоднократно посещал Италию (1935, 1937, 1938 и 1941 годы).

Особую роль Карл Хаусхофер сыграл в сближении Германии и Японии, которое в 1936 году вылилось в заключение

Антикоминтерновского пакта. Профессор на протяжении десятилетий поддерживал тесные связи с японскими политиками, военными и учеными. Национал-социалистические властители планировали использовать это обстоятельство с пользой для себя. Однако ни Гитлер, ни его приближенные никогда не разрабатывали специальную программу, которая бы касалась Дальнего Востока. К тмоу же поначалу они не имели хороших связей с официальным Токио. Максимум, что себе позволяли национал-социалисты, было провозглашение особой роли Японии в «борьбе против мирового еврейства». Национал-социалистическое руководство остро нуждалось в связях с японцами, тем более что консервативные политики из Имперского министерства иностранных дел в начале 30-х годов предпочитали поддерживать дружественные отношения с Китаем, который был втянут в вооруженный конфликт с Японией. Аналогичную позицию занимало и руководство рейхсвера. Все же антисоветские планы, которые вынашивались в Японии, должны были неизбежно привести к кооперированию с национал-социалистической Германией. На Гитлера же мощное впечатление произвели выход Японии из Лиги Наций и японская политика, осуществляемая на территории Маньчжурии.

19 июня 1933 года в официальном печатном органе НСДАП, газете «Народный обозреватель», была напечатана статья Карла Хаусхофера. В ней он рассуждал о «фашистском образе действий» в борьбе за свободное «жизненное пространство». Подводя итоги, профессор заявлял о том, что в мире имелось только три «фашистских государства» — Италия, Германия и Япония. Всех их отличало неприятие недееспособных межгосударственных соглашений. Все эти три страны стремились изменить соответствующим образом практику ведения дел в

мировой политике. Таким образом, провозглашалось не только идеологическое родство Японии и Германии, не только констатировалось презрительное отношение к Лиге Наций, но и постулировалась враждебность в отношении Советского Союза. Эти три момента должны были стать основой для сближения двух стран. Однако Гитлер был прекрасно осведомлено о том, что немецкие дипломаты и часть военных испытывали симпатии к Китаю. Поэтому ведение японских дел было поручено фон Риббентропу, который являлся в то время всего лишь консультантом Рудольфа Гесса. Помогать ему в налаживании связей с Японией должен был именно Карл Хаусхофер.

Зондирование почвы на предмет возможного сближения Германии и Японии, а также союзнических отношений произошло 7 апреля 1934 года, когда Карл Хаусхофер помог организовать встречу Рудольфа Гесса и морского атташе японского посольства адмирала Иендо. На чаепитии Гесс заявил, что странам надо было «дружить против Великобритании». Карл Хаусхофер описал в своих воспоминаниях этот момент: «После этого замечания Иендо широко улыбнулся, словно желал, чтобы мы пересчитали всего его золотые зубы. Однако я уже был привычен к тому, чтобы читать дальневосточные лица как открытую книгу. Это можно было трактовать следующим образом: теперь едва ли что-то может поссорить наши две страны». В последующие месяцы Хаусхофер сделал немало, чтобы обеспечить сближение двух государств. 16 июня 1934 года он беседовал с принцем Кайа, в июне 1935 года совершил поездку с послом Мушакодзи. Но чаще всего он организовывал встречи японского военного атташе Ошимы и фон Риббентропа. В свою

очередь фон Риббентроп привлек к тайным переговорам д-ра Ф. Хака, который считался человеком, лоббирующим интересы военных концернов. Первый проект Антикоминтерновского соглашения был подготовлен 4 октября 1935 года. Решающую роль в его подготовке уже играл Хак, который представлял военного министра Бломберга. В январе 1936 года Хак направился в Японию, чтобы обсудить некоторые детали. В Берлине ведение переговоров в это время было поручено сотруднику «бюро фон Риббентропа» д-ру Раумеру. Однако в феврале 1936 года в Японии произошел так называемый «путч молодых офицеров», а потому подписание Антикоминтерновского пакта произошло в немецкой столице только 25 ноября 1936 года. В основных чертах он соответствовал идеям Карла Хаусхофера, который постоянно настаивал на складывании военно-политического блока, в который должны были войти Германия и Япония.

Однако в большинстве случаев при ведении указанных выше переговоров Хаусхофер-старший оставлялся второстепенной фигурой. То же самое можно сказать и о событиях 1938 года. Информацию о происходившем в Берлине он в основном получал от своего сына Альбрехта. Даже в этом случае сведения были отрывочными. Карла Хаусхофера ожидала учесть многих немецких дипломатов — они ничего не знали об истинных намерениях Гитлера в среднесрочной перспективе. Тревожные сообщения, которые приходили к профессору геополитики в 1939 году, вызвали у него состояние подавленности. Этот пессимизм передался и Альбрехту Хаусхоферу. 12 января 1939 года Марта Хаусхофер записала в своем дневнике: «Альбрехт выглядит убитым, он постоянно пророчеству-

ет катастрофу». В конце февраля 1939 года Карла Хаусхофера срочно вызвали в мюнхенское «здание фюрера». Там его ожидал Рудольф Гесс. Заместитель фюрера просил профессора выполнить специальное поручение, направившись в Будапешт к графу Телеки, который был в очередной раз назначен премьер-министром Венгрии. Хаусхоферу-отцу с трудом удалось отклонить эту просьбу. Между тем в начале июля 1939 года он получил письмо от своего сына, в котором сообщалось о неизбежности начала войны на континенте. Поскольку в это же самое время у Карла Хаусхофера возникли проблемы с переизданием его работы «Границы в их географическом и политическом значении», то дома у него царили озлобленность и раздражительность. Его супруга полагала, что была поставлена под угрозу вся дальнейшая научная деятельность.

22 августа 1939 года Рудольф Гесс информировал своего бывшего учителя о том, что советско-германские переговоры были закончены. Тот со скепсисом отнесся к этой информации, хотя на следующий день узнал о подписании пакта о ненападении. После начала Второй мировой войны обстановка в дома Хаусхоферов окончательно испортилась. 6 сентября 1939 года Альбрехт направился в Берлин, чтобы приступить к службе в Имперском министерстве иностранных дел. Прощание с отцом нельзя было назвать слишком теплым и трогательным. Сын позвонил по телефону лишь пару недель спустя. Он поинтересовался у отца, не хотел ли тот стать германским послом в Токио. Кто высказал такую идею, остается непонятным, но сам Карл Хаусхофер от этого решительно отказался. Между тем была разгромлена Польша. 6 октября 1939 года Гитлер произнес в рейхстаге речь, которую можно было воспринять как

предложение о заключении мира с западными державами. Несколько дней спустя отрицательные ответы пришли из Лондона и Парижа. В это время Марта Хаусхофер сделала в дневнике запись: «Карл, который утратил всякие надежды погасить военный конфликт, пребывает в глубочайшей депрессии. Она передается и мне, что усугубляется огромной физической усталостью».

ГЛАВА 11
В ИЗОЛЯЦИИ

С началом Второй мировой войны политические события и преклонный возраст вынудили Карла Хаусхофера существенно сократить свою рабочую программу. Он не читал лекций, существенно ограничил контакты и вел почти затворническую жизнь в своем имении в Хартшиммеле. Изредка он покидал свое убежище, чтобы совершить очередную командировку или прочитать доклад. Но даже в этих условиях Карл Хаусхофер не прекращал писать. Он готовил статьи и публикации для «Немецкой Академии» и «Объединения зарубежных немцев». Его перестали публиковать лишь после того, как Рудольф Гесс совершил свой «легендарный» полет в Англию. К этому добавились многочисленные доносы, в которых сообщалось, что Карл Хаусхофер заступался за «неарийцев». Действительно, он помог нескольким евреям, которых знал еще с 20-х годов.

По мере того как на континенте развернулись боевые действия, Хаусхофер-старший вновь стал проявлять интерес к геополитике. Поначалу победы вермахта окрылили его. Захват Норвегии и Дании, который произошел в апреле 1940 года, был назван им «стратегическим результатом высшего класса». Поражение Франции вызвало у него форменный восторг.

Карл Хаусхофер не мог скрыть гордости за то, что «над Страсбургским собором вновь развевалось немецкое знамя». В это время Марта записала в дневнике: «Военные победы, которые японцы одержали в декабре 1941 года, произвели на Карла столь большое впечатление, что он незамедлительно поздравил японского посла Ошиму». 18 декабря 1941 года к Хаусхоферу пришло ответное сообщение. В нем Ошима заявлял: «Выражаю Вам глубокую благодарность за любезное письмо, которое было послано мне 12-го числа сего месяца. В нем Вы передаете пожелания успехов японской армии. Я твердо убежден в том, что Япония будет вести справедливую войну против наших общих врагов до окончательной славной победы». Однако Хаусхофера со временем стали беспокоить действия немецких оккупационных властей на захваченных территориях. Он полагал, что гегемония Германии в Европе не должна была держаться на штыках. Однако он все еще верил в том, что национал-социалистическая Германия вела «справедливую войну». Причиной этого заблуждения была навязанная Рудольфом Гессом точка зрения. Даже в 1940 году Карл Хаусхофер видел многие вещи исключительно сквозь «розовые очки». Только когда Третий рейх напал на СССР, его стали одолевать сомнения. Но Хаусхофер не решался публично озвучивать их. Война рисковала превратиться в очередную мировую бойню, а потому баварский генерал и профессор все чаще стал задумываться о своей ответственности за нее. Он тяготился тем, что в свое время призывал воспитывать немецкий народ к «борьбе за жизненное пространство». Свои угрызения совести он доверял бумаге, на которой одно за другим писал трагические стихотворения. Однако это творчество не могло избавить Карла Хаусхофера от мучительных вопросов, на которые он не мог

найти ответы. До самого своего самоубийства он так и не решился публично признать свою ответственность за «немецкую катастрофу».

До начала агрессии против СССР Карл Хаусхофер переписывался с Рудольфом Гессом. Он пытался осознать новые геополитические условия, которые формировались в Европе и в мире. 8 октябре 1939 года в письме заместителю фюрера сообщалось: «...мир станет миром разочарования лживыми играми британцев, которые являются нашими родственничками. Наши русские друзья теперь очень лестно отзываются о нас в целом, равно как и о нас по отдельности, чего они никогда ранее не делали. Они готовы постигать геополитику, суть спасительной для Старого Света континентальной политики. Они готовы пересмотреть прошлое. Однако, заключая пакт с дьяволом, всегда надо помнить об осторожности. Они уже смогли разыграть индийскую карту. То, что не удалось довести до конца нам, получилось у них. Они сориентировали Джавахарлала Неру на Москву. Они уже суют британским господам палки в индийские колеса. Наши желтые друзья не перестают учиться у нас, насколько это возможно, чтобы не потерпеть неудачу. Они начали охоту на пиратов. Они всегда имели склонность к пиратству. Им давалось это легче, чем тебе или фюреру. Его речь от 6 октября стала настоящим подарком для геополитических гурманов. Когда у тебя будет время, то достань с полки с книгами мою старенькую "Великую Японию". В 15-й главе ты сможешь обнаружить контуры идеи немецко-русско-японской континентальной политики».

Летом 1940 года Адольф Гитлер находился на пике своего континентального могущества. Тактика «молниеносной войны» (блицкрига) приносила неслыханные ранее военные успе-

хи. В Берлине он превозносился как «величайший полководец всех времен и народов». Германия была буквально в полушаге от того, чтобы установить общеевропейскую гегемонию. Разгромленная на континенте Великобритания продолжала сопротивляться на своем острове. «Успех немецкого оружия» привел к тому, что Гитлер решил не прибегать более к политическим средствам. Он полагал, что со всеми целями мог справиться вермахт. Однако вторжение на остров могло привести к огромным потерям. Это было продемонстрировано во время захвата Норвегии и воздушных боев над Британией. И в этих условиях Гитлер начал готовить агрессию против СССР. Его не смущала перспектива войны на два фронта. «Восточный поход» он планировал завершить за несколько месяцев. И именно в указанное время Рудольф Гесс, знавший о плане «Барбаросса», улетел в Англию. В последние годы об этом полете писалось очень много, а потому имеет смысл сосредоточиться на моментах, которые касаются в первую очередь Карла и Альбрехта Хаусхоферов.

В начале августа 1940 года Рудольф Гесс неожиданно для Альбрехта Хаусхофера завел с ним разговор о судьбе. При этом заместитель фюрера ни словом не намекнул, что подвигло его на ведение подобных бесед. Несколько позже он все-таки сообщил Хаусхоферу-младшему, что Гитлер не намерен продолжать военные действия против Великобритании. Подобное решение было продиктовано расово-политическими соображениями. Гитлер считал, что Германия не должна быть заинтересована в военном поражении Англии, так как это приведет к падению власти белых в Индии и Индокитае. По прошествии некоторого времени Рудольф Гесс поинтересовался у Альбрехта Хаусхофера, сохранил ли тот свои связи с англичанами. Осо-

бый интерес представляли «дальновидные политики». В ответ Хаусхофер-младший недвусмысленно намекнул, что национал-социалистическая Германия уже давно истратила свой лимит доверия. А потому любая попытка связаться с англичанами была бессмысленной. Судя по всему, Рудольф Гесс остался недоволен этой реакцией, так как несколько дней спустя с аналогичным вопросом он обратился уже в Карлу Хаусхоферу. Беседа получилась весьма откровенной. Хотя Гесс так и не пояснил, чем было вызвано его беспокойство. Он решил сохранить в тайне, намерение Гитлера напасть на СССР. В итоге в сентябре 1940 года Хаусхофер-старший смог убедить своего сына написать письмо Гамильтону Дугласу. В этом письме предлагалось организовать встречу с Рудольфом Гессом в одной из нейтральных стран. Письмо было направлено в Англию окольными путями, а потому достигло адресата только в апреле 1941 года.

Поскольку из Лондона не последовало никакого ответа, то Рудольф Гесс стал искать другие возможности для начала мирных переговоров. Не исключено, что Гитлер знал об этой инициативе и в принципе поддерживал ее. Весной 1941 года Хаусхоферы вновь оказались втянутыми в это «мирную» операцию. После долгих бесед и споров отец убедил сына направиться в Женеву, чтобы встретиться там с Карлом Якобом Буркхардтом. Это был общественный деятель, известный своими широкими связями в Лондоне. К тому же он всегда выражал недовольство тем, что Германия воевала с Великобританией. За день до отбытия в Женеву Альбрехт Хаусхофер рассказал о своей миссии матери. Та отметила в дневнике: «Только если бы мое одобрение могло помочь этому предприятию, оно непременно бы удалось. Но я и Альбрехт не верим в успех. Но все-таки надо попытаться». 3 мая 1941 года Альбрехт позвонил домой

из Швейцарии и сообщил, что его миссия не полностью провалилась и еще имелись шансы на успех. Он планировал вернуться домой и рассказать все детали. Однако после этого события стали сменять друг друга, как в калейдоскопе. 10 мая 1941 года Рудольф Гесс, не дожидаясь возвращения Альбрехта Хаусхофера, на своем самолете направился в Великобританию. Он решил действовать на свой страх и риск, желая вынудить англичан начать мирные переговоры.

Карл Хаусхофер был поражен этим поступком не меньше, чем все остальные немцы. Но, судя по всему, он понял мотивы поведения своего бывшего ученика. Уже с января 1941 года он через своего фронтового приятеля Хофвебера пытался собрать сведения о настроении Гесса. Разумеется, до сих пор неизвестно, догадывался ли Карл Хаусхофер о запланированном нападении на СССР. В любом случае сразу же после полета он написал стихотворение о молодом Парцифале, который, подобно Икару, красивым жестом вычеркнул себя из жизни. После полета Гесса в Англию Хаусхоферы сразу же попали под усиленный надзор гестапо. В тайном сообщении, которое 29 июня 1941 года попало на стол Мартину Борману, говорилось: «Группенфюрер Гейдрих довел до моего сведения, что по приглашению президента “Немецкой Академии” генерал Хаусхофер в качестве сенатора Академии и члена Малого Совета Академии должен принять участие в заседании, которое состоится 30 июня 1941 года в Страсбурге. Группенфюрер Гейдрих сообщает, что, очевидно, господин Зиберт придает слишком большое значение участию Хаусхофера в этом мероприятии. Вместе с тем Хаусхофер имел нежелательную причастность к инциденту, случившемуся 10 мая 1941 года (полет Гесса. — *Авт.*). Считаю необходимым обратить внимание господина Зи-

берта и всех гауляйтеров, что оба Хаусхофера являются интеллектуальными вдохновителями указанного выше инцидента. По этой причине их общественные выступления являются нежелательными. Прошу уведомить об этом господина Зиберта. Само собой разумеется, надо придерживаться только фактов. Кроме того, 4 июля 1941 года в одном из театров Мюнхена произойдет премьера спектакля "Август", который будет поставлен по пьесе Альбрехта Хаусхофера». Спектакль решили не запрещать, но меры в отношении Хаусхоферов все-таки были приняты. Впрочем, Мартин Борман направил письмо Геббельсу, в котором рекомендовал воздержаться от публичной дискредитации Хаусхоферов. В ноябре 1941 года Борман подтвердил свое намерение. В одном из донесений он сообщал: «По сравнению с другими профессорами университета господин Хаусхофер не должен ущемляться в правах, однако это не значит, что ему должно отдаваться какое-то предпочтение. Едва ли стоит запрещать его книги, но в то же время ни в коем случае не надлежит делать им какую-то усиленную рекламу». Только в январе 1942 года Карлу Хаусхоферу было запрещено выступать как на публичных, так и на закрытых мероприятиях, которые проводились по линии Национал-социалистической партии.

Положение Хаусхоферов еще более ухудшилось в 1944 году. Несмотря на то что сводки с фронтов не вызывали особого восторга, Карл и Марта Хаусхоферы пытались как-то утешить себя, работая на земле, ухаживая за деревьями, восторгаясь окружавшей их природой и ландшафтами. В какой-то момент к ним внезапно вернулся сын, после чего они были вынуждены вновь попрощаться с Альбрехтом. Он прибыл к родителям 20 июля 1944 года, как раз в тот день, когда в ставке «Вольфшанце» произошло неудачное покушение на Гитлера. Заговор

военных (операция «Валькирия») был сорван. Альбрехт поддерживал заговорщиков, но не принимал никакого участие ни в подготовке покушения, ни в самом заговоре. Карл Хаусхофер был и вовсе не причастен к этим событиям. Он настолько растерялся, когда узнал о покушении, что не мог сказать ни слова. Впрочем, это не помешало гестапо заподозрить его в причастности к заговору, что в итоге привело к аресту младшего сына, Хайнца, и его жены. Агенты гестапо появились в имение Хаусхоферов ранним утром 23 июля 1944 года. Они провели обыск, но не смогли найти никаких улик. Тем не менее это не помешало им без указания каких-либо причин арестовать Карла Хаусхофера. Через несколько дней с матерью связался Альбрехт Хаусхофер, продолжавший скрываться от полиции. Он заявил, что понятия не имеет, почему был арестован отец, который никогда не был причастен к деятельности политических оппозиционеров. Альбрехт Хаусхофер был арестован в окрестностях Партенкирхена 7 декабря 1944 года.

Сам же Карл Хаусхофер в августе 1944 года оказался в концентрационном лагере Дахау. Он находился не с основной частью заключенных, а потому его пребывание в лагере рассматривалось как «почтенный арест». 27 августа 1941 года Марта Хаусхофер прибыла в лагерь, чтобы поздравить своего супруга с 75-летием. Она отметила, что буквально за несколько недель ее муж очень сильно постарел и осунулся. Карл Хаусхофер был отпущен на свободу столь же неожиданно, как и арестован. Произошло это 31 августа 1944 года. Не исключено, что свою роль сыграло письмо, которое из лагеря Хаусхофер-отец направил Гитлеру. В нем он вспоминал, как когда-то фюрер преподнес ему «Майн кампф» с личным посвящением «Великому немецкому геополитику». Кроме того, он заявлял о том, что

направить его за колючую проволоку было давнишней мечтой Черчилля и Рузвельта, а потому не стоило им подыгрывать в этих желаниях.

В эти дни супруги Хаусхофер не на шутку были обеспокоены судьбой своих детей. От Альбрехта не поступало никаких известий. 19 августа был арестован младший сын — Хайнц. В сентябре 1944 года его направили в Берлин в тюрьму Моабит. После этого была арестована его супруга — Луиза. Ее продержали под арестом шесть дней, после чего выпустили на свободу. Однако 17 октября она была арестована еще раз. В то же самое время дома у Хаусхоферов был произведен третий обыск.

Ничего не зная о судьбе своих детей, Карл Хаусхофер в начале 1945 года в очередной раз обратился с письмом к Гитлеру. В нем он писал: «Мой фюрер! С 1941 года я полностью устранился от какой-либо политической деятельности, а потому не имел ни малейшего предчувствия о трагических событиях, с которыми, кажется, был связан мой арест. Кроме того, мой старший сын, честно служивший делу нашей нации, был объявлен в розыск. По моему твердому убеждению, мой сын Альбрехт Хаусхофер является невиновным. Я не видел его с августа 1944 года. До меня лишь дошли слухи, что он был арестован в конце 1944 года. Однако мне так и не сообщили, в чем заключается его вина. Мой фюрер, я никогда бы не обратился к Вам с просьбой, если бы не посчитал ее недостойной. Мне идет 76-й год, и я уже стою на пороге в мир иной, а потому едва ли стал бы беспокоить великих людей, на плечах которых лежит огромный груз ответственности, отвлекая их от дел своими просьбами». Однако Карл Хаусхофер зря полагался на милость Гитлера. Альбрехт так и остался в застенках тюрьмы. Там он написал свои знаменитые «Моабитские сонеты», которые уже

после окончания Второй мировой войны были провозглашены классикой антифашистской поэзии.

СТОРОЖА

Блюстители, приставленные к нам,
Ребята превосходные — крестьяне.
Их вырвали из сельской глухомани,
Чтоб кинуть в дикий городской бедлам.

Для них связать два слова — тяжкий труд.
И лишь порой прочтешь в немом их взоре
Вопрос о тяжком всенародном горе,
Которое в сердцах они несут.

Они с востока, с берегов Дуная,
Где все успела разорить война.
Мертвы их семьи, выжжена страна.
И ждут они — придет ли жизнь иная?
Их узниками сделали, как нас.
Прозреют ли они? Пробьет ли час?
Воробьи
Порой моя тюремная решетка
Приманивает с воли двух гостей:
То уличный задира воробей
И с ним его пернатая красотка.

У них любовь: то споры, то смешки,
То клювом в клюв — и как начнут шептаться!
Соперник и не пробуй подобраться,
Конфликт решится битвой, по-мужски.

Как странно здесь, в цепях, в тюремной щели,
Глядеть на них, свободных! Но за мной
Следит глазок блестящий и живой —
Чирикнули, вспорхнули, улетели.

И вновь один я, вновь гляжу в окно...
Зачем мне птицей быть не суждено!

КРЫСИНЫЙ ПОДХОД

Лавиной крысы движутся к реке,
Несчастную страну опустошая.
Вожак свистит — и, точно заводная,
Вся стая дергается при свистке.

Уничтожают житницы и склады,
Кто шаг замедлит — стиснут, понесут.
Упрется — закусают, загрызут.
Идут к реке — и нивам нет пощады.

По слухам, кровью плещет та река.
Все яростней призывы вожака,
Все ближе цель — вот запируют вскоре!

Истошный визг, пронзительный свисток,
Лавина низвергается в поток, —
И мертвых крыс поток выносит в море.

23 апреля 1945 года Хайнц Хаусхофер, младший из сыновей Карла, был освобожден из тюрьмы. Он еще не знал, что его старший брат был расстрелян специальной эсэсовской коман-

дой. Его ни разу не допрашивали и не предъявляли обвинения. Его причастность к покушению на Гитлера так и не была доказана. Судя по всему, учитывалась только его дружба с генералом Беком, дипломатами фон Хасселем и фон Шуленбургом, бароном Йорком и прусским министром финансов Попицем. Когда в Берлине прекратились боевые действия, Хайнц Хаусхофер занялся поиском тела своего брата. Он обнаружил и похоронил его только лишь 13 мая 1945 года.

ГЛАВА 12
ПОСЛЕДНИЙ АКТ

Последние месяцы жизни Карла Хаусхофера были связаны с ужасающими сообщениями и непрекращающимся унижением. Все это повергло его в глубочайшую депрессию. Редкие часы созерцания природы в имении в Хартшиммеле уже не могли поднять настроение. Супруги Хаусхофер пытались найти утешение в своих воспоминаниях. Они читали друг другу письма, которые были написаны десятилетиями ранее. Но и это не приносило облегчения их истерзанным душам. До лета 1945 года они продолжали пребывать в неведении о судьбе двоих сыновей. Кроме того, Карл Хаусхофер, несмотря на свое критическое отношение к национал-социалистам, с горечью наблюдал за рухнувшей империей, которая была погружена в хаос. В конце апреля 1945 года в Баварию вошли американские войска. Почти сразу же после этого в доме Хаусхоферов появились посетители. Первый визит, который состоялся 3 мая, не предвещал ничего ужасного. Два свободно говоривших на немецком языке американских офицера, явно с университетским образованием, хотели получить справку о геополитике и ее принципах. Однако на следующий день появилось еще три американца, которые потребовали предоставить сведения (начиная с 1919 года),

касающиеся взаимоотношений Карла Хаусхофера и национал-социалистов. Но это было еще не самое страшное. 6 мая в дом к профессору ворвалось несколько французских солдат, которые занялись форменным грабежом. Было вынесено всё, включая содержимое винных погребов. В последующие майские дни Карлу Хаусхоферу пришлось пережить еще три допроса. 30 мая он был арестован и направлен в тюрьму Вайльхайм. Допросы продолжились уже там. Когда они закончились через два дня, то Хаусхофера выпустили на свободу. Однако в середине июня все повторилось снова, за тем исключением, что пожилого геополитика на этот раз допрашивали в Фрайнциге. В указанное время ни дня не проходило, чтобы с Хаусхоферами не случалась какая-нибудь неприятность. К унизительным допросам добавились угрозы, которые поступали со всех сторон. Это окончательно подорвало здоровье Карла Хаусхофера.

6 июля 1945 года Карл и Марта Хаусхофер получили страшное известие. Они не теряли надежды, что Альбрехт Хаусхофер был все-таки жив и всего лишь затерялся в хаосе послевоенной Германии. Однако после десяти дней пути к ним прибыл младший сын Хайнц. Он и сообщил, что в ночь с 22 на 23 апреля 1945 года его брата расстреляли эсэсовцы. Супруги пребывали в глубоком отчаянии. После этого Карл Хаусхофер потерял всякий интерес к жизни.

Между тем было проведено следствие об обстоятельствах смерти Альбрехта Хаусхофера. Оно базировалось на нескольких показаниях. В камере с Альбрехтом Хаусхофером сидел немецкий коммунист Герберт Косней. 11 мая 1945 года у себя в берлинской квартире он дал следующие показания: «В ночь с 22 и на 23 мая, приблизительно около часа ночи, из камеры в тюрьме на Лертерштрассе было выведено несколько человек.

Среди них были Йенневайн, Зосимов, Мюнцингер, профессор Альбрехт Хаусхофер и еще приблизительно пятнадцать человек, чьих имен я не знаю. Я слышал, что профессор Альбрехт Хаусхофер обращался к ним по именам и вел с ними беседы. Судя по всему, они были знакомы. Все двадцать заключенных были выведены командой эсэсовцев в стальных шлемах. Они были вооружены пистолетами-пулеметами. У нас изъяли все вещи и бумаги. Сообщалось, что нас переводят в другую тюрьму. Последовало предупреждение, что при попытке к бегству будет открыт огонь на поражение. Нас повели в разрушенный выставочный комплекс "УЛАП" на Инвалиденштрассе. Там нас всех расстреляли. Тех, кто не умер сразу, добивали. Я понял, что надо притвориться мертвым. Я лежал в темноте, не двигаясь. Расстрельная команда удалилась со словами: "У нас еще много работы". Выждав время, я пополз».

На основании показаний Герберта Коснея было исследовано место расстрела, где было обнаружено несколько трупов. Опознание тела Альбрехта Хаусхофера проводили его брат и бывшая ассистентка Ирмгард Шнур. Останки расстрелянных противников национал-социалистического режима погребли в братской могиле в Моабите близ так называемого «малого Берлинского зоопарка». 17 мая 1945 года Хайнц Хаусхофер получил на руки свидетельство о смерти своего брата.

Погруженный в глубочайшую депрессию, Карл Хаусхофер непрерывно размышлял на протяжении нескольких недель о причинах своей личной трагедии и «национальной катастрофы». Он беседовал сам с собой, пытаясь в этих внутренних диалогах найти ответы на мучавшие его вопросы. Нередко он излагал свои мысли в форме стихотворений. Эти стихотворные свидетельства наглядно показывают, что Хаусхофер-старший

был не в силах признать свои собственные ошибки. И это бессилие погружало его в еще большее уныние. Но где-то в глубине души он понимал, что, стремясь реализовать свои идеи, он связался с разрушительной и преступной системой, которая в итоге расправилась с его сыном. Альбрехт Хаусхофер был отчасти прав, когда писал в стихотворении «Ахерон»: «Мой отец был ослеплен мечтой о власти». Сам же Карл Хаусхофер снова раз за разом анализировал свою жизнь, что было представлено в особом стихотворении.

Размышляя обо всем произошедшим с ним и его семьей, Карл Хаусхофер видел некую мистическую связь между событиями прошлого и настоящего. Например, он обратил внимание, что его сын Альбрехт погиб в день, когда исполнилось бы 105 лет его деду, Максу Хаусхоферу, а Карл и Марта должны были праздновать 49-годовщину своей свадьбы. Однако об ответственности за судьбу Германии геополитику заявили весьма беспардонным образом, когда летом 1945 года его арестовали в очередной раз. С конца июля 1945 года по радио распространялись многочисленные сообщения об аресте Карла Хаусхофера. Пожилой профессор, и без того пребывавший в депрессии, оказался на грани нервного истощения. В это время он и его супруга впервые узнали об истинном размахе преступлений, совершенных национал-социалистическим режимом.

Судя по всему, им об этом рассказал один из французских журналистов. Марта Хаусхофер фактически перестала спать. Заснуть ей не помогала даже двойная доза снотворного. Очередной удар был нанесен, когда на доме Хаусхоферов в Партенкирхене был вывешен плакат с предупреждением, что членам их семьи запрещался вход в здание. Именно тогда Карл Хаусхофер предпринял первую попытку самоубийства. Он хотел броситься в озеро Аммерзее. В самый последний момент его остановила Марта.

Моя жизнь после мечтательного отрочества	1869—1878—1887
Была посвящена службе и исполнению	
тяжелого долга.	1889—1890—1895
Я был тогда готов трудиться много больше!	1895—1896—1911
Позднее моей первой страстью стал	
пленительный звук	1896—1900—1907
Солдатского тяжелого служения.	1908—1909—1910
Тогда Европа была объектом приложенья	
наших сил.	1913
В конце концов, открылся мне	
Дальний Восток и весь мир!	1914—1918—1919
Но в нашу жизнь, благословеньем иль	
проклятьем,	
Вошла слава молодой науки	1919—1921—1925
и великолепье книг,	1913—1939
Что было столь внезапно	
На пять лет прервано первой войной.	1920—1938
Обогащенный знанием искусным	1938—1939
На Родину с надеждой возвратился я,	1945
Чтоб вновь посвятить себя науке,	1933—1937—1938
В которой я обрел четверть века счастья,	1939—1941—1944
Идя рука об руку с моей супругой,	1945
Которой я обязан успехом и всеми	
подъемами.	1941—1944—1945

Затем вторая, жуткая война вторглась
в нашу жизнь,
И в бедствиях ее исчез прекрасный лик.
Всегда на крутых поворотах истории
Есть опасность крушения и катастроф.
Меня и наш народ покинуло счастье.
Мог ли я вернуться на альпийские луга
своей молодости?
Мы направились в сторону могильных
холмов,
Где с наслаждением отдохнем, поймав момент
Последнего упоительного счастья!

7 августа 1945 года Хаусхоферы решили перебраться в свою мюнхенскую квартиру. Им казалось, что дом не был поврежден во время бомбежек и боевых действий. Однако, к своему великому ужасу, они обнаружили, что в квартире уже хозяйничали американцы. Все письменные столы были разломаны, шкафы и книжные полки валялись на полу. Из квартиры была украдена богатейшая библиотека. Через неделю Карла Хаусхофера арестовали в очередной раз. Для допросов его направили в лагерь для пленных немецких офицеров Оберурзель. Когда Хаусхофер вернулся из лагеря в дом в Хартшиммеле, то к нему была приставлена Эрика Манн, дочь Томаса Манна. Она должна была под видом непринужденных бесед продолжить допросы убитого горем старика. Его последним «лучом света» в беспросветном унижении стала встреча с американским профессором Уолшем, который был не только полковником американской армии, но и специалистом по геополитике. Эдмонд Уолш был преподавателем католического университета Джорджтаун в Вашингтоне. Это знакомство состоялось 25 сентября 1945 года. Уолш пытался не давить на Хаусхофера, чье здоровье и так было подорвано. Они много беседовали о геополитике. Карл Хаусхофер с подачи американца даже попытался написать несколько научных материалов.

Именно Эдмонд Уолш сопровождал Карла Хаусхофера в Нюрнберг, где профессор должен был стать свидетелем. Судей Нюрнбергского трибунала в первую очередь интересовали его взаимоотношения с Рудольфом Гессом. 9 октября 1946 года Карл Хаусхофер увидел в Нюрнберге своего бывшего ученика. Профессор был поражен — Гесс с трудом мог что-то вспомнить, пребывая во власти безумия. Только незадолго до своего самоубийства Карл Хаусхофер узнал, какую роль на Нюрн-

бергском процессе пытался сыграть его друг и ученик Рудольф Гесс. 14 февраля 1946 года Ильза Гесс направила фрау Марте письмо, в котором сообщила, что получила некоторые сведения от адвоката Гесса (фон Роршайдта). На самом деле Гесс симулировал помешательство, в том числе отказавшись встречаться со своими родственниками и знакомыми. Но об этом Хаусхофер узнает только несколько месяцев спустя.

В любом случае 10 октября 1945 года Карл Хаусхофер в сопровождении опекавшего его Уолша вернулся обратно в Хартшиммель. Он надеялся, что наконец-то его оставят в покое. В то время Хаусхофер работал над последней в своей жизни работой, которая фактически стала его научным завещанием. Речь идет об «Апологии геополитики», которую он намеревался адресовать профессору Уолшу. Труд был завершен в ноябре 1945 года, тогда же он был передан американцу. Записи, которые были сделаны супругами Хаусхофер в последние дни 1945 года, свидетельствуют о том, что они испытывали самое глубокое безразличие к жизни. Их единственной надеждой была скорейшая смерть. В конце ноября 1945 года у Карла Хаусхофера случился легкий апоплексический удар. После поправки он сожалел о том, что не скончался. Ему еще не раз пришлось столкнуться с грубостью и хамством американских солдат, что окончательно подорвало волю к жизни. В середине декабря 1945 года до Хаусхоферов доходит еще одно печальное известие. Они узнают о том, что с собой покончил их друг — немецкий журналист Колин Росс (на самом деле он совершил самоубийство в апреле 1945 года, но новости дошли с огромным запозданием). Он принял яд, после чего выстрелил себе в голову. В тот день Марта Хаусхофер сделал запись: «Завидую тем, кто решился на это». Аналогичное настроение было и у Карла. Накануне

Рождества он в карманном календарике написал под цифрами 1946 (наступавший год): «Надеюсь, что я его не переживу». В январе 1946 года он писал своему приятелю Хофвеберу, что очень печалился о том, что не скончался месяц назад от удара. Далее он замечал: «Колин Росс и его супруга выбрали правильное время, чтобы уйти из жизни. Но были обеспокоены судьбой наших сыновей, а потому упустили момент. Теперь мне предстоит влачить бессмысленное существование».

28 января 1946 года Карл Хаусхофер узнал, что его лишили университетской пенсии. Теперь его не хотели видеть даже в Мюнхенском университете. Оставшись без средств к существованию, супруги Хаусхофер были обречены на прозябание. Судя по всему, именно в это время они решили добровольно уйти из жизни. Когда в 1933 году национал-социалисты стали преследовать евреев, то Карл Хаусхофер отказался разводиться со своей женой. Он хотел, чтобы его судьба была связана с судьбой его избранницы. Он настолько любил Марту, что был готов преодолеть вместе с ней любые трудности, разделить все тяготы. В 1945—1946 годах ситуация изменилась с точностью до наоборот. Теперь уже Марта решила последовать за своим супругом. Дело всей его жизни было разрушено, проявленные политические амбиции привели к катастрофе, Германия лежала в руинах, а старший сын был казнен без суда и следствия. Допросы и издевательства оккупационных властей сломили 75-летнего старика. 9 октября 1945 года он был шокирован тем, что его не узнал Рудольф Гесс, друг, ученик, которого он считал названным сыном. Карл Хаусхофер более не мог бороться с угрызениями совести. Подорванное здоровье и нервное истощение заставили его назначить себе самому дату смерти. Фрау Марта решила разделить участь своего супруга. Едва

ли она могла принять другое решение. Очень сложно сказать, насколько Карл Хаусхофер решил последовать примеру японских самураев, что нередко утверждается в исследовательской литературе и научно-популярных статьях. Как бы то ни было, но когда утром 10 марта 1946 года Хайнц Хаусхофер пришел в дом родителей, то не обнаружил их. Он нашел лишь две предсмертные записки и небольшой набросок, на котором его отец от руки нарисовал план. На этом плане указывалось, где Хайнц мог найти их тела. Он поспешил в указанное место в тщетной попытке предотвратить очередную семейную трагедию. Но было слишком поздно. В 800 метрах от дома он нашел под большим буком тело своего отца. Он лежал, уткнувшись лицом в землю. Он принял яд. Рядом на дереве повесилась Марта Хаусхофер.

Этим последним актом закончилась семейная трагедия семьи Хаусхофер. Казалось бы, в разрушенной Германии смерть двух пожилых людей никого не должна была взволновать. Послевоенная страна, свыкшаяся с сотнями тысяч смертей, жила своими проблемами и заботами. Однако даже в этих условиях раздались голоса сочувствия. Одним из приславших соболезнования Хайнцу Хаусхоферу был профессор Обст. «Многие годы назад мне несказанно посчастливилось поближе познакомиться с Вашими отцом и матерью. К сожалению, мне лишь изредка удавалось писать им письма. Тем сильнее моя боль. Меня охватывает щемящее чувство утраты и одиночества. Я с пониманием отношусь к выбору покойных и их последнему желанию. Пусть в ином мире их ожидает упокоение, которого им так не хватало на протяжении последних десятилетий». Соболезнования прислали очень многие, в том дети казненных дипломатов, которые были причастны к заговору 1944 года.

Позже Хайнц Хаусхофер узнал, что отец позаботился о нем, выразив свою последнюю волю в письме семейному адвокату.

«Наш добровольный уход из жизни продиктован множеством причин. Нестерпима скорбь за страну и народ, которому я напрасно служил всю свою жизнь и посвятил дело своей жизни. Преждевременная гибель нашего сына Альбрехта, в лице коего я потерял человека, который должен был унаследовать мои научные изыскания. Прошедший год очень сильно повредил моему здоровью, я не предвижу, что мое тело и мой дух пойдут на поправку. Возвращение моего сына Хайнца из заключения избавляет меня от обязанности заботиться о его семье и отвечать за сохранение нашего дома и имущества. Я благодарю свою супругу, которая была моей спутницей жизни на протяжении полувека. Она подарила мне настоящую, ни с чем не сравнимую любовь. Она была счастьем всей моей жизни. Даже когда я совершу последний шаг в темноту иного мира, она продолжает хранить мне верность. Я желаю сыну и внукам всего наилучшего! Пусть они будут счастливы.

Карл Хаусхофер.

P.S. Я не хочу, чтобы меня погребли по какому-либо официальному или церковному обряду. Я не желаю, чтобы имелись надгробия с эпитафиями. Я хочу всё забыть и быть забытым».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Идеи Карла Хаусхофер как при его жизни, так и после смерти изучали и критиковали, восторгались и проклинали, брали за основу и подозревали. Однако осознание его личности невозможно без учета того, что сейчас принято называть колоритом эпохи. Только с учетом политических реалий первой половины XX века можно выносить суждения о деятелях того времени. Многочисленные вопросы остаются без ответа даже в настоящее время. Это объясняется тем, что очень сложно объективно и всеобъемлюще оценить столь сложную и противоречивую фигуру, как Карл Хаусхофер. В нем воплотились самые разнообразные, нередко уникальные таланты. В некоторых случаях они не всегда могли дополнять друг друга, что еще более затрудняет вынесение однозначных оценок. Сложно ответить даже на такой простой, казалось бы, вопрос: каких политических идей придерживался Хаусхофер? Был ли он баварским монархистом, либеральным националистом или умеренным национал-социалистом? В любом случае его студенты, ученики и читатели видели в нем исключительно образованного, творчески одаренного человека, который обладал не только энциклопедической эрудированностью, но и великолепной памятью. Отдельного восхищения заслуживала его неимоверная

работоспособность, которая, с одной стороны, выражалась во множестве работ и публикаций, с другой — являлась объектом зависти (причем не всегда белой) его коллег. Карл Хаусхофер являл собой ошеломительный и достойный удивления синтез истинного немецкого офицера, народного трибуна и идеалистичного ученого, заслужившего признание во всем мире. Он не был самодовольно замкнут в своей славе. Он с охотой общался с молодежью, будучи всегда открытым для новых идей. Уже одно это обстоятельство указывает на то, что Карл Хаусхофер жаждал приблизить науку к простым людям, хотел сделать ее более простой и востребованной в обыкновенной жизни. Люди, лично знавшие этого профессора геополитики, всегда отмечали его доброту, обходительность, благородство, что дополнялось тонким юмором и личной непритязательностью. Его умение вести беседу или читать лекции было сродни актерскому таланту. Будучи убежденным германским патриотом, он никогда не скатывался до уровня пангерманского шовинизма.

Впрочем, как и все люди, Хаусхофер не был лишен слабостей. По большому счету, они были неким следствием его несомненных преимуществ. По понятным причинам эти недостатки не были заметны большинству людей, общавшихся с ним. Но именно выставление баланса между этими «плюсами» и «минусами» позволит получить ключ к пониманию внутреннего мира Карла Хаусхофера. К негативным сторонам его характера можно отнести неспособность к самокритике, политическую наивность, доверчивость, которая сыграла роковую роль в судьбе профессора. Кроме того, он не был чужд честолюбивых устремлений. Доверившись национал-социалистам, Карл Хаусхофер стал объектом собственного же «пророчества», кото-

рое он высказал в 1903 году. Тогда он любил цитировать своего друга, поэта Пауля Хайзе. Больше всего Хаусхоферу нравилась одна строка: «Мудрец, который через ошибки познают истину, продолжают ошибаться, оставаясь глупцом». К тому же нельзя не обратить внимание на разительные отличия между тем, что Хаусхофер говорил своим знакомым в узком кругу и что публиковал в официальной национал-социалистической прессе. Также он заблуждался относительно Рудольфа Гесса, полагая, что в какой-то судьбоносный момент сможет использовать заместителя фюрера по партии. Его сын Альбрехт не раз критиковал подобную позицию, но в итоге сам оказался втянут в политические игры национал-социалистической элиты. По большому счету, Карл Хаусхофер не был политиком или мировоззренческим бойцом. Он был сентиментальным, обожавшим кошек исследователем, которого было очень легко застать врасплох. Ко всему этому добавлялись тщеславие и слабость к внешнему признанию (похвалы, награды). Хаусхофера можно было легко подкупить при помощи обычной лести.

С 1919 года Хаусхофер не мог определиться с выбором уготованной ему роли. Быть баварским генералом или мюнхенским профессором? Быть вождем или «серым кардиналом»? Иногда Хаусхофер проявлял излишнюю импульсивность и несдержанность. Но почти во всех случаях это относилось к негативным оценкам его научных разработок. Будучи поглощенным своей исследовательской и журналистской работой (а писал Хаусхофер поразительно много), он не всегда мог обращать внимание на то, что происходило в реальной жизни. Ему просто не хватало времени, чтобы оглядеться по сторонам и увидеть, что же действительно творилось в Германии. В своих политических и геополитических построениях он оказался

оторванным от реальной жизни, которая шла своим чередом у него под боком. Тот факт, что долгое время Хаусхофер не видел реалий Третьего рейха, было связано с его психологическими установками. Он и не хотел их видеть, предпочитая доверяться Рудольфу Гессу и Иоахиму фон Риббентропу. Хаусхофер любил произносить фразу, принадлежащую его научному наставнику профессору Эриху фон Дригальски: «Надо воспринимать иные народы такими, какие они есть на самом деле, а не такими, какими они кажутся». Но при этом у него не хватало мужества взглянуть столь же объективным взглядом на Третий рейх и национал-социалистическое правительство. По этой причине он был склонен к вынесению предвзятых суждений. Например, он несколько однобоко проводил в жизнь «народную политику». В своей заботе о зарубежных немцах он фактически забывал о потребностях тех, кто продолжал жить в Германии. То есть его интересовало больше то, что происходило по ту сторону границу, нежели по эту. Когда внешняя среда становилась для него невыносимой, то он предпочитал уединяться на «мирном островке», каковым являлась его семья.

Юлиус Шауб, адъютант Гитлера, вспоминал об отношении фюрера к Хаусхофера. Шауб однозначно указывал на то, что слухи о влиянии идей Хаусхофера на Гитлера были явно преувеличенными. Всего же с 1922 по 1938 год Гитлер и Хаусхофер встречались не более десяти раз. Фюрер никогда не считал профессора геополитики национал-социалистом, хотя и находил, что некоторые из его тезисов можно было использовать для задач Национал-социалистической партии. При этом Гитлер отнюдь не нуждался в геополитическом обосновании курса на развязывание агрессии в Европе. Поскольку ему было известно о «еврейском происхождении» супруги Хаусхофера,

то относился к профессору геополитики всегда с «некоей осторожностью». Впрочем, по словам Шауба, Рудольф Гесс иногда прислушивался к рекомендациям Хаусхофера. Именно заместитель фюрера добился того, что Альбрехт Хаусхофер не раз делал доклады Гитлеру. Но опять же о реальном влиянии и воздействии не приходилось говорить. По этой причине Хаусхофер обманывался относительно того, что он мог «воспитать» или «усмирить» национал-социалистов. Большинство руководителей Национал-социалистической партии придерживались диаметрально противоположных взглядов на другие страны, нежели сам Хаусхофер. Предложенная им «система мира» никогда и никем не учитывалась. Поздравления от Гитлера, которые изредка получал создатель геополитики, были отнюдь не признанием его заслуг перед Третьим рейхом, а лишь формальными жестами. Гитлер считал геополитику как таковую «сектантской причудой». Когда Рудольф Гесс улетел в Англию, фюрер решил сорвать всю свою злобу «на породнившемся с евреями профессоре». Гитлер замечал, что «давно уже стоило заставить замолчать этот мюнхенский выводок».

Подобного рода утверждения фактически ставят крест на работах западных исследователей, которые как после окончания Второй мировой войны, так и по настоящий день пытаются доказать, что идеи Хаусхофера «бесспорно» вдохновляли Гитлера. В некоторых случаях профессора даже называют «духовным отцом» национал-социалистической агрессии. Подобный подход не имеет ничего общего с реальностью. Впрочем, можно предположить, что при принятии своих решений в 1940—1941 годах Гитлер мог все-таки руководствоваться тремя принципами Макиндера. Они звучали следующим образом: «Кто господствует в Восточной Европе, тот контролирует активное

пространство. Кто владеет активным пространством, тот правит Мировым островом. Кто обладает Мировым островом, тот управляет миром». Нельзя не отметить, что с самого начала и сам Хаусхофер весьма неоднозначно относился к Гитлеру. Он испытывал нечто среднее между восхищением, скепсисом и разочарованием. Впрочем, очень многие люди в мире в свое время не смогли увидеть агрессивный потенциал национал-социализма. В случае с Хаусхофером виной тому был Рудольф Гесс, который сразу же вынудил профессора занять некритическую позицию в отношении его партии. В семье Хаусхофер национал-социализм воспринимали именно со слов Гесса. В итоге его наставник был ограничен в возможностях самостоятельной оценки гитлеровского движения.

После того как в 1941 году в Англию улетел его партийный покровитель, Карл Хаусхофер был вынужден составить для партийного руководства нечто вроде истории его отношений с Рудольфом Гессом. Этот документ, который должен был снять с профессора подозрения о провоцировании «инцидента», был одной из многих автобиографий Хаусхофера. В нем, конечно же, был сделан акцент в первую очередь на дружбе с Гессом, но подавалась она исключительно с точки зрения выполнения геополитических и «народных заданий». Даже если сделать поправку на время и обстоятельства создания этой рукописи, нельзя не отметить, что отношение к Гессу было принципиально иным, нежели к Гитлеру или Мартину Борману. Для Карла Хаусхофера будущий заместитель фюрера после Первой мировой войны предстал преисполненным смутных надежд молодым человеком, который «не утратил веру в Германию», несмотря на военное поражение страны. «Редкостная самоот-

верженность, социальная восприимчивость, благородное сердце и ясный характер» заставили Рудольфа Гесса (по мнению Хаусхофера) добиваться нового подъема империи, дабы та вновь стала играть ключевую роль в мировой политике. После 1933 года профессор никогда не ожидал невозможного и без лишней на то надобности не беспокоил Гесса со своими просьбами. Гесс же видел в Хаусхофере «воспитателя, опыт которого он ценил». Это не исключало разнообразных противоречий, которые в итоге привели к тому, что оба деятеля решили идти своим путем. Карл Хаусхофер признавал, что видел внутренние терзания Гесса. Однако он не мог знать о причинах этого. Рудольф Гесс повторял любимую фразу Альбрехта Хаусхофера: «Тот, кто хочет властвовать, не должен привыкать слишком рано принимать правду от своих друзей и слишком поздно — от своих врагов». В итоге стиль руководства, которого придерживался Гитлер, неизбежно вел к тому, что Гесс, находясь на высоком партийном и государственном посту, фактически никак не влиял на внешнюю политику Германии. Роковая ошибка Хаусхофера заключалась в том, что он не осознавал, какая роль была отведена заместителю фюрера, и заблуждался относительно «чистоты национал-социалистических помыслов». Только после окончания Второй мировой войны он мог заметить, что влияние Гесса не соответствовало его статусу.

Впрочем, в 1937 году «мощь движения» и так называемые «заслуги фюрера» заставляли Хаусхофера верить в инстинктивные качества Гитлера. Профессор вполне искренне полагал, когда писал Гессу, что «передал интеллектуальный капитал всей своей жизни в достойные руки». Когда через несколько лет военные победы вермахта буквально потрясли весь мир, то он писал Гессу: «То, что на протяжении многих лет мы незаслу-

женно страдали, было исправлено твоими действиями, остается надеяться, что они приведут в восстановлению мира в Европе». Но уже некоторое время спустя Хаусхофер начинает мучительно догадываться о сути происходившего в Европе. Шаг за шагом он сознательно шел к неприятию национал-социалистического режима. Не исключено, что когда-нибудь Карл Хаусхофер непременно бы примкнул к оппозиционным кругам. Он не был полностью втянут в национал-социалистическую систему, но прозрение приходило слишком медленно.

Имеет смысл задаться вопросом: насколько национал-социалистической идеологии отвечал один из центральных тезисов хаусхоферовской геополитики, а именно фраза: «История — это борьба народов за жизненное пространство»? Нет никакого сомнения, что эта мысль была логичным продолжением всей имперской политики, которую Германия проводила как в XIX, так и в XX веках. В программе НСДАП 1920 года подобные воззрения были положены в основу по меньшей мере трех пунктов: первый — объединение всех немцев в Великой Германии на основании права на самоопределение; второй — равноправие немецкого народа с другими нациями, отмена Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров; третий — использование земли для пропитания народа, расселения избыточного населения внутри Германии. Тем не менее совершенно иначе дела обстояли со вторым главным принципом «фёлькише-мировоззрения», то есть той тотальной идеологии, которая должна была привести к преобразованию Европы и всего мира. В четвертом пункте национал-социалистической программы значилось: «Гражданином Германии может быть только тот, кто принадлежит к германской нации, в чьих жилах течет немецкая кровь, независимо от религиозной принад-

лежности. Ни один еврей не может быть отнесен к германской нации и являться гражданином Германии». В Третьем рейхе еврей по определению не мог стать «народным товарищем». Если руководство Национал-социалистической партии не уставая культивировало мифы об «избранной расе», об «арийцах — основателях и хранителях культуры», то это дополнялось призывами к безжалостной борьбе с «разрушителями культуры» (евреями). Пропаганда фанатичного антисемитизма преследовала не только «национальные», но и «международные» цели. Например, национал-социалисты никогда не скрывали, что их «служение человечеству» должно было закончиться после уничтожения всех евреев, то есть после осуществления планомерного геноцида. Едва ли стоит объяснять, что эти экстремистские воззрения (так называемый «вульгарный антисемитизм») никак не соответствовали представлениям Карла Хаусхофера. Он не дистанцировался от идей «крови и почвы». Например, во время посещения Балтийского региона он даже мог вынести некоторые суждения по расовому вопросу, которые в первую очередь касались проблем формирования немецкого национального характера. Однако его высказывания были слишком «либеральными» и отвечали идеологии НСДАП только в части использования специфического лексикона национал-социалистов. Карл Хаусхофер никогда не имел ничего общего с планами геноцида, которые вынашивались руководством Третьего рейха. Более того, Хаусхофер пытался заступаться за своих знакомых — евреев по национальности.

Однако нельзя отрицать, что, подобно многим консерваторам и монархистам, Карл Хаусхофер все-таки испытывал некоторую неприязнь к национальным меньшинствам, в том числе

к евреям. В данном случае речь шла не о радикальном «вульгарном антисемитизме», в основу которого были положены расовые теории, а о «культурном антисемитизме», который являлся одной из составляющих консервативного национализма, присущего кайзеровской империи. Это явление было следствием модернизации, происходившей в конце XIX века. Культурный пессимизм консерваторов был связан с критикой того, что евреи неуклонно увеличивали свое влияние на общественную, культурную и хозяйственную жизнь страны. Консервативный антисемитизм был ориентирован против «толпы торгующих брюками юношей, которые из года в год прибывали в Германии с восточных территорий». Подобного рода воззрения были вызваны не расовыми или религиозными предубеждениями, но обострением конкуренции в экономической сфере. Традиционный для консервативных монархистов список противников включал в себя масонов, социалистов, плутократов и евреев. Сами же германские консерваторы считали, что только общие идеалы и энергичная внешняя политика могли стать крепкой основой империи.

Для Карла Хаусхофера понятие «еврейство» было связано не столько с биологическими и расовыми принципами, сколько с национально-государственным делением Европы. Он четко разделял «сильные волей» и «слабые» народы. Консервативный антисемитизм Хаусхофера в первую очередь относился к евреям из Восточной Европы, именно их он считал выразителями англосаксонских интересов, «биржевыми и банковскими спекулянтами», «пацифистами, в годы войны предавшими Родину». Однако при всем этом он не уделял ни малейшего внимания сионистскому движению, которое от года к году набирало силу в Европе.

Весьма показательным является тот факт, что до начала 20-х годов Карл Хаусхофер скрывал от сыновей национальное происхождение их матери. Только когда в школе на партах стали появляться антисемитские лозунги, он должен был им раскрыть семейную тайну. Но даже в этих условиях в семье Хаусхофер не считали зазорным вести дискуссии о проблемах антисемитизма, что было весьма актуальной для Германии проблемой после убийства министра иностранных дел Ратенау (24 июня 1922 года). Для Карла Хаусхофера, который никогда не отрицал культурных заслуг евреев, важным был вопрос о проникновении инородных представителей в систему управления государством. Его не могло не беспокоить, что это «вторжение» неуклонно возрастало. При этом его нисколько не беспокоили эмансипированные евреи, он лишь желал остановить приток национальных меньшинств с территорий Восточной Европы. Многое говорит о том, что он в принципе был согласен с политикой, которая предусматривала, с одной стороны, прекращение подобной иммиграции, с другой — была направлена на выселение всех «восточных евреев», которые оказались на территории Германии после 1919 года. Хаусхофер полагал, что в интересах нации было сократить влияние евреев в отдельных общественных сферах жизни. Но все-таки профессор пытался вести себя тактично и деликатно в «еврейском вопросе». На это указывает составленный его сыном в 1934 году меморандум, в котором высказывалась идея о «дифференцированном решении неарийского вопроса». Оба Хаусхофера предлагали провести принципиальное различие между евреями, которые на протяжении многих поколений жили в Германии, и «восточными евреями», прибывшими в страну после окончания Первой мировой войны.

После прихода к власти национал-социалистов «еврейский вопрос» приобрел для семьи Хаусхофер отнюдь не отвлеченное значение. Под угрозу была поставлена не только дальнейшая академическая карьера Карла и Альбрехта, но и судьба самой семьи. Как уже рассказывалось ранее, ситуацию удалось исправить только благодаря вмешательству Рудольфа Гесса. Сами Хаусхоферы не могли не видеть, что в Германии происходило лишение евреев гражданских прав. И они не остались в стороне. Карл и Альбрехт использовали все свои связи в партийных и государственных структурах, чтобы помочь своим знакомым. Но уже с осени 1933 года стало ясно, что их помощь не могла изменить ситуацию в целом. По этой причине с подобными просьбами, которые были сами по себе небезопасными, приходилось обращаться очень осторожно. Слишком частое заступничество за евреев могло привести к тому (а в итоге и привело), что Хаусхоферы попали бы под надзор гестапо. Впрочем, даже в 1940 году Карл Хаусхофер пытался верить в то, что фюрер и его заместитель руководствовались «высокими принципами». Но уже некоторое время спустя до профессора стали доходить слухи о творящихся на оккупированных территориях массовых расправах. Он не хотел не верить, что эти сведения были правдой. Однако летом 1945 года Хаусхофер узнал об истинном размахе преступлений национал-социалистического режима. Он был шокирован и повержен. Он полностью утратил веру в человечество.

Сыновья Карла Хаусхофера выбрали разный путь в жизни. Младший, Хайнц, был более беззаботным. Он никогда не стремился в политику. В подачи Рудольфа Гесса он смог сделать карьеру сельскохозяйственного эксперта, за что не раз был упрекаем своим старшим братом. Однако Альбрехт был более

осведомленным об истинной ситуации, нежели его младший брат или даже отец. Зверства на оккупированных территориях и курс на геноцид ужаснули его, заставив присоединиться к антигитлеровской оппозиции. За этот шаг он заплатил своей жизнью.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список работ принципиального значения, написанных Карлом Хаусхофером

1906 — «Маневры кавалерийской дивизии в условиях, соответствующих военному времени», Берлин

1913 — «Дай Нихон. Анализ военной мощи Великой Японии в будущем», Берлин.

1914 — «Немецкое участие в географическом освоении Японии и субъяпонского пространства. Его стимулирование влиянием войны и военной политики», Мюнхен.

1919 — «Основные направления географического развития Японской империи», Мюнхен.

1921 — «Японская империя и ее географическое развитие», Вена.

1923 — «Восточная Азия, Японская империя, Маньчжурия», Брауншвейг.

1923 — «Новое устремление Юго-Восточной Азии к самоопределению» в сборнике «Геополитика самоопределения», Лейпциг.

1923 — «Япония и японцы. Страноведение», Лейпциг.

1924 — выпуск журнала «Геополитика».

1925 — «Геополитика Тихого океана».

1925 — «Политическая география и геополитика», Мюнхен.

1927 — «Границы в их географическом и политическом значении».

1927 — «Японская империя», Лейпциг.

1927 — «Строительные камни для геополитики», Берлин.

1928 — «Рейн — судьба и жизненное пространство».

1930 — «Великие державы накануне и после мировой войны», Лейпциг.

1930 — «Имперское обновление Японии», Берлин.

1931 — «Геополитика панидей», Берлин.

1931 — «Пути Германии при смене эпох», Мюнхен.

1932 — «По ту сторону великих держав», Лейпциг.

1932 — «Военная геополитика», Берлин.

1933 — «Мушихито, император Японии», Любек.

1934 — «Наполеон I», Любек.

1934 — «Национал-социалистическое мышление в мире», Мюнхен.

1934 — «Киченер», Любек.

1934 — «Фош», Любек.

1934 — «Военная воля как народная цель», Штутгарт.

1934 — «Мировая политика сегодня», Берлин.

1935 — «Державы с охватывающим пространством», Лейпциг.

1935 — «Геополитические принципы национал-социалистического государства», Берлин.

1936 — «Геополитика», Берлин.

1936 — «Мир на переломе», Лейпциг.

1937 — «Япония и японцы», Франция.

1937 — «Мировой океан и мировые державы», Берлин.

1937 — «Древняя Япония», опубликована вместе с работами «Имперское обновление Японии» и «Развитие Японии как мировой державы и империи».

1938 — «Проблемы мировой политики», Лейпциг.

1939 — «Немецкая политика в области культурного строительства на Индийском и Тихоокеанском пространстве», Гамбург.

1939 — «Становление немецкого народа», Берлин.

1940 — «Власть земли и народная судьба, выдержки из биографии Фридриха Ратцеля», Берлин.

1940 — «Континентальный блок: Срединная Европа — Евразия — Япония».

1941 — «Япония строит империю».

1944 — «Nostris ex ossibus[8]. Мысли оптимиста».

1945 — «Апология геополитики».

---

[8] Часть латинского изречения: «Да возникнет из наших костей какой-нибудь мститель» (Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor).

Избранная переписка Рудольфа Гесса и семьи Хаусхофер

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Марте Хаусхофер

Мюнхен, 17 декабря 1921 года

Глубокоуважаемая милостивая госпожа!

Поводом для написания этих строк отнюдь не являются какие-то трагические события, а потому я прошу не пугаться.

Прежде чем Вы отвернетесь от столь недружелюбного в это время года севера, чтобы устремиться на солнечные равнины, я хотел бы к Вам обратиться, по крайней мере, в письменной форме. Я не решался сделать это в течение нескольких месяцев, так как не находилось подходящего повода.

Я полагаю, что по Вашей же просьбе Ваш супруг с месяц назад рассказал мне, что Вы, равно как и многие другие смертные, убеждены в том, что в Вас течет недостаточно чистая кровь. Более того, предполагается, что некогда в Вас попала чуждая кровь[9].

Я хочу обратиться к Вам, глубокоуважаемая госпожа, с одной огромной просьбой. Прошу меня не считать настолько ограниченным, как если бы предполагал, что в Германии должно иметься большое количество «безусловного расово чистых» людей. Если бы мы должны были ориентироваться именно на таких людей, то пришлось бы создавать рейх из несколь-

---

[9] **Отец Марты Хаусхофер, Георг Людвиг Майер-Досс (1847—1919), был евреем, происходившим из сефардов, некогда проживавших на территории Испании и Португалии. По отцовской линии предки Марты Хаусхофер на протяжении нескольких поколений проживали в Германии.**

ких крестьянских семей. В стороне бы осталось большинство борцов из фёлькише-лагеря, включая меня самого. С другой стороны, я знаю, что даже из непосредственного смешения национальностей могут происходить отличные немцы. В данном случае я подразумеваю графа Арко[10].

Нет, милостивая госпожа, я и мои соратники обращены против тех, кто, по моему убеждению, сознательно заражают духовность народа (политика, театры, кино, «искусство»), против тех, кто толкает народ к радикальному материализму, что, к великому сожалению, отчасти удалось осуществить. Мы выступаем против тех, кто сталкивает между собой классы и натравливает один народ на другой. Приходящие из Советской России сведения позволяют убедиться в нашей правоте. Мы пытаемся вмешаться в этот губительный процесс, чтобы предупредить массы о возможной опасности! Опасность перестает быть слишком большой, если о ней узнают люди, которым она угрожает. По крайней мере, они смогут обороняться.

Но все же «политика — это скверная песня». Я понимаю, что может быть сейчас, как никогда ранее, приходится часто слышать слова этой песни. Таким образом, я прошу простить мое обращение, которым я хотел бы исправить самую большую ошибку мира. Если бы события прошлого только подчинялись мне!

Удачного Вам путешествия, пусть в Новом году для Вас часто светит солнце. Хорошего Вам отдыха.

Преданный Вам Рудольф Гесс.

---

[10] **Граф Антон фон Арко ауф Валлей 21 февраля 1919 года застрелил в Мюнхене организатора баварской революции Курта Айснера.**

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Рейхольдсгрюн, 13 сентября 1923 года

Дорогой, глубокоуважаемый друг!

Передо мною лежит книга с 16-лучевым красным солнцем, на обложке которой значится имя моего друга[11]. Шрифт на обложке внешне напоминает японский. Сожалею, что издатель выбрал для обложки и корешка книги различные литеры. Но я слишком много говорю о внешних вещах.

Я ознакомился с содержанием книги. Мне удивительно, как на относительно небольшом объеме страниц тебе удалось сконцентрировать столь большое количество фактов, демонстрируя свои обширные знания буквально в каждом абзаце. На каждой странице я замечаю, насколько свободно ты владеешь познаниями в различных областях. По крайней мере, те выдержки из книги, с которыми я познакомился, позволяют мне сделать данное заключение. Прочтенные мною отрывки ни в коем случае нельзя назвать сухими, в них ты одним или несколькими словами рисуешь перед читателем живые образы. Подобно японскому художнику, ты уверенными взмахами кисти ухватываешь самое существенное, обрисовывая объект несколькими чертами. Я уже ознакомился с частью, посвященной искусству. Вчера, когда я, собственно, получил эту книгу, я был настолько рад, что сразу же сел писать критический отзыв. Однако мне хотелось бы более подробно ознакомиться с книгой. Смею надеяться, что теперь миллионы людей читают тебя в пути по

[11] Подразумевается книга Карла Хаусхофера «Япония и японцы. Страноведения».

суше и на кораблях. Уповаю, что все они не станут нарушать спокойствие твоего великодушного дома, который просто великолепен[12]. Передавай от меня сердечные благодарности своей супруге. С умилением вспоминаю наше прошлое посещение часовщика-швейцарца, у которого столько звучно били часы. Предвидела ли тогда дарительница, какую радость доставила она нам? Какие живые воспоминания оставила нам в памяти! С отдельной просьбой обращаюсь в отношении тех, кто помнит меня, в особенности полковника. Я больше не встречал его дочь в Мюнхене. Исправь недоразумение, так как я тогда ее не узнал. Когда меня представляли ей в свое время, то вокруг меня было слишком много новых людей. А ведь со временем она превратилась из маленькой рыбешки в настоящую молодую даму. Буду крайне обязан тебе, если передашь ей от меня привет. Был бы вдвойне обязан, если бы ты сделал это лично.

А теперь позволь выразить мою глубочайшую благодарность за два удивительных письма, которые пришли ко мне. Для меня является лестным, что ты хочешь побеседовать о боевых днях на Седане. Письма пришли ко мне вместе с книгой про Японию. Если бы я больше путешествовал, то, несомненно, побывал бы и на Фудзи, и в Токио, и в Йокогаме. Поначалу мне казалось, что ты несколько преувеличил количество жертв[13], но потом мне подумалось, что именно так и должны были обстоять дела. Мне страшно подумать, что могло произойти с художественными ценностями, с красивейшими домами, с му-

---

[12] В апреле 1923 года Карл Хаусхофер начал строительство нового дома в Хартшиммеле. 2 мая состоялась закладка, а 28 июля — праздник по случаю окончания строительства здания.

[13] Подразумевается землетрясение, которое произошло в Японии 1 сентября 1923 года.

зеями, особенно с императорским дворцом. В этой стране все благородные позывы связаны со смертью. Это ощущается даже в духе благороднейших людей, их могилы тысячелетие находились в беспокойной земле, которая норовит перетрясти их кости. У меня такое ощущение, что вся эта цепочка островов в свое время должна погрузиться в море, подобно Атлантиде. А потом из приливов с шумом на свет должен появиться новый остров. Покрытый тиной, морскими водорослями и всяческими удивительными созданиями. Фудзи, которая, как ты мне рассказывал, уже перестала почитаться жителями островов в качестве священной горы, должна пройти за завесой облаков ряд превращений, чтобы в измененном виде предстать испуганному взору окружающего мира...

В моем гороскопе значится, что я ничего не имею общего с народными массами. Знать, мне не судьба собрать лавровые венки после произнесения речи перед народом. На том и разбиваются мои мечтания. Вообще в моем гороскопе большую роль играет «дом великого затворничества». Ты же знаешь, я составляю гороскопы забавы ради, даже еще чтобы позабавить Грету. Самоирония может быть даже очень полезной. Если хочешь, я составлю гороскоп и для тебя. Можешь не говорить, чьи данные ты мне направил. Я же умолчу обо всем, что лучше не знать. Было бы желательно также узнать час и место рождения. Если не хочешь раскрывать свое прошлое, то можешь указать какое-нибудь особенное событие в твоей жизни, например ранение. В настоящее время «моя буря и стремление» приглушены. Наоборот, я очень нуждаюсь в спокойном творчестве. В нем я прекрасно себя ощущаю, отринувшись от внешнего мира. За несколько дней своего деревенского существования обнаружил, что здесь великолепное молоко. Вернувшись в

Мюнхен, великолепно сплю. Мать очень довольна. Передает тебе множество самых наилучших пожеланий. От всего сердца желаю тебе отличного отдыха.

Преданный тебе Рудольф Гесс.

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Рейхольдсгрюн, 6 октября 1923 года

Глубокоуважаемый, дорогой друг!

Погруженный в размышления, рассматриваю изображения картин Мариньяно. Вновь и вновь в подобающем ритме читаю столь драгоценные для меня строки. От всего сердца благодарю тебя за это. «Право на успех в натиске дыма грядущих битв?» Я уже иногда тоскую по ним. С двуручным мечом в вольном сражении, только так могут проявиться сила и сноровка отдельного человека. Невзирая на закованных в броню рыцарских лошадей, это еще был благородный способ ведения войны. Нам осталось лишь влиять на наших соратников, увлекать их в атаку, искать успокоение в огненной круговерти, проявляя мужество и хладнокровие одиночки. В боях осталась торжествующая дружба. Даже если я был один в небе [на самолете], то осознавал, что где-то в стороне артиллерия вела между собой дуэли. Даже если мне не оказывали поддержку с земли, я никогда не чувствовал себя одиноким наверху. Раньше мне рассказывали много. Хуже всего было в облаках. Сразу же возникало ощущение безнадежного бытия и отрешенности. Может быть, «дом великого затворничества» — 12-й дом гороскопа — приводил к тому, что я ликовал, проводя часы в прозрачном воздухе ясного неба? Это было самым прекрасным

моментом в моей жизни. Меня до сих пор охватывает дичайшая точка. Может быть, мне как-нибудь посчастливится, и мы вместе поднимемся в небо. Однако при вынужденной посадке мне бы пришлось волноваться не столько за себя, сколько за своего друга.

Нечто похожее происходило со мной и в «Оберланде»[14]. Должно быть, в его рядах мы стояли у границы миров: между земным миром и миром потусторонним. Но эти тревоги нисколько не тяготили нас. Нет никакого сомнения, эти парни с ликованием бы приветствовали тебя в рядах «Оберланда». Они бы, наверное, даже не решились использовать твое военное мастерство. Я надеюсь, что судьба будет благосклонной ко мне и я все-таки смогу обрести крылья. Крылья победы, крылья самолета, который быстро понесет меня. Но, собственно, о чем я грежу?! У нас больше нет вооружения. Нет самолетов, нет минометов… Нет ничего! Произошло самое страшное для мужчины — его лишили оружия. Впрочем, у нас осталось оружие — двуручный меч из средневековых времен. Он позволит нам мстить, творить страшный суд над теми, кто отобрал у нас оружие. Тогда бы на меня напало упоение почти бессмысленной битвой, как при Белаканале или Мортанбане. Как после

---

[14] Военизированный союз «Оберланд» был образован на базе одноименного добровольческого корпуса, созданного в 1919 году. Союз был учрежден 31 октября 1921 года. По решению суда в конце 1922 года его председателем был назначен ветеринарный врач Фридрих Вебер. К осени 1923 года Союз «Оберланд» имел в Баварии 2 тысячи активных сторонников. Руководство союза видело путь к спасению Германии в «ликвидации марксистского и еврейского влияния», равно как и в отмене Версальского договора. В стремлении к «новой Германии» в союзе отрицались все классовые и сословные различия — на первое место ставилось национальное единство.

броска ручных гранат, которыми закидывали противника на высотах Вими. Упоение. Хладнокровие было всего лишь внешней реакцией, но оно может длиться только до момента, пока не произойдет внутренний надрыв. А люди чувствуют, что это время приближается. После вероломства в Руре[15], после того как сложился «единый фронт», народные настроения являются очень рискованными. А наш трибун [Гитлер] вновь смазывает оружие и нагнетает жар. Как он это умеет делать, ты хорошо себе представляешь. Разочарованные им господа из Баварской народной партии отгораживаются жестяными ширмами, будучи загнанными в угол. Они боятся, что ему могут внезапно протянуть руку столь несимпатичные им левые. Их панический ужас вызвал один человек, который смог дорасти до новой роли. Он с трибуны готовит массы. Кроме того, наш трибун презирает опасность, что он неоднократно демонстрировал. Вследствие этого он постиг то, что необходимо с давних пор для народа. Он взял на себя ответственность... Однажды он создаст мощнейшую партию, которая последует за этим человеком. Он не станет подстрекать крестьянство против верхов, как это сделали бы на его месте другие люди. Между тем мы не отказываемся от новых форм воздействия. Собрания в целом запрещены. Но к чему они нам, если у нас имеется газета, в последнее время выходящая в формате «Таймс» стотысячным тиражом? В «боевое объединение», которое сложилось под политическим руководством трибуна из штурмовых отрядов,

---

[15] Подразумевается оккупация Рура французско-бельгийскими войсками, которая произошла 11 января 1923 года. В ответ на это правительство Штреземана призвало немцев к «пассивном сопротивлению».

«Оберланда» и «Имперского флага», постоянно переходят люди из «Баварии и империи»[16]. Вся Нижняя Бавария требует ухода со своего поста господина советника [Питтингер — председатель союза «Бавария и империя»], требуя, чтобы организация стала боевым союзом.

Наши боевые задачи простираются за границы простого препятствования сепаратистским настроениям. Из Баварии должно прийти избавление для всех, как баварцев, так и немцев. Бавария сможет продержаться длительное время. Она является островом, который омывает «красное море», простирающееся до Рейна. Но она не должна выступать под бело-синими знаменами[17]. Думаю, что в ближайшее время наши [баварские] границы будут кишеть агентами, пропагандистами и распространителями листовок. Надо будет уже на границе нейтрализовать эту заразу. Конечно, сделать это будет очень сложно, принимая во внимание финансовый крах, который является прекрасной питательной средой для большевистских личинок. Повсюду царит безработица. Макс [Хофвебер] писал мне, что в последнее время они работают в сутки всего лишь четыре часа. Возможно, что их фабрика совсем станет.

---

[16] Консервативно-националистический союз «Бавария и империя» к лету 1923 года насчитывал в своих рядах 56 тысяч человек. Большая часть из них была годна к строевой службе. Это была одна из самых мощных «отечественных» (национально-патриотических) баварских организаций. Возникшее осенью 1923 года «боевое соединение», в которое вошли национал-социалисты, «Оберланд» и «Имперский флаг», являлось итогом сотрудничества ряда ультраправых группировок. Поначалу «боевым объединением» руководил триумвират: Адольф Хайсс, Вебер и Гитлер. Позже официальным руководителем был провозглашен Адольф Гитлер.

[17] Цвета баварского флага, которые охотно использовались местными сепаратистами.

И в это время господин Штреземан, вызвавший крах, но все равно сохранивший «доверие»[18], определяет условия выплат «репараций»!!! Кажется, Англия перестала считать нас серьезным политическим игроком. Она выводит нас из игры. В это время мне очень хочется верить в предсказание старой цыганки, которое она сделала в годы войны. Сейчас оно обретает особый смысл. К 1928 году Германия должна вновь обрести былую силу. Кто же сейчас против этого? Остается только надеяться и верить! Я передал твои личные данные и теперь с нетерпением ожидаю их обработки. Мой гороскоп все еще не составлен. Я еще не уточнил детали. Он нарисован от руки на доске.

Мы вступаем во время, когда вновь активно обращаются к трансцендентному. Волею случая появляются восприимчивые к этой сфере люди. Согласно гороскопу я и сам предрасположен к этому. Если дух времени повелевает, чтобы человечество несознательно оказалось под влиянием действующих над Землей сил, то легко объяснить, почему одновременно и независимо друг от друга проявляются родственные стилистические виды. Конечно же, подобное объяснение сегодня не может быть принято научной литературой.

С истинным наслаждением читаю твою книгу. Сегодня или завтра закончу чтение последней части. Только после этого напишу критический отзыв. Критиковать плохие книги не в пример легче. По крайней мере, там не надо делать полунамеков, что в таких книгах есть что-то хорошее.

В «Народном обозревателе» была опубликована большая статья подполковника Кисслинга, которая посвящена книге ге-

---

[18] **После отставки Штреземана он был второй раз уполномочен сформировать новое правительство.**

нерала Хоффмана. Это участник наших семинаров? После изучения одной из газет обнаруживаю, что он был назван новым командиром «боевого объединения». Это не может меня не радовать. В другой газете, которая придерживается аналогичного курса, но выглядит скорее литературным приложением, нежели политическим вестником, обнаруживаю две статьи о землетрясении в Японии. Они могут быть тебе интересны, хотя и не исключено, что из них ты не узнаешь ничего нового.

Вчера пришло твое бесценное письмо со справкой об острове Науру. За что моя отдельная признательность. Газета, которая должна была опубликовать мою статью, была на время закрыта. Это штрафная санкция. Дело в том, что «Немецкая газета» напечатала несколько нелицеприятных для берлинских большевиков высказываний капитана Адольфа Хайсса, руководителя «Имперского флага». Я очень ценю это издание (особенно с культурной точки зрения). Оно регулярно дает образы немецких городов как в рисунках, так и в слове. Недавно на передовице появился мой материал, что стало поводом для некоторой гордости. Это стало ответом на статью Эльвена «Форд как кандидат в президенты». Если будет возможность, то ознакомься с ней.

Мое сегодняшнее письмо просто изобилует политическими сюжетами. Виноваты в этом, конечно же, не звезды, а стремительно развивающиеся события в Мюнхене. Их последствия могут проявиться в различных сферах. Пожалуй, в предстоящее время они не будут слишком сильно зависеть от излучения небесных тел. А пока я не планирую возвращаться в Мюнхен. Я жду призыва. Мне приходится заботиться о моей матери, которая предает тебе самые любезные пожелания. Я даже не знаю, должен ли желать, чтобы я свалился тебе как снег на го-

лову… Я буду очень рад нашей встрече. С преданной благодарностью, твой Рудольф Гесс.

P.S. Когда я заканчивал это письмо, то пришло известие, что «Народному обозревателю» было запрещено выходить из печати на протяжении восьми дней.

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Крепость-тюрьма Ландсберг, 21 августа 1924 года

Мой многоуважаемый друг!

Снова я вынужден начинать свое письмо с извинений. «Начало недели» невольно перенеслось на середину, а потому мой привет достигнет твоего уединения на озере Аммерзее несколько позже, нежели я поначалу обещал. В принципе ты должен понять, что если я пишу письма, то у меня для этого есть настроение. С некоторого времени я много занимаюсь с Фридрихом Вебером и другими. Я взял такой старт, который сам от себя не ожидал. Однако здорово, что я получаю удовольствие от своей работы, подобно мельнику или корчевателю. С другой стороны, я усиленно штудирую треклятый «Закон о банках». Его новая редакция более длинная, но думаю, что все-таки осилю ее. Появилось множество возможностей для улучшения положения. Преодолевая внутреннее отвращение, я с трудом заставляю себя постигать очень сухой материал. Тем не менее в последние дни дело все-таки пошло, чему я несказанно рад. Мне приходится много учиться. Хотя это, конечно же, не является поводом для оправдания моего длительного молчания. Однако изложенные обстоятельства помогут тебя понять, почему я все-таки не писал.

После предисловия, которое посвящено моей нечистой совести, я все-таки решаюсь спросить: что за «маленькое глупое ранение», из-за которого ты должен на время оставить работу и у тебя дымится голова? Надеюсь, ничего серьезного, и ты не приуменьшаешь, что весьма свойственно тебе. К счастью, у тебя, не всегда поступающего разумно и осмотрительно, есть супруга, готовая всегда позаботиться о тебе. Пожалуйста, передай ей от меня самые многократные пожелания всего наилучшего. Тебе же я желаю хорошего самочувствия и удачно пойти на поправку! Я очень рад тому, что ты пребываешь во внешнем великолепном мире. Я помню его в во всех деталях, и он мне кажется прекрасным. Этот мир должен обладать всеми благами, включая великолепный дом, который ты сам в шутку называешь «домом престарелых». Я сожалению, что не могу принести к его порогу цветы. Мне остается лишь возлагать сердечные надежды на тебя и твоих домашних, которые первыми войдут в этот дом. Пусть все желания, которые вы связываете с этим домом, исполнятся. Пусть он будет верно служить тебе и твоим детям.

Когда же я впервые смогу увидеть этот дом меж дубов? Он мне видится в росчерке твоего пера в письме, которое я недавно получил. Есть хорошие вести. 1 сентября на свободу выйдет один из наших. Есть сведения, что вслед за ним тюрьму покинут еще несколько человек. Предполагается, что трибуна [Гитлера] выпустят на свободу 1 октября[19]. В отношении меня все выглядит не столь оптимистично. Однако он заверил меня, что если меня не освободят к этому времени, то он первым де-

[19] Адольф Гитлер был отпущен на свободу из тюрьмы-крепости Ландсберг только 20 декабря 1924 года. Рудольф Гесс вышел на свободу 2 января 1925 года.

лом направится в Мюнхене к Хельду и Книллингу[20]. Он стоит горой за наших заключенных, чего нельзя сказать про господ, которые продолжают «действовать» на свободе. Однако с точки зрения справедливости мне кажется неправильным, что я должен провести в заключении гораздо больше времени. Однако мне не хочется беспокоить тебя. Из-за того, что моя участь остается неопределенной, ты ни в коем случае не должен ни на день откладывать свою поездку в Швейцарию. Ты заслужил свой отдых, и отказ от него едва ли уменьшит мой срок тюремного заключения...

Сегодня никого нельзя винить в том, что мы потерпели неудачу. Если отказываешься от всего личного, то в этом нет ничего радостного. Подобно 1918 году, мы взираем на происходящие в мире события с вынужденной беспомощностью, хотя это уже не намеренная бездеятельность. Увы, сложилась резервная армия коммунистов, которая выступает под черно-красно-золотыми знаменами. Однако настанет момент, и она дрогнет. Итоги Лондонской конференции[21] — это страшное оправдание нашего ноябрьского предприятия[22]. Скоро через океан перелетит самый большой дирижабль в мире. После его прилета по высочайшему указанию начнется разрушение

[20] *Генрих Хельд* – баварский министр-президент (1924—1933), руководитель Баварской народной партии. *Ойген фон Книллинг* – баварский министр-президент (1922—1924).

[21] На Лондонской конференции, которая проходила с 16 июля по 16 августа 1924 года, был утвержден «план Дауэса», который предусматривал изменение порядка выплаты репарационных платежей. В срок до 1927—1928 годов Германии надлежало выплатить 1—1,75 миллиарда марок. Затем еще 2,5 миллиарда марок. Окончание сроков платежей и их объем не были установлены.

[22] Подразумевается «Пивной путч», который произошел 9 ноября 1923 года.

Германии. В Берлине это считают естественным. Право, иногда мне хочется задушить собственными руками некоторых из берлинских политиков!

Я по-юношески наивно полагал, что Бавария на имперском совете — по призыву нового министра-президента и некоторых националистов — выступит против второго Версаля. Однако даже в Баварии раздают голоса, которые поддерживают закон о банках и промышленной нагрузке. Звучат речи о том, что все зло приходит из Берлина и что Бавария более не намерена действовать в интересах севера. Но все это остается словами, ни у кого не хватает мужества начать действовать. Поэтому я рад, что принимал участие в ноябрьских событиях! После этого я могу заявить, что, моя совесть чиста. Могу однозначно утверждать, что, останься я на свободе, меня бы одолели внутренние сомнения. Мне было бы стыдно, что я не нахожусь в тюрьме вместе со своими приятелями. Иногда ко мне приходят твои письма, как будто бы я был уникальным в своем роде. Однако я рассматриваю внешний мир лишь через тюремную решетку. В тюрьме жить не в пример легче. Здесь не надо беспокоиться о постах, о своей семье. Однако даже здесь, как на свободе, можно заниматься деятельностью. И товарищи, которые выходят на свободу, сразу же пытаются сделать все возможное, чтобы семьи их друзей не голодали. Они ни о чем не сожалеют! 8 ноября они шли навстречу смерти!..

Во всяком случае, ты не должен полагать, что мои случайные посещения долины были хоть как-то связаны с моим арестом. Он был моим собственным выбором. Я думаю приобрести над собой такую силу, чтобы в итоге мои желания перестали иметь решающее значение. Но они сменяют друг друга, подобно дождю и солнечной погоды. Против природы мы бессильны. Мое

«курортное лечение» пошло мне на пользу. Я очень много размышляю о работе, которую ты ожидаешь от меня. Все же тонкие ломтики лучше отрезать острым ножом.

От одного гессенца я получил все твои выпуски «Геополитики». Вот за что тебе надо высказать искреннюю благодарность! Этот журнал имеет несомненную ценность. По крайней мере, те его номера, что уже увидели свет. Конечно же, мне не суждено прочесть греческие буквы, так как я никогда в жизни их не учил. Если ты считаешь, что древний поэт Анакреонт в переложении на немецкий язык выглядит пошло, то лучше отказаться от таких переводов. Хотя мне, конечно, жаль, что я не могу его прочесть. Однако куски из латинского, которые ты подбираешь с огромнейшей тщательностью, доставляют мне большую радость.

Несколько дней назад я задался себе целью. В ожидании Пёхнера[23] я вознамерился осветлить мою отапливаемую камеру. Мне хотелось бы камеру, окна которой были направлены в другом направлении. Однако после того как Пёхнер не прибыл, я определенно продолжу пребывать на мешках. Если мне удастся побеседовать с тобой еще раз перед тем, как ты отправишься в поездку, то знай, что буду очень рад... Мое письмо попадет к тебе в руки, скорее всего, накануне твоего дня рождения. А потому я еще добавляю множество поздравлений и наилучших пожеланий. Ты проведешь этот праздник первый раз в новом доме, который всегда являлся желанным для тебя. Пусть все твои мечты становятся реальностью. Я думаю, что в этот день в новой резиденции появится друг Хайнц [Хаусхофер]. Все наши передают ему привет как старому соратнику, как мы называем

---

[23] Эрнст Пёхнер в 1919—1922 годы полицай-президент полицейской дирекции Мюнхена.

друг друга после событий ноября[24]. Многие из наших сподвижников неосознанно теперь продолжают борьбу, начатую десять лет назад. Это борьба за существование. Смею надеяться, что она будут вестись за наше долгое будущее.

С искренним дружеским приветом
твой Рудольф.

P.S. Могу сделать радостное дополнение. Я получил сообщение, что был оправдан Имперским верховным судом. Это последняя инстанция, которая снимает с меня обвинение в создании «вооруженных банд» в Вюртенберге... Времена, Горацио, времена.

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Мюнхен, 4 октября 1926 года

Мой дорогой, глубокоуважаемый друг!

Теперь я понимаю, почему я вновь и вновь хотел позвонить тебе 28-го числа. В тот день было странное стремление, которое охватило меня. Я не мог понять его причин. Оказывается, ты предпринимал тщетные попытки сделать то же самое.

---

[24] Хайнц Хаусхофер входил во «временный добровольческий корпус – Мюнхен». Там он был известен под прозвищем Гимназист. Эта организация примкнула к гитлеровскому блоку «боевых организаций», однако летом 1923 году вышла из него. Руководство корпуса не поставило об этом в известность всех своих членов. В неведении пребывал и Хайнц Хаусхофер. 9 ноября 1923 года в качестве «временного добровольца» он на свой страх и риск направился на велосипеде к пивной «Бюргербройкеллер». Там он присоединился к членам Союза «Оберланд». Здесь он должен был выполнять роль связного. Во время марша к центру Мюнхена он шел в колонне «Оберланда» вплоть до «Зала полководцев». Когда началась стрельба, он смог спастись, после чего направился домой.

И опять у меня не слишком чистая совесть. Мне должно быть стыдно, что долго не писал после того, как послал «утешительные» известия. Прости, пожалуйста, мое непростительное молчание.

По поводу некоторых дел можешь больше не волноваться. В среду у меня было третье лицо[25]. Это был весьма приятный парень, который заверил меня, что отнюдь не испытывает восторга от возложенной на него миссии. Он осведомился, попрежнему ли я настаиваю на сатисфакции. Я пояснил ему, что даже после 1918 года чувствую себя связанным отнюдь не со всеми традициями, от которых отказалось гражданское общество. Я был готов драться на дуэли только со зрелыми мужчинами. Нелепое детское поведения некоторых людей лично для меня не являлось поводом для дуэли. Я был готов подтвердить это любым способом, в том числе письменно. Если противоположная сторона чувствовала себя оскорбленной, то я хотел бы услышать конкретные претензии. Мне хотелось бы их услышать хотя бы по политическим мотивам. Это должно было убавить пылкие желания уязвить секретаря Гитлера. Тогда он спросил меня, готов ли я был забрать назад свои оскорбительные слова. На что я ответил, что даже не понимаю, о каких словах идет речь. На это он мне ответил, что передает вызов драться на тяжелых саблях. Я принял его с предельной серьезностью и подобающим моей чести видом. После чего рекомендовал решить вопрос об оружии с моим секундантом. Тот прибыл на следующий день в указанное место. Однако оказалось, что речь шла о визите вежливости. Когда он завел речь, то выяснилось, что

---

[25] Речь идет о секунданте. Имя противника Рудольфа Гесса по дуэли историкам уточнить не удалось.

вопрос теперь рассматривался студенческой корпорацией. Что-то пустословили о том, что решение будет вынесено в 24 часа. И с тем пор ни я, ни мой секундант не имеем ни малейшего понятия, как был решен этот вопрос.

В субботу минуло две недели с момента «происшествия»!

Я думаю, что студенческая корпорация оказалась в несколько неловком положении. Согласно сообщениям некоторых «братьев», они пытались удержать указанного господина, прекрасно понимая, что паршивая овца могла подвести всех под монастырь. Моя сестра прошлой зимой посещала танцевальные вечера некоторых студенческих корпораций. Судя по всему, Пайтер не был настроен враждебно в отношении нашего трибуна. Если же дело дойдет до серьезного рассмотрения этого вопроса, то может случиться скандал — надо учитывать повторные запреты дуэлей самого строгого характера. Если же история попадет в прессу, тем паче будет опубликовано мое письмо, которое было написано для корпорации сугубо деловым стилем, то мнение общественности будет отнюдь не на стороне корпораций. Они сами не заинтересованы в этом, так как, например, мой секундант тоже член корпорации. Впрочем, сегодня до меня дошли слухи, что корпорации намереваются вовсе прекратить дуэли... Постепенно проблема стала просто смехотворной. Однако не исключено, что пару лет спустя мое письмо может все-таки всплыть. Тем не менее мои секунданты признали, что письмо было просто необходимым... Теперь я направлюсь к матери (они ничего не знает об этом вопросе). В среду она направляется в Цюрих.

С сердечным приветом
твой Рудольф Гесс.

Письмо Альбрехта Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

Берлин, 23 августа 1933 года

Глубокоуважаемый господин Гесс.

Я прибыл как раз после продолжительной беседы с послом Доддом[26]. Он заявил мне, что сделает от него все зависящее, чтобы оказать умиротворяющее воздействие на Лондон и на его правительство. Я сказал ему, равно как и К. (он выехал вчера), о недопустимости недружественных действий со стороны американского и английского правительств. Помощь в локализации недружественных действий со стороны Парижа могла бы стать предпосылкой для того, чтобы К. начал переговоры (если он на то получит письменное согласие). В принципе они должны закончиться успехом. Он согласился с этим: у меня сложилось впечатление, что в ближайшие недели мы можем рассчитывать на совершенно лояльное отношение со стороны Додда. В этой связи он просил сделать Вам намек: он должен отказаться от присутствия в Нюрнберге. Подобную просьбу нельзя рассматривать как проявление недружественной позиции. У Вашингтона имеется давнишняя традиция предотвращать посещение дипломатами любых мероприятий, которые официально считаются «партийными». Его участие [в партийном съезде] привело бы к возникновению множества осложнений... Я должен передать Вам дословно содержание нашей беседы. После того как он заверил меня, что всеми силами будет предупреждать любые инциденты, он произнес: «Конечно, австрийская проблема может обостриться в любой момент. После этого всякая помощь, которую бы я мог предоставить, не будет иметь смысла».

---

[26] Американский посол в Германии.

Теперь о другом вопросе. С 12 по 14 сентября в Бад-Заарове (час езды от Берлина) будет проходить съезд немецких этнических групп, который направит Вам приглашение, подписанное Хассельблатом. Было бы очень выгодно, если бы Вы хотя бы несколько часов смогли присутствовать на этом мероприятии. Я передаю эту просьбу Хассельблата как свою собственную. Кроме того, я хотел бы попросить Вас встретиться с Хассельблатом, дабы тот знал, что можно будет говорить его людям. Он прибудет в любое назначенное Вами место, даже в Мюнхен или Берхтесгаден.

С сердечным приветом,

Ваш Альбрехт Хаусхофер.

Письмо Альбрехта Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

Берлин, 24 августа 1933 года

Глубокоуважаемый господин Гесс.

Только сегодня из хорошо информированного источника ко мне пришли два сообщения, суть которых я обязан Вам передать.

Во-первых, произошла отставка начальника польского генерального штаба... «Однажды нам эти гражданские уже принесли своими сомнениями проблемы с Восточной Пруссией. Так больше не может продолжаться. Теперь если эти люди осмелятся нам мешать, то надо позаботиться о том, чтобы они были направлены в концентрационные лагеря».

Во-вторых, имеется одна очень щекотливая проблема. Вы сами прекрасно знаете, что в различных ведомствах Вашей

организации имеются люди, которые не могут подчинить свои личные страсти интересам общего дела. Я знаю, что имеется человек, который в стране ведет затворнический образ жизни, но за рубежом его имя все еще пользуется авторитетом. Это Генрих Брюнинг. Его жизнь находится под угрозой, а потому он хотел бы получить гарантии безопасности. Опасность, по имеющимся сведениям, исходит от штандартенфюрера СА Шёнберга. Едва ли стоит говорить о том, что преследование Брюнинга вызовет нежелательный резонанс за границей. Могли бы Вы позаботиться об урегулировании данного вопроса?

Всегда Ваш Альбрехт Хаусхофер.

Письмо Альбрехта Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

7 сентября 1933 года

Глубокоуважаемый господин Гесс!

Большое спасибо за Ваше письмо, которое дошло до меня окольными путями. Поэтому отвечаю с небольшим опозданием. Выражаю искреннюю признательность за вмешательство в проблемы Брюнинга!

Из Вашингтона нет никаких вестей. В посольстве мне заявляют, что уже три дня Белый дом полностью занят проблемами революции на Кубе. С определенной уверенностью можно говорить о том, что вопрос весьма злободневный. Куба может затормозить решение наших проблем.

О моей беседе с послом Доддом. Я дал ему ответ в той форме, на которую Вы мне намекнули. Спросил также о практике [посещения мероприятий] в Италии. Он уклонился от четкого ответа. Я полагаю, что [в Вашингтоне] придерживаются тра-

диции принимать приглашения, которые приходят от государственных учреждений, в строгом понимании этого слова. Додд во время нашей беседы указал на несколько нюансов, которые имеют статус неписаных законов (по этой причине я хотел бы о них рассказать тоже устно). Эти нюансы позволяют (но не навязывают) возможность интерпретирования! Додд придерживается в дипломатии школы Вильсона. Если бы приглашение в Нюрнберг было направлено партией именно как партией, а не партией, представляющей правительство, то большинство послов попали бы в затруднительное положение. Они бы принесли свое извинение, но все равно бы не прибыли. Я полагаю, что в нашем собственном Министерстве иностранных дел должны были предвидеть возможность подобной отговорки дипломатов. И думаю, что здесь имеются небольшие недоработки...

Продолжает проявлять настойчивость Хассельблат. Я сообщил ему номер Вашего мюнхенского служебного телефона и пообещал, что Вы встретитесь с ним до понедельника. Он может прийти в любое время в субботу или в воскресенье. Я могу лишь еще раз повторить мою просьбу, которую уже озвучивал в Мюнхене: крайне необходимо, чтобы Вы взяли под свой высочайший контроль эту сферу деятельности. В ней сосредоточено очень много важных связей. Немецкие этнические группы Востока в будущем будут играть очень важную роль.

Завтра я направляюсь в Бремен, чтобы 13-го числа прибыть в дипломатическое представительство в Лиссабоне, а 21-го уже оказаться в генеральном консульстве в Неаполе. Если по пути я получу сообщение от американцев (для этого даже предусмотрены технические возможности), то тут же направлю донесение по кабельному телеграфу из одного из наших служебных

ведомств. Посол в Лиссабоне является моим хорошим знакомым, а потому не должно возникнуть никаких затруднений.

С сердечным приветом,
Ваш Альбрехт Хаусхофер.

Письмо Альбрехта Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

7 сентября 1933 года

Дорогой господин Гесс!

Я как раз хотел сделать заключение по прилагаемому политическому письму, так как ко мне прибыл курьер из Министерства пропаганды, чтобы передать мне уведомление от Майер-Бенекештайна. Это разрешение на мое назначение в Высшую школу политики. Теперь мне только остается передавать Вам мою личную благодарность.

Я знаю, что должен благодарить именно Вас. Это столь важно для меня освободиться от внутренней необходимости, о тяжести которой я не могу говорить. Именно Вам мы обязаны, что не были выкинуты на помойку как «немцы низшего сорта». Я и мой брат обязаны исключительно Вашему вмешательству. Вы поймете меня, когда я скажу, что гордому и прямому человеку очень тяжело даются такие благодарности. Такие люди должны переломить себя, чтобы просить за себя самого. Я не смог бы обратиться с этой просьбой (даже ради моего отца), если бы не был полностью уверенным в том, что могу быть очень полезным Вам. При взгляде со стороны все это может показаться очень странным. Однако моей внутренней необходимостью является высказать Вам слова глубочайшей благодарности.

С сердечным приветом,
Ваш Альбрехт Хаусхофер.

Письмо Рудольфа Гесса, направленное в «Немецкую Академию»

Мюнхен, 16 сентября 1933 года

После консультаций с господином министром пропаганды Й. Геббельсом могу сообщить Вам о подтверждении сделанного ранее мною заявления по поводу заседания Малого Совета Академии: НСДАП, равно как и имперское правительство, придает исключительное значение полной независимости «Немецкой Академии» и от партии, и от имперского правительства, так как в противном случае деятельности «Немецкой Академии» может быть нанесен ущерб.

Само собой разумеется, подобное решение не означает, что партия и правительство не будут принимать участие в обеспечении и поддержке деятельности «Немецкой Академии».

С немецким приветом,

Рудольф Гесс.

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

Мюнхен, 23 октября 1933 года

Дорогой Рудольф!

Я передаю это письмо через моего сына, так как не знаю другого проверенного способа, чтобы оно в течение нескольких дней попало тебе в руки. Ты же можешь быть полностью уверенным в том, что я не прибег бы к подобным мерам, если бы промедление не было связано с некоторыми опасностями. Я не знаю, кто виноват в том, что ты не подписал текст с таким трудом подготовленных заявлений. Они должны были быть предоставлены тебе Керскеном. Однако в результате возникала

опасность возникновения неразберихи. Если бы это произошло[27], то моя просьба о скорейшем наведении порядка была бы беспредметной. Однако если учреждается «Фольксдойче Совет», то он просто обязан функционировать. В противном случае он является бессмысленным и только провоцирует зависть, ревность и еще больше интриг, которых и без того уже хватает. Ты и К. неосознанно создали проблему, оттолкнув от себя приличных, бескорыстных людей и возвысив других. Это не только наносит вред народной политике, проживающим за границей немцам, но также вашему чистому и великому движению.

В конце концов, никто кроме тебя не может провести границы компетенции между Керскеном и Штайнахером. Круг извещаемых органов власти, а также очень важные формы в итоге были закреплены решением Керскена. Однако имеет ли подобное решение силу без твоей подписи? От чего зависит, что оно не стало таковым?

Для первого заседания совета скопилась масса важнейших вопросов. В частности, угрожающее сокращение бюджета, отведенного под реализацию немецких программ за рубежом. Мы должны избежать этого подобно тому, как этого избегала Франция в годы своих ужасающих бедствий. Там знали, почему это делали. Срочнейшим образом надо внести ясность вопрос о партийных ячейках и зарубежной немецкой самобытности. В противном случае они начнут работать друг против друга, что станет серьезнейшим испытанием.

Формулировка закона об имперском гражданстве будет иметь большое значение даже для немцев, живущих по ту сторону границ рейха. Она не может являться только лишь уделом

---

[27] Официальное учреждение «Фольксдойче Совета».

юристов. Достаточно вспомнить, что они выдумывали раньше! Женевский выход[28] очень сильно повлияет на деятельность всех немецких этнических групп. Уже одно это обстоятельство вынуждает урегулировать вопрос как можно быстрее. Группы в Польше и Дании теперь для нас на вес золота. Для решения народно-политических вопросов необходимы также директивы для прессы, собственно, как и для всех последующих итогов реализации расовой политики.

К этому добавляется, что статс-секретарь Фрайслер на съезде юристов говорил о евреях, неграх и прочих цветных как о неполноценных людях. Наверное, он исходил из лучших побуждений, но в итоге нанес пощечину японцам, которые не только прослеживают свои родословные на протяжении столетий, но и являются благородной расой. Если бы арабские скакуны или яванские краны не были благородными, то разве бы имелись чистокровные британские лошади или выносливые тяжеловозы Северной Европы. Так стоит ли делать подобные заявления?.. Когда их делают подобные политические слоны, то я уже слышу дребезжание разбитого фарфора.

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Мюнхен, 6 ноября 1933 года

Глубокоуважаемый господин профессор, по поручению господина Гесса я направляю Вам копию письма, которое господин Гесс направил статс-секретарю прусского министерства юстиции Фрайслеру.

Хайль Гитлер!

Хальдегард Фат, личный секретарь.

---

[28] Подразумевается выход Германии из Лиги Наций.

«Уважаемый господин Фрайслер, как Вы сами уже знаете, Ваше замечание на съезде юристов относительно "евреев, негров и прочих цветных" вызвало бурную реакцию в некоторых районах Земли. В частности, возмущены в Японии, о чем я очень сожалею, так как Япония является, наверное, единственной страной, которая выражала симпатии нашей революции. Более того, в японской прессе предыдущего периода высказывалась однозначная поддержка нашего национал-социалистического движения. Поэтому я прошу в будущем взвешивать Ваши высказывания, которые в той или иной мере касаются иностранных дел. Прошу быть в этих суждениях предельно осторожным. У нас в мире не так много зарубежных друзей, чтобы мы могли себе позволить оскорблять их без всякой на то надобности.

С немецким приветом,

Рудольф Гесс».

Из письма Карла Хаусхофера, адресованного Рудольфу Гессу

Хартшиммель, 18 октября 1934 года

Дорогой Рудольф! Когда после богатого событиями 15 октября[29], после беседы с Альбрехтом ты возражал мне с таким выражением глаз, что возникало желание отказаться от всех твердо принятых решений, мне по дороге домой подумалось, что машина должна ехать вперед, если только в этом есть участие водителя. Приведу тебе другой, более понятный пример, с катанием на лыжах в горах. Если ты стремишься к далекой и находящейся на возвышенности цели, то снежный наст все

[29] В этот день в состав «Фольксдойче Совета» были введены фон Риббентроп и Боле.

равно продолжает сползать. Аналогичным образом сползает и «Фольксдойче Совет». Только чудом он продолжает стоять на ногах и проделал небольшой путь, несмотря на несколько крупных поломок. Но каждая из этих неприятностей делала подъем все круче и круче, а стало быть, труднее. А снежный наст становится от раза к разу все более рыхлым, что неудивительно, если принять во внимание перетягивание каната между нами и твоими помощниками.

Таким образом, в польский вопрос постоянно вмешиваются имперский служащий Бернард из Бломберга и обергебитсфюрер Наберсберг. Они имеют определенные полномочия, так как приглашены именно тобой. Но им еще долго предстоит набираться опыта, что пока они делают без особого успеха. Как ты можешь убедиться из приложенного письма, в вопросе «Швейцарской защиты», несмотря на твои указания, все происходит с точностью до наоборот... Если те же самые люди были обрадованы, когда сбросили с борта корабля Керскена, который действовал хотя и резко, но все-таки выполнял свой долг, то я теперь не могу смотреть ему в глаза.

В противоположность этому 23 октября я буду вынужден поставить перед Малым Советом вопрос ребром: или-или. Господин Лёш еще не выведен из числа сенаторов и продолжает управлять как воспитатель подрастающего поколения руководителей. Едва ли с этической точки зрения обновление народа предполагает обсуждение среди сенаторов и коллег проблем супружеской неверности. Я не знаю, существует ли в академической среде нечто подобное высшему партийному суду и армейскому суду чести. Об этом надо спросить господина Руста, который вручил ему в руки вопросы этнополитического воспитания...

Это лишь некоторые из личных вопросов, без ответа на которые я, собственно, не могу себе представить продолжение работы, которая могла бы принести хотя бы какую-то пользу. Вместе с тем эффективная защита едва ли возможна при нынешних условиях, когда происходит безответственное вмешательство различных партийных инстанций. Честь людей занимающихся внешнеполитической народной политикой должна защищаться хотя бы потому, что они не имеют возможности говорить вслух о многих делах, чтобы дать отпор любому крикуну, который обладает хотя бы минимальными политическими полномочиями...

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Мюнхен, 23 октября 1934 года

Дорогой, высокочтимый друг!

На твое письмо я хотел ответить как можно быстрее, еще до очередного вылета в Берлин.

Прежде всего я очень благодарен тебе, что ты последовал моему совету и не стал провоцировать цепочку событий. Я полагаю, что тебе удастся и далее не сводить взаимные счеты. Я думаю, что в ближайшее время ты сможешь изменить свое мнение о Боле в лучшую сторону. Само собой разумеется, я создам необходимые для этого предпосылки. Ты знаешь, что я буду прикрывать тебя до самого последнего. Это мне удается без особых проблем. Я готов поддерживать и других сотрудников «Фольксдойче Совета», если буду убежден, что у них чистая совесть. Конечно же, Альбрехт по-прежнему может приходить непосредственно ко мне с вашими заботами. Охотно со-

общаю, что запланировано сделать перед гауляйтерами доклад, посвященный работе с фольксдойче. Кто будет его делать, мы должны обсудить отдельно.

Сведения о том, что фон Риббентроп и Боле включены в состав совета, являются строго конфиденциальными. Как ты знаешь, столь же секретными являются сведения о моей и Керскена причастности к работе совета. Я могу признать, что злополучный случай был совершенно бестактным. О польском вопросе я уже беседовал с Ширахом. Он обещал заняться поведением Наберсберга. Теперь я жду ответ относительно Бернарда. Я буду беседовать на этот предмет с Боле. Относительно «Швейцарской защиты» я не отдавал никаких указаний. Я вообще узнал об этой проблеме в первый раз из твоего письма. Теперь я дал распоряжение, после чего д-р Пиллинг должен будет держаться особняком. Считаю неуместным давать еще один повод для адвокатов «Фронта»[30]. Керскен уже нашел себе работу в штабе СА у Виктора Лютце. Я жду удобного случая, чтобы примириться с ним. Однако оставлять его на прежнем месте я более не мог. Едва ли можно считать проявлением доброй воли нарушение моих категорических запретов. Я же ему запретил представляться за рубежом в качестве моего доверенного лица. Вдобавок к этому он под вымышленным именем вмешивался во внутренние дела других государств. Я очень признателен, что ты помогаешь мне нести эту ношу.

С надеждой на последующее сотрудничество,
твой старый друг Рудольф Гесс.

---

[30] Речь идет о швейцарской праворадикальной организации «Фронт», руководство которой симпатизировало национал-социалистам.

Письмо Альбрехта Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

23 ноября 1934 года

Дорогой господин Гесс!

Едва я только выслушал Ганса Конерта[31] и соответствующим образом информировал его, как раскрываю сегодняшний номер «Народного обозревателя» и с великим сожалением для себя обнаруживаю, что мои надежды относительного польского вопроса оказались призрачными. Одностраничная статья в сегодняшнем выпуске «Народного обозревателя» и изложенная в ней позиция полностью противоречат принятому Вами вчера решению. Если в среду речь шла о репортаже одного из корреспондентов, то сейчас речь идет о редакционном материале официального партийного печатного органа. Едва ли есть необходимость описывать возможные последствия этого.

После этого инцидента хотелось бы надеяться, что после Вашего вчерашнего решения в нашей сфере деятельности наступят мир и порядок. Для этого считаю необходимым осуществить два следующих мероприятия.

На страницах «Народного обозревателя» должна появиться совершенно объективная статья о целях и задачах «Немецкого объединения» в Западной Пруссии, которая должна стать противовесом материалам, ранее появившимся в «Народном обозревателе». Предполагаемый материал не должен содержать в себе полемических колкостей и не должен вызывать внешнеполитических сомнений, так как деятельность «Немецкого объединения» была санкционирована польским правительством.

---

[31] Представитель немецкого меньшинства в Польше, с 1935 года лидер «Немецкого объединения».

Для публикации подробного рода материала необходим Ваш авторитет, так как в свете событий последних недель едва ли «Фольксдойче Совет» может обладать достаточным влиянием на редакцию «Народного обозревателя».

Нужно распространять по партийной прессе строгое предписание воздерживаться от репортажей, посвященных внутренним отношениям в немецких этнических группах.

Я знаю, что у Вас сегодня рабочий день полностью расписан, поэтому попытаюсь с Вашего согласия позвонить завтра рано утром.

Альбрехт Хаусхофер.

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

Начало февраля 1935 года

Дорогой Рудольф, поскольку уже третий день как я выведен из строя чем-то вроде гриппа, то врач сегодня мне прописал строгий постельный режим. По этой причине письмо я диктую своей супруге. К сожалению, это настолько серьезная информация, что я нехотя вынужден отвлечь тебя от отдыха. Прошу к ней отнестись так же обстоятельно, как и я, когда ее диктовал. Приложенное к письму сообщение моих берлинских сотрудников доказывает, что мы сейчас стоим на пороге принятия тяжкого и жесткого решения. У меня так неспокойно на душе, что был вынужден сообщить в Рим, что останусь в Германии. Мне бы пришлось это сделать, даже если бы я не заболел. Я не могу отправиться туда, пока не будет принято окончательное решение. Пока же я следую рекомендациям врача. Хочу быть непременно здоровым к тому моменту, когда ты вернешься из гор. Мы должны будем расставить все акценты.

Ты знаешь, насколько несложно мне подать в отставку со всех постов. Ты также знаешь, что меня нисколько не заботят проблемы личного честолюбия. Тебе должно быть ведомо, что только забота о нашем деле заставляет меня оставаться на службе. Это — понимание всей ответственности за народно-политическую деятельность, что не присуще ни Боле, ни Йорку[32]. Твой же старый друг проявляет истинную заботу об этом деле, так как уверен, что должен уйти в историю именно в этой роли. Однако и то и другое вынуждает меня обратиться с просьбой о принятии однозначного решения.

Я не делаю к берлинским бумагам никаких преамбул. Это обстоятельство говорит само за себя. Боле и Йорк намереваются саботировать поощрение тех, кто уже полгода оказался в орбите нашей политики. Они сознательно бросают на произвол тех людей, которые поддержали нас, несмотря на личные жертвы, которые они понесли в интересах общегерманского дела. Должно ли мне быть стыдно за мои прошлые действия, из которых я не могу больше воспринимать себя старым солдатом? Можно ли бросать людей, которые и без того находятся в затруднительном положении?

Ты должен понять, что ни для моих берлинских сотрудников, ни для меня самого не является возможным дальнейшее сотрудничество с Боле и Йорком, которые не заслуживают никакого доверия. Если ты хочешь, чтобы и впредь выполнялись задания народной политики, но при этом намереваешься избежать затяжных боев между «Фольксдойче Советом» и полудюжиной министерств, то тебе придется озаботиться выработкой форм сотрудничества, при котором будет невозможны трения

---

[32] *Граф Йорк фон Вартенбург* – представитель гауляйтера Боле в «Фольксдойче Совете».

и перепалки. Опыт, приобретенный мною в последние месяцы, подтвердил мои худшие предчувствия — Боле, несмотря на свою устремленность к зарубежной деятельности, ни бельмеса не понимает в народной политике. Требуется, чтобы в твоем штабе появился человек, который бы не только разбирался в народной политике, но и заслуживал нашего с тобой доверия. В итоге сильно пострадавшая упряжка все-таки могла бы продолжить свой путь. Но путь она может продолжить только при выполнении этого поручения! Если же ты не пойдешь на это и не найдешь подходящего человека, то Боле удастся полностью осуществить своим замыслы. Судя по всему, он был с самого начала ориентирован на то, чтобы устранить меня из сферы народной политики, которой он намеревался заниматься, избавившись от лишнего контроля.

Если мое предложение будут сочтено неприемлемым, то тогда тебе придется подписать приложенное к письму заявление об отставке, хотя ты знаешь, что мне не хотелось бы подобного развития событий. Обсудить детали мы могли бы в «Немецкой Академии», там нас никто не побеспокоит. Мы также могли бы пригласить людей, которые 26 февраля будут принимать участие в заседании Малого Совета. Они могут прикрыть отставку твоего старшего друга так, чтобы при этом не пострадала честь мундира. Никак не получается, чтобы по своей доброй воле я мог служить и своему народу, и тебе. Однако, даже поданная в приличном свете, моя отставка может привести к расцвету саботажа. Именно по этой причине мне не хотелось, чтобы именно сейчас проявлялись политические последствия ваших близоруких действий. Однако я более не могу нести за них ответственность.

Хайль Гитлер!

С искренними и сердечными приветами,

всегда твой Карл Хаусхофер.

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Мюнхен, 5 февраля 1935 года

Дорогой и глубокопочитаемый друг!

Прошу тебя передать «Фольксдойче Совету» мое в высшей степени официальное заявление. Я надеюсь, что проблема будет урегулирована в самое ближайшее время. Мне очень жаль, что эти волнения пришлись как раз на время твоей болезни. От всего сердца желаю тебе всегда хорошего самочувствия.

Твой Рудольф Гесс.

«Опираясь на полученные мною сведения относительно заседания “Фольксдойче Совета”, которое состоялось 1 февраля 1935 года, мне хотелось бы передать следующее. Гауляйтер Боле пояснил мне, что граф Йорк на соответствующем заседании, по-видимому, ошибочно понял поступившее к нему сообщение. В действительности он не должен был заявлять, что заместитель фюрера был категорически не согласен с тем, что на территории Польши необходимо использовать “Немецкое объединение”. Кроме того, заместитель фюрера отнюдь не полагает, что Берлину стоит ориентироваться только на младонемецкие союзы. Напротив, [граф Йорк] должен был подчеркнуть, что заместитель фюрера не считает возможным вмешиваться во внутренние дела иностранных держав даже в части того, что касается деятельности групп этнических немцев.

Гауляйтер Боле заверил меня, что опыт последних дней убедил его направлять все важные сведения в “Фольксдойче Совет” только в письменном виде. Поскольку все эти данные носят сугубо конфиденциальный характер, то они будут пере-

даваться вместе со специальным курьером, который будет указывать, что сразу же после ознакомления указанные документы должны быть уничтожены.

Гауляйтер Боле, к большому моему сожалению, указал на то, что мое имя использовалось “Немецким объединением” в борьбе за власть внутри групп этнических немцев, проживающих на территории Польши. Это было подтверждено множеством документов, которые имелись у гауляйтера Боле. Все они были переданы мне в руки. Я еще раз попросил гауляйтера Боле, чтобы он сделал все возможное, чтобы впредь мое имя не использовалось какой-либо группой этнических немцев, проживающих за пределами Германии. Аналогичную просьбу я адресую всем членами “Фольксдойче Совета”. Ни одна из немецких групп, в том числе на территории Польши, не может утверждать, что имеет какое-либо отношение ко мне и якобы руководствуется мною принятыми решениями».

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

12 апреля 1935 года

Глубокоуважаемый господин имперский министр!

На общем собрании «Немецкой Академии» председателями местных групп и кружков друзей «Немецкой Академии» было единогласно принято решение использовать меня, чтобы я обратил Ваше внимание как заместителя фюрера на то, что «Немецкая Академия» стремится заручиться поддержкой всех партийных органов. Хотелось, чтобы партийные инстанции также оказывали поддержку местным группам и кружкам друзей «Немецкой Академии», например, в деле организации лекционных вечеров и чтения докладов.

Подобное пожелание находит мое полное одобрение, а потому я обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый господин имперский министр, с сердечной просьбой. Не могли бы содействовать подобному сотрудничеству. Указание, отданное партийным органам, могло бы в значительной мере помочь укреплению внутригерманской основы «Немецкой Академии».

С немецким приветом! Хайль Гитлер!

Карл Хаусхофер,

президент «Немецкой Академии».

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

20 августа 1935 года

Дорогой Рудольф!

Надеюсь, эти строки достигнут тебя пребывающим в добром здравии. Я направил письмо по трем различным каналам, надеюсь, что хотя бы одно из них попадет к тебе в руки.

Поскольку речь идет о важных вопросах, которые в самое ближайшее время коснутся будущности «Фольксдойче Совета» и «Немецкой Академии», то смею надеяться, что всё разрешится до последних чисел августа. Чтобы со мной было проще связаться, то уведомляю, что буду свободен вечером 27-го числа. Несколькими часами ранее я по просьбе твоих людей делаю доклад о «Хозяйственно-политических течениях в Северной Европе» в «Капитолии» Лейпцига. После этого в тишине я планировал отпраздновать свой 66-й день рождения. Затем направлюсь в Берлин, где будут пребывать 28-го и 29-го. Если ты уже вернешься в Харлахинг, то я мог бы встретиться в понедельник, 26-го числа, после обеда или вечером, то есть до своего отъезда в Лейпциг. Около 6 часов вечера я делаю по радио

ежемесячную сводку по вопросам обстановки в мире, но и у меня будет иметься в распоряжении 30—50 свободных минут.

Меня беспокоит положение «Немецкой Академии», о чем я уже сообщал несколько недель назад. Аналогичные письма были направлены мною в Министерство иностранных дел, Министерство пропаганды и Министерство воспитания. В то время как Министерство иностранных дел аккуратно делает финансовые субсидии, последние два Министерства отказались от некогда обещанной финансовой поддержки. Теперь ситуацию полностью контролирует Министерство иностранных дел, которому удалось добиться немалых успехов. В штаб им введены два молодых партайгеноссе, которые выполняют важные поручения. Постепенно этому подрастающему поколению будут переданы особые полномочия. В этом положении мы можем рассчитывать только на великодушные частные пожертвования. Столь бесчестный отказ от обещанных субсидий означает, что мы сами должны решать экономические вопросы, о чем я уже сообщал однажды. Для меня нет никаких сомнений в том, что я мог бы доходчиво объяснить главе зарубежной организации [НСДАП] смысл выполнения этих обещаний. Однако за прошедший год ты смог лишь организовать встречу с референтом. Однако указанный референт пребывает в сомнениях. Я полагаю, что они касаются друзей «Немецкой Академии»...

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

12 октября 1935 года

С пометкой «Сугубо конфиденциально»

Дорогой Рудольф!

Поскольку я увижу тебя только 16-го числа в окружении многих людей, то спешу сейчас передать тебе благодарность от

меня лично и от семейства Пертес за твой привет. Пакет с книгами, который предназначен для твоей мюнхенской библиотеки, находится у меня дома в Мюнхене. Я передам его тебе, когда ты найдешь для этого свободное время. Однако, наверное, даже Богу неизвестно, когда оно у тебя появится. Да просит меня Всевышний.

А теперь хотелось бы сказать несколько серьезных слов о повторных инвестициях в «Фольксдойче Совет». Они просто необходимы для тех, кто работает на виду, и тех, кто вынужден принимать во внимание подводные течения. Я бесконечно благодарен тебе за то, что дал согласие урегулировать ситуацию, что не только вывело нас из подвешенного состояния, но позволило избежать множества нежелательных последствий. Ты серьезными и сердечными словами рекомендовал «Фольксдойче Совету» заново начать свою деятельность. Ожидается, что новый старт произойдет на доверительной основе, которая позволит наладить истинное сотрудничество. Ты сказал, что с точки зрения политики, которая должна содействовать национал-социалистическому движению, необходимо считаться со всеми существующими народными учреждениями.

Выполнение этих заданий необходимо, и выполняются они людьми одного и того же типа. Поэтому мы должны придерживаться стремления осуществлять эту деятельность на доверительных отношениях, которые не могут строиться на основании служебных распоряжений и печатей.

Я полагаю, что разработанная Курселлем повестка дня скоро будет претворяться в жизнь.

Мне хотелось бы напомнить, что ты совершил чудо и дал новый стимул для нашего проекта. Это требовалось, чтобы все участвовавшие в нем люди действовали по доброй воле.

Я получаю конфиденциальные сообщения из Рима. Тамошний властитель направляет ко мне в Германию одну из самых пронырливых лисиц, консула Скарпа из министерства иностранных дел. Делается это, чтобы «изучить развитие национал-социалистического мировоззрения». Осуществить это можно и быстро, и долго. Естественно, моим первым желанием стало организовать встречу этого посланца с тобой. В Риме его воспринимают как «старого бойца». Он перешел из красных к фашистам. В отношении его можно было бы применить библейские слова: «Осторожны, как змеи, бесхитростны, как голуби» (хотя голуби являются очень мужественными птицами). В действительности же он — лисица, которая служит своему господину, только пока тот является господином, то есть может приносить какую-то пользу. Я ожидаю твоих распоряжений! С 3 по 7 ноября я буду в Стокгольме. 4-го числа буду говорить по твоему вопросу. 8 ноября — я в Осло. 11 ноября я направляюсь назад домой. До своего отъезда я буду в Берлине 29 октября, где посещу Японо-германское общество. 30 октября буду выступать в Дортмунде.

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

18 ноября 1935 года

Глубокоуважаемый
господин имперский министр!

Направляю с письмом проект отчета о моих командировочных расходах, который к 25 ноября должен быть представлен членам Малого Совета и Сената Академии. Они составляют 96,96 рейхсмароки, и их мне должна компенсировать «Немец-

кая Академия». Транспортные расходы столь велики, так как в мюнхенском и берлинском штабе мне отказали в выделении одного бесплатного билета для проезда 1-м классом. Положение, в котором пребывает «Немецкая Академия», просто невыносимо. 1 декабря я поставляю вопрос перед членами Малого Совета, сенаторами, друзьями либо о нормальном продолжении деятельности, в которой были достигнуты немалые успехи, либо о ликвидации. Еще не хватало, чтобы мы вошли в историю культуры как оставившие без средств к существованию в прошлом году коллекционера предметов немецкого флота Ганнибала Фишера. Это не касается приглашенных специалистов по культуре, которые занимают посты государственных советников и референтов.

Мой отказ от чтения лекций в Австрии, Чехословакии, Венгрии, Югославии и Болгарии считаю правильным, так как мои доклады имели немалый успех в Швеции и Норвегии. Впрочем, многие возможности для культурного посредничества до сих пор не были использованы. Поскольку я как президент пришел к мысли о возможности при определенных обстоятельствах роспуска «Немецкой Академии», то я не вижу никакой возможности пристроить в культурной сфере наших сенаторов. Они рискуют оказаться в некоем подобии «Салона отверженных».

Надо найти замену приглашенному в Берлин президенту научного отделения Майеру. С комиссией по вопросам высшей школы я сейчас буду решать, станет ли ему заменой декоративный нуль или молодой энергичный специалист. В любом случае этот человек должен обладать некоторым авторитетом в мире. Однако в настоящее время в нашем распоряжении имеется не слишком много людей, которые при

увлеченности работой готовы перебраться в Мюнхен, а также обладают пропагандистским потенциалом. Имперский руководитель врачей д-р Шульте-Штратхаус предельно занят в своих собственных структурах. Сейчас мне сложно говорить о том, обладает ли указанными качествами бывший президент «Восточного института» в Бреслау. Сотрудники мюнхенских институтовикультурныхучрежденийдостаточнонизкогоуровня— они полностью утратили свое прежнее влияние за рубежом. Высшая школа неуклонно теряет свой авторитет, в нее приглашаются банальные школьные учителя. Это еще более усиливает ее интеллектуальную деградацию. Но иногда требуется как раз интеллектуал, в особенности если речь идет о работе с заграницей. Буду ждать твоей помощи. 1 декабря 1935 года надо либо принимать радикальное решение, либо ориентироваться на роспуск нашей структуры.

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

9 января 1936 года

Дорогой Рудольф!

Приложение к этому письму является, наверное, одним из самых ответственных и самых важных решений, которые я принимал в своей жизни. Что касается моей личности, то мне хотелось, чтобы как можно быстрее было удовлетворено мое прошение об отставке. Когда мы с тобой начинали сотрудничать, то я тешил себя великой мыслью, что стану орудием Третьего рейха. Но этого не случилось, так как мне пришлось использовать самые непригодные для этого средства, в чем я

в итоге и оказался виноват. Я полагаю, что только изменения в уставе могут спасти от умирания «Немецкую Академию». Суть этих изменений тебе грамотно объяснит Родде. Однако эти модификации никогда не смогут быть приняты, когда многие институты и другие учреждения находятся под сильнейшим давлением со стороны генерального секретаря [«Немецкой Академии»]. В рамках нашего же учреждения он не без успеха плетет интриги против президента. Он считает, что президент уже достаточно использовался в качестве руководителя, а потому в Третьем рейхе должен стать лишь представительской фигурой.

То, что могло бы спасти жизнь нашей отличной и жизнеспособной структуры (в особенности если наладить сотрудничество со службой академических обменов), являются реформа управления [«Немецкой Академией»] и смена ее руководства. Малый Совет не в состоянии осуществить эти мероприятия. Кроме того, я выношу жесткий приговор — он вообще не в состоянии принять какого-то принципиального решения. Для подготовки реформ надо нанести стремительный удар, о котором не будет догадываться никто из членов совета. Со стороны Академии вести с тобой переговоры уполномочен Родде. Службу академических обменов будет представлять партайгеноссе Шмидт, который поддерживает постоянные контакты с имперским министром Керрлем[33]. Никто другой не должен знать о готовящейся акции, никто не должен более видеть эти строки. После прочтения этого письма, я прошу его уничтожить[34].

---

[33] Глава Имперского министерства по делам церкви.

[34] Письмо в итоге не было уничтожено Рудольфом Гессом.

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

24 мая 1936 года

Дорогой Рудольф!

Поскольку я не знаю, когда смогу лично увидеть тебя, то направляю тебе с письмом две брошюры. Прошу тебя незамедлительно одну из них передать фюреру, а вторую я презентую тебя для твоей библиотеки. Это небольшие, но очень глубокие по своему смыслу свидетельства того, почему правящий класс Японии находит понимание именно у нас, но не у других народов Земли. Это происходит из-за определенного духовного родства. Когда будешь преподносить фюреру эту работу, то обрати его внимание на место, где говорится о японских кузнецах, производящих мечи. Японскую сталь куют с любовью. Она после многократной перековки идет на почитаемое оружие.

Поскольку живые соратники чествуют погибших членов НСДАП, не являвших родственниками, ты можешь найти сходные разъяснения, относящиеся к одному из самых великолепных иностранных примеров аналогичной практики.

Еще раз прошу, удели брошюре хотя бы полчаса. Для такого быстрого читателя, как ты, этого будет вполне достаточно, чтобы ознакомиться с ее содержанием. Ты также можешь обнаружить и другие отрывки, на которые бы мог указать фюреру. Конечно же, ему лучше давать рекомендации, предварительно познакомившись с этой работой.

Если говорить о делах «Немецкой Академии», то в полдень 16-го числа был с визитом у д-ра Геббельса. Я очень благодарен тебе за то, что ты помог организовать эту встречу. Я думаю, что он полностью разберется в делах, так как я подготовил и направил ему специальную докладную записку. В ней говорится

о необходимости выделения 200—250 тысяч рейхсмарок, что позволило бы продолжить работу «Немецкой Академии». Эта сумма определена исходя из того, что Родде удается регулярно доставать еще 200 тысяч рейхсмарок. По своему объему эти суммы, конечно, не достигают финансирования культурных проектов, которые реализуются во Франции, но тем не менее они позволят продолжить борьбу и выстоять в ней.

Имел продолжительную беседу в Брокхаузеном. Она была успешной. Затраченные на командировки средства будут компенсированы. Об инциденте с Раушиннгом уже проинформировали Данциг, о чем я надеюсь рассказать тебе во время нашей следующей личной встречи.

Вечером сего дня направляюсь в Байройт к твоим национал-социалистическим учителям, чтобы рассказать о геополитике Восточной марки, на чем настояли они сами. Передавай поклон фрау Ильзе.

Хайль Гитлер!

Старый, преданный тебе Карл Хаусхофер.

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

9 июля 1936 года

Дорогой Рудольф!

Я надеялся, что не буду беспокоить тебя еще долгое время. Однако направляю два приложения, которые не терпят никакого промедления. Одно из них касается визита в Берлин очень важного министра Октавиана Гоги[35], главы

[35] Октавиан Гога — румынский поэт, политик, придерживавшийся радикальных националистических воззрений, руководитель

румынской Национально-христианской партии. Его сопровождает весьма талантливый профессор Йон Сан-Гиоргиу. В настоящее время они находятся в доме пастора в Карлсбаде, где до 23 июля ожидают ответа. 30 июля оба этих господина направляются в Берлин, где, возможно, хотели бы встретиться с фон Риббентропом в отеле «Эспланада». Об аудиенции у фюрера будет ходатайствовать румынский посол. Он очень опасается того, что на своих плечах могут принести эти двое. Сан-Гиоргиу утверждает, что в Румынии в ближайшее время может смениться правительство. Это может привести к изменению румынской внешней политики. Гога отказался заключать пакт с Россией и намерен начать выступления против Леона Блюма[36]. Как видишь, эти люди готовы на очень многое, а потому имело бы смысл организовать у нас их встречу с ключевыми политическими фигурами. Это первая проблема.

Вторая относится к моему пожеланию, чтобы ты (когда выдастся свободное время) ознакомился с весьма благоразумным меморандумом одной из австрийских рабочих групп. Она высказывает некоторые идеи, которых так недостает тебе. Только постарайся, чтобы этот документ не попал «не в те руки».

Национально-христианской партии Румынии. Последовательно проводил политику сближения Румынии и Германии. 6 августа 1936 года встречался с Гитлером в Берлине. Сопровождавший при этом его профессор Йон Сан-Гиоргиу был один из крупнейших румынских специалистов в области геополитики. Был дружен с Карлом Хаусхофером, с которым поддерживал тесные связи.

[36] Лидер Социалистической партии Франции, который стал премьер-министром в правительстве «Народного фронта».

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

27 сентября 1936 года

Дорогой Рудольф!

Два дела вынуждают меня в очередной раз помешать твоему отдыху. Оба дела — служебные. Однако одно из них совершенно не касается моей деятельности. С него и начну. Ты найдешь приложенным к письму наброски и фотографии архитектурных форм, которые Советы планируют представить на Парижской выставке 1937 года, как раз напротив германского павильона. Это настоящий культурно-политический вызов! Поскольку это является вызовом, то считаю необходимым дать достойный ответ, который бы не ограничивался художественными моментами. Обрати внимание фюрера на двухстороннее обрамление моста в Йене, чтобы можно было понять суть внешнего культурно-политического противостояния. Вероятно, ты припомнишь достойного градостроителя, внимание которого обратишь на присланные мною вещи.

Другой вопрос касается моей отставки, в которую я намерен подать 1 октября. Этот шаг стал неизбежным результатом внутренней штабной войны, которая едва ли позволит сохранять доверительные отношения. Я знаю, что в НСДАП недоброжелательно относятся к противостоящим мне господам: доктору Тирфельдеру, майору Фену и неуклюжему в своих действиях д-ру Йобсту. Они смогли заручиться поддержкой Малого Совета (к сожалению, даже Брукмана), который я всегда рассматривал как опору своей деятельности. Мне ничего не остается, кроме как подать в отставку. Несмотря на помощь Родде и его усердных помощников, которые предпри-

няли просто нечеловеческие усилия, [«Немецкую Академию»] так и не удалось сделать политическим инструментом Третьего рейха.

К нынешнему штабу я не имею ни малейшего доверия, а потому вынужден отказаться от какого-либо сотрудничества с ним и буду рассчитывать только на самого себя. Оставляя эту должность, могу лишь дать тебе совет — поручи какому-нибудь способному человеку беспощадную унификацию [«Немецкой Академии»], с соответствующим изменением состава ее руководства. Для данной роли лучше всего бы подошел Родде, который сведущ в этих делах. «Немецкая Академия» могла бы принести много пользу, но, к сожалению, только в случае, если произойдет смена генерального секретаря, директора и референта по работе с прессой. Родде в этом мог бы помочь партайгеноссе Шмидт, под их руководством можно было бы также использовать д-ра Вайснера. Сам же я более не могу продолжать сотрудничество с мюнхенским руководством [«Немецкой Академии»].

Судьба отвела мне весьма подходящий час для прекращения работы. Я сравниваю это с событиями в университете… Опыт, который я приобрел в «Немецкой Академии», очень тяжелый. Ты знаешь, как я ратовал за этот проект, как я старался спасти эту идею от бездарных служащих. Оказалось, что я могу отнюдь не все. Мне горько признавать, что, наверное, было бы лучше, если бы Академию сразу же унифицировали под началом ничтожного гимназического учителя, который захватил ее сейчас. Однако я был склонен относиться к людям лучше, чем они того заслуживали. Моя деятельность и мой идеализм оказались несовместимыми…

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Рейхольдсгрюн, 26 августа 1937 года

Дорогой, почтенный друг!

Конечно, предпочтительнее было бы лично заехать к тебе в Хартшиммель, чтобы воспользоваться случаем, который даровала мне судьба, и передать тебе мои поздравления с 68-м днем рождения. Было бы просто прекрасно вновь провести несколько часов под старыми деревьями, которые дарят воспоминания не только тебе, но и мне. Как бы хотелось поговорить под ними, взирая на пейзаж с грядой гор. Я помню, как суровый облик горного массива Фихтель наполнял твое сердце радостью на все грядущие времена. Я надеюсь, что эти горы будут приносить тебе меньше хлопот и разочарований, чем в прошлые годы. После того как ты взрастил свое детище, которому посвятил свою жизнь, ты пожертвовал «Немецкой Академией», позволил свершить предначертанное судьбой... Рано или поздно мы забудем все то плохое, что было связано с Академией. В нашей памяти остаются только самые светлые воспоминания о лучших моментах. Я бы с удовольствием сделал тебе ко дню рождения подарок, который помог бы отвлечь от досады и тех людей, которые тебе ее причинили. Как философ, можешь ты того или нет, но ты им являешься, ты являешь собой тот тип человека, который не всегда склонен приукрашивать жизнь. Как когда-то в поздние времена такой же философ делал это в Сан-Суси[37]. Когда-то в Харлахинге я спросил, могу ли я подарить тебе щенка благородной немецкой овчарки, которого ты неоднократно гладил. Тогда ты так и не ответил на этот вопрос,

[37] Подразумевался Фридрих Великий.

хочешь ли ты в подарок эту собаку. Вероятно, было бы великим счастьем, чтобы товарищ с твоим подарком прошел сквозь все невзгоды и радости.

Думаю, что следующий раз я тебя увижу только на съезде партии. Буду надеяться, что удастся выкроить в этой суматохе свободный вечер, как это произошло в последний раз. Из Нюрнберга я возвращаюсь в Мюнхен, но буду находиться там недолго, так как мне предстоит принимать участие в маневрах вермахта, которые будут проводиться в последние дни сентября в Померании. О них было бы особенно интересно поговорить с тобой, поскольку в этих маневрах впервые будет отрабатываться взаимодействие сухопутных войск не только с военной авиацией, но и с военно-морским флотом. Насколько я знаю, подобного рода маневры (по крайней мере, в таком масштабе) никогда не проводились в довоенной Германии. За это упущение мы очень дорого заплатили в 1914 году. Тогда в генеральном штабе не имели ни малейшего понятия, как надо было использовать военно-морской флот. Соответствующий запрос флотского командования остался без внимания. На тот момент военно-морские силы никак не задействовались для поддержки наземных операций. Как я недавно узнал, накануне войны командование военно-морских сил не ставило в известность о своих планах командование сухопутных войск, и, наоборот, в сухопутных войсках ничего не ведали о намерениях военных моряков. Одним словом, в новом рейхе пытаются учитывать допущенные в прошлом грубейшие ошибки. Но не буду предаваться иллюзиям — людям вообще несвойственно учиться на ошибках. Они совершают их постоянно.

Однако вернусь к тому, о чем я, собственно, хотел поговорить с тобой, когда вернусь в Мюнхен. Я намерен осуществить автомобильную поездку по автобану, в которую планирую взять тебя и фрау Марту (передавай ей от меня нижайший поклон). Я планировал направиться на Химзее к старику (Теодор Бомхард). Ты говорил, что он является не просто живым учебником истории, а может рассказать, что уже находится на страницах напечатанных учебников и что будет находиться в будущем. Для меня было бы большой честью познакомиться с таким старым и мудрым господином. Поэтому я непременно намерен посетить его.

Я надеюсь, что дела у твоей супруги идут хорошо и что ты получил благоприятные отзывы от своих домашних, которые оказались раскиданы по всему миру. Я просто завидую Альбрехту, который может совершать командировки за рубеж. Утешаю себя только тем, что в 1940 году мы вместе направимся в Токио (шучу!).

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

1 июня 1938 года

Дорогой Рудольф!

«Тот, кто строит дорогу, должен иметь много мастеров!» Приношу свои извинения за то, что использовал отрывок из твоей речи в качестве кульминации для моего июньского «Обзора мировой политики». Мне казалось, что в месяц летнего солнцестояния политические события в мире очищены, как воздух после летней грозы. То, что я действую с полным осознанием политико-научной ответственности, самым луч-

шим образом отразилось в этой работе на звание мастера. Я считаю это апогеем моих долгосрочных усилий по анализу мировой политики. Еще раз большое спасибо. В прилагаемом документе все интересные детали подчеркнуты красным цветом.

Теперь о делах. До съезда партии в Саарбрюккене произойдет открытие театра. Тебе стоит обсудить это с фюрером, а затем с гауляйтером Бюркелем, чтобы придать этому действу правильные интонации. Пока это не удается. Там ошибочно предпочитают обращаться к богатым людям. В городе их несколько человек. Однако город находится в приграничной зоне, железнодорожное сообщение нарушено, развитие железной дороги затруднено. Местный бургомистр, старый партайгеноссе, был у меня. Он просил, чтобы я помог своевременно привлечь внимание немецкой прессы к столице Сарской области. Я пообещал ему, что в своей «Геополитике» напишу о пограничном значении Саарбрюккена как ключевого узла всего железнодорожного сообщения на Западе. Однако оно планомерно парализуется действиями Франции и Бельгии. Ты еще увидишь, что эти убытки, которые пока не замечаются из-за открытия театра, дадут о себе знать. Они как переменный ток, их можно будет устранить только со временем. Я обещал, что расскажу тебе как защитнику всех немцев о переживаниях бургомистра и его советников. Они надеются, что ты сможешь дать ход этой информации… В Хартшиммеле я принял невестку с четырьмя детьми. Хайнц сейчас находится в Бухаресте. И боясь, что из-за подготовки дома, где будут весело бегать четверо детей (трое мальчиков и девочка), я не смогу справиться со своей работой. Внучка является достойной крестницей фрау Ильзы.

Получилось, что я приветствовал тебя письмом, представляющим странную смесь из новостей мировой политики и личных впечатлений. Желаю тебе удачно отдохнуть.

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Мюнхен, 24 апреля 1939 года

Глубокоуважаемый, дорогой друг!

Эти строки я пишу с осознанием собственной вины. Ты направил мне два прекрасных письма, которые так и остались без ответа с моей стороны. Но ты ведь знаешь, как у нас идут дела. Чем дальше, тем их больше. Кроме того, проводилась подготовка к празднованию юбилея фюрера, который оказался достойным и прекрасным во всех отношениях мероприятием. Как раз юбилей и являлся главной причиной, почему твои письма остались без ответа. Я очень сожалею, что тебя не было на этом празднике и ты не мог своими глазами видеть этот парад. На фоне тех разочарованных и озлобленных чувств, которые мы испытывали в 1918 году, он принес несказанное удовлетворение. Я от души наслаждался выражением лиц некоторых военных атташе. Так как они находились на противоположной от меня трибуне, то я мог разглядывать их в бинокль. В зависимости от темперамента на них возникала либо улыбка, либо усталость, либо нервозность, которую некоторые тщетно пытались скрыть. От этого их лица искажались еще больше. Впрочем, рядом с нами стояли и представители дружественных наций, которые в эти часы убедились в том, что стали проводить правильную политику. В один момент я вспомнил о тебе. Я увидел адмирала, которого встре-

чал у тебя в 1934 году. В то время он был в более скромном звании…

Фрейлейн Фат с укоризной узнала, что ты просил меня предать ей, чтобы она хотя бы время от времени сообщала, как у меня идут дела. И я забыл передать ей эту просьбу. Теперь я должен покаянно снять шляпу! Мне, естественно, важно знать, как прошла твоя поездка. Надеюсь, что во время ее ты действительно отдыхал. Если она сопровождалась южным небом, теплом, солнцем и радостью, то это было прекрасным поводом для того, чтобы забыть про все дела «Объединения зарубежных немцев»! Я не знаю, когда ты вновь вернешься на наш суровый север, который в настоящее время пребывает во всех своем весеннем великолепии. Во всяком случае, я надеюсь, что в ближайшее время увижу тебя окрепшим здоровьем и загорелым.

Что касается меня, то ежедневное лечение зубов при полном преобразовании моей челюсти несколько облегчилось в результате того, что я нашел исключительно талантливого дантиста. У него техника самого последнего поколения. Кроме того, он беспокоится о том, чтобы не доставлять пациенту ненужных мучений. В первых днях мая мне предстоит пройти весьма неприятную резекцию корней зуба. После этого в чудесном настроении я могу направиться в Карлсбад. Это настоящий рай для отдыха и физической разгрузки. Весьма вероятно, что в своих разъездах между Берлином и Мюнхеном ты будешь проезжать мимо курорта в Карлсбаде. Не исключаю, что мы может там встретиться.

С надеждой на встречу там или здесь,
всегда твой Рудольф Гесс.
Хайль Гитлер!

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Мюнхен, 5 июня 1939 года

Дорогой, глубокочтимый друг!

Огромная благодарность за письмо, которое попало мне в руки только после того, как вернулся назад из Кайзерлаутерна. Мне принесли большую радость строки, когда я вновь оказался в Калькхорсте. Я всегда мучительно приходил к осознанию того, что тонкие порывы моей души созревают под ураганным огнем стремительно развивающихся событий и приглушенной досады. Во всяком случае, уже не является достаточным изложить их в уточненной письменной форме. Если для тебя будет утешением, то скажу, что эти порывы возникают в глубине моей души, когда в Калькхорсте царит поразительная идиллия. И ты на несколько дней мог бы разделить со мной эту идиллию.

Воистину жаль, что мы не совершили эту поездку вместе. Тем более что в нашем распоряжении имелся бы очень комфортабельный вагон. Тут я слегка нагрешил, так как выпил небольшую бутылку шампанского. Экипажу самолета я обязан на редкость прекрасным полетом. Мы свернули от грозового фронта, пролетели над орошенным дождем немецким ландшафтом, погруженным в насыщенные цвета. Мы пролетели над Эссеном, чтобы затем следовать над Рейном и гессенскими землями, в итоге достигнув Франкфурта. На Западе творилось что-то напоминающее «гибель богов». Заходящее солнце всеми цветами радуги отражалось на низких облаках. После этого нас приветствовал древний Вормс, а затем уже последовал молодой Манхейм.

Вчера я известил Макса [Хофвебера] о прибытии в Эссен. Теперь двум друзьям оставалось только сожалеть, что третий не мог присоединиться к ним. В это время ты обращался с речью к студентам в Штутгарте, что приносило тебе несказанную радость.

Я закончил выполнение своих обязанностей так, что это устроило (по-видимому) все стороны. День гау был организован таким образом, что был проведен между линией Зигфрида и Вайнштрассе. Бюркель умело действовал в обоих направлениях. Во второй половине дня я осуществил повторный осмотр тамошней части линии Зигфрида, о чем, вероятно, ты мог прочитать в прессе. Если бы я только предвидел, что благодаря рассудительной и весьма экономящей нервы организации дня гау у меня найдется свободное время, то я непременно бы попытался вырвать тебя из рук штутгартских студентов. Мы могли бы вместе порадоваться. Тебя бы осмотр линии интересовал вдвойне: и как старого офицера генерального штаба, и как знатока здешних мест.

Но, к сожалению, наша встреча, которая случается и без того редко, не состоялась. А потому мне приходится предвкушать посещение тебя на альпийских лугах. Даже если я вернусь к обыденным делам, то надеюсь, что смогу выкроить время.

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Мюнхен, 14 июля 1939 года

Глубокоуважаемый, дорогой друг!

Ну почему ты должен пребывать в твоих горных высотах, в стороне от всяких треволнений, в то время как я, перегру-

женный работой (в этом есть и свои благоприятные моменты), должен пожинать плоды во всех мыслимых сферах! Это мое письмо было написано не без сомнений и мучительных размышлений. Но только так мне удалось предотвратить бессердечное извещение, которое было бы передано по официально-бюрократическим каналам. Несмотря на то что мое сообщение является не совсем официальным, прошу тебя не давать волю злости.

Изложу в двух словах, о чем я, собственно, веду речь. Альфиери, «итальянский Геббельс», официально уведомил «дорогих друзей» по Оси, что дуче был обеспокоен некоторыми местами в твоей книге, посвященной границам[38]. Это относится к отрывкам, в которых затрагивается проблема Южного Тироля. После этого дуче отдал Альфиери приказ, чтобы тот выразил претензии. После консультаций с Геббельсом мы пришли к выводу, что нам было необходимо вдвоем направиться к фюреру, который очень нервно реагирует на все, что касается внешнеполитического положения и согласия между державами Оси. Убедить его было очень сложно, а потому была достигнута договоренность, что книга будет полностью изъята из продажи. Кроме того, мы выразили единодушное мнение, что ты отнюдь не намеревался провоцировать какие-то неприятности, поскольку речь шла всего лишь о переиздании написанной в 1927 году работы. Причем в новом издании воспроизводился старый текст. Никто и предположить не мог, что отдельные из моментов в нем могут вызвать осложнения, так как некоторые из идей в настоящее время являются нецелесообразными. Альфиери передал это сообщение в Рим и выразил со своей стороны надежду, что на этом недоразумение было исчерпано.

---

[38] «Границы в их географическом и политическом значении».

Я не должен убеждать тебя в том, что этот случай был для меня крайне неприятным. Однако ты, опираясь на свои знания, поймешь, что нередко мелочи в неподдающихся учету внешнеполитических факторах значат очень много. А в данном случае эти мелочи коснулись высшего уровня межгосударственных отношений. Я думаю, что знаю тебя очень хорошо, а потому могу предположить, что ты пойдешь на эту жертву, которая имеется большое значение в борьбе наций за выживание, с улыбкой.

Издательству же я сделал выговор. Оно накануне направления книги в печать должно было дать мне ее на ознакомление, чтобы я мог, по крайней мере, дать свое заключение по самым критическим местам. Возможно, в книгу можно было бы внести небольшие коррективы и поправки, что в итоге не привело бы к осложнениям. Подобная недальновидность издательства должна вызывать досаду как у тебя, так и у меня. Но теперь уже сложно что-то изменить. Мне хотелось бы навестить тебя в твоем горном убежище, чтобы мы смогли лично поговорить обо всех вещах.

С сердечным приветом
твой Рудольф Гесс.

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

Партенкирхен, 15 июля 1939 года

Дорогой Рудольф!

Пару раз мне посчастливилось в жизни не стоять перед выбором, так как сама судьба ниспослала мне свыше знаки. И если она распорядилась, чтобы именно ты предупредил получение мною чиновничьего извещения, значит, она уже выбрала путь, по которому я, столкнувшись с небольшими каверзами, про-

должил бы (на основании сделанных выводов) двигаться в верном направлении. Ты помнишь, как однажды на прекрасной террасе в Калькхорсте мы вели с тобой беседу о том, имеет ли право 70-летний старик занимать пространство, которого бы хватило для десятка деятелей 40—50 лет. Тогда ты не смог дать однозначного ответа, встав на одну из сторон. Аналогичным образом в Киле большие парусные лодки сначала снимаются приливом с мели, но затем с отливом возвращаются на нее.

Нынешние твои строки об участи моей книги как раз являются тем знаком судьбы, который мне указывает на то, что я более не могу двигаться по ранее выбранному пути. Я должен сделать какие-то изменения. Ты прекрасно понимаешь, что я пока не могу вынести окончательный вердикт. Я лишь могу поблагодарить тебя за тот благородный и аристократический способ, которым ты уведомил меня, взяв на себя всю тяжесть подобного сообщения. Но пока я продолжаю свое культурно-политическое сотрудничество со всем народом. Меня приветствовали в Милане и Падуа. Наверное, только к югу от Альп не осведомлены о моих докладах, посвященных геополитике Оси. Если бы вопрос не был столь серьезным, то его можно было был положить в основу одной из шекспировских пьес! Едва ли кто-то может больше симпатизировать Италии, чем я и моя супруга. Мои работы могут охладить Ось, но только если она перегреется. Каждый должен знать, кого мы выбрали себе в друзья.

Наверное, ты забыл, что я тебе указывал на те места книги, которые получили более мягкие трактовки, нежели в первом ее издании. Поэтому на издательстве нет никакой вины — это просчет автора, который не захотел из соглашательских соображений умалчивать правду и не стал обходить стороной

спорные вопросы. Чтобы избежать недоразумений, и так были выброшены несколько карт и отрывков. Но ценность германской науки как раз заключается в том, что она — не солдат, стоящий на плацу. Ты это всегда понимал. На этот счет мы сможем поговорить, когда ты приедешь ко мне на альпийские луга. Я не буду предпринимать никаких конкретных мер, кроме безмолвной ревизии итальянских лозунгов. Есть прекрасный повод извиниться за то, что я своевременно не изменил их.

Для меня нет никакого горя в том, что я потерял издательство — к этому я уже приучен. Всегда имеются запасные возможности, которые я использую для публикации следующей работы. В конце концов, что может значить стопка книг по сравнению с обликом вечных гор! Я пишу и без того слишком много. Но я полагал это своим долгом.

Большое спасибо тебе за твои знаки верности нашей дружбе, которая для меня более важна, нежели вся литература.

Твой Карл Хаусхофер.

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

Партенкирхен, 17 июля 1939 года

Дорогой Рудольф!

К сожалению, у меня было множество поводов убедиться в том, что неприятности и заботы могут проложить путь по каменистым склонам в мое горное убежище. Последний такой визит не был для меня совсем уж неожиданным, так как ты по-дружески, заботясь обо мне, заблаговременно направил мне письмо. Тем самым ты хотел хоть как-то исправить ситуацию, за что я тебе бесконечно благодарен. Одновременно с твоим

письмом ко мне прибыло столь же заботливое, но по-деловому звучащее известие от Альбрехта. Я мог утешиться тем, что мой друг и сын в одинаковой мере беспокоились о том, насколько сложно мне придется осознать полученные сведения. Вы пытались ослабить полученный мною удар.

Поскольку мне очень сложно связаться с Альбрехтом, то обращусь к тебе, чтобы пролить свет на некоторые неясные моменты. Ты рекомендуешь мне смириться, что было бы легко, если бы речь шла об уязвленном тщеславии ученого или самолюбии писателя. Но я не могу понять запрет книги, которую я ковал подобно интеллектуальному оружию для немецкого народа, чтобы тот мог с ним в руках вести борьбу за существование. Из всех моих книг именно эта была самой национальной, так как она была написана кровью моего сердца. И теперь по этой же самой причине оспариваются некоторые места из нее. Первый вариант книги был написан 12 лет назад. Однако ко второму изданию я исправил ее текст, взвесил каждое слово, смягчил некоторые формулировки. Я совершенно чист перед своей совестью. Чтобы более не следовало упреков в адрес издательства, хотелось бы тебе напомнить (не исключено, что при твоей нагрузке эти события полуторагодичной давности забылись), что я говорил с тобой об указанных отрывках и специально предусмотренном их изменении. Тогда у тебя не было никаких сомнений относительно предложенных мною осторожных формулировок. Однако за полтора года ситуация столь стремительно изменилась, что казавшееся нам тогда бесспорным и не вызывающим сомнений сейчас является неприемлемым (как ты говоришь, «в высших государственных интересах»).

Если кто-то и виноват в этом, то не издательство, а лишь сам автор, который не захотел быть оппортунистом и не смог

молчать о важных проблемах. Мне пришлось удалить из первого издания несколько карт и высказываний, но это не делает их неверными. Они продолжают оставаться истинными. Ты полагаешь, что я смогу «улыбнувшись» принести в жертву книгу, которая является самым дорогим для меня детищем. Я повинуюсь этому решению и был бы рад, если бы такая жертва могла избавить от бед четверть миллиона народных товарищей. О том, как я всей душой болею за них, ты знаешь еще по нашим беседам в Калькхорсте. Уже тогда мне было предельно ясно, что было бы невозможным справиться с бременем, возложенным на руководителя «Объединения зарубежных немцев», если бы в отношении одной из самых этнически ценных немецких групп не осуществлялись репрессии. Теперь для меня становится понятным, что впредь я не могу оставаться в этом учреждении, так как мое программное и основополагающее произведение, касающееся упомянутых вопросов, было запрещено на государственном уровне. Конечно же, это известие с быстротой молнии распространится среди противников как народно-политической деятельности, так и геополитики в целом. Это либо частично, либо полностью парализует мою дальнейшую работу…

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Мюнхен, 21 июля 1939 года

Глубокоуважаемый, дорогой друг!

Сегодня пришло твое письмо, из которого мне донеслись все звуки и даже тихие отзвуки твоих страданий. Мне очень больно и стыдно, что ты так болезненно отнесся к данной пробле-

ме. Ты неправильно понял некоторые вещи. Никто не призывает тебя расправиться с твоим любимым детищем. Тебя всего лишь просят провести незначительную операцию, что помогут тебе сделать твои друзья. Нет сомнений, лучше было бы предпринять это вмешательство гораздо раньше. Это — моя вина, моя недоработка. Я вспоминаю, что ты мне говорил когда-то о переиздании книги, в том числе упоминал проблему Южного Тироля. Я тогда попросил, чтобы ты мне показал в тексте точные формулировки, чтобы я мог выбрать самые удачные из них. Однако еще не поздно все исправить. Само собой разумеется, никто не планирует запрещать книгу как таковую. Речь идет о запрете лишь прежнего издания. Но предстоит новое издание, которое в указанном отношении будет более безобидным. Но это по-прежнему будет фундаментальный труд о геополитике границ.

В своем письме ты намекаешь мне, что не можешь примирить свою совесть с подобными изменениями. Когда-то ты мне говорил о картах, на которых было отмечено распространение немецкой и иных народностей. Тогда эти карты успешно использовались против нас противниками. Ты придерживался совершенно правильной точки зрения, полагая, что надо было учитывать последствия выпуска таких карт, которые могут сказаться на нации. Ты говорил, что в них нужно было вносить коррективы, даже если они не отвечали научной истине.

Сейчас мы столкнулись с аналогичным случаем. Различие состоит в том, что сейчас ты не мог предвидеть возможных последствий. Естественно, ты не мог предположить, что по ту сторону Альп окажутся столь чувствительными к подобного рода вещам. Но я-то знал об этом, а потому часть вины перекладываю именно на себя.

Однако на войне ты не сделал бы ничего, если бы знал, что твои действия могут дать преимущества противнику.

Вне всякого сомнения, сейчас мы находимся с политической точки зрения на военном положении. Ясно, что противники будут стремиться использовать каждое написанное тобою слово в качестве собственного оружия, при помощи которого они могли бы рассорить нас с союзниками. Я слишком хорошо знаю тебя, чтобы предположить, что в сложившихся условиях ты бы счел нужным поддержать подобную возможность. А потому едва ли стоит в нынешней напряженной внешнеполитической обстановке ставить научную истину выше интересов нации. В конце концов, ты можешь радоваться тому, что написанные тобою работы имеют такое большое политическое значение, что даже могут привести к далекоидущим последствиям. Если несколько строк вызвали такую реакцию, то что же говорить о работе в целом! С другой стороны, переиздание книги с необходимыми поправками может иметь самое благоприятное воздействие. Есть ли необходимость ссориться с единственным преданным союзником в Европе, когда Англия пытается ополчить против нас весь мир? Ты помнишь, в каком положении находились наш народ и наша нация, когда 20 лет назад нас свела судьба. Положение было таким, что иногда казалось, будто мы больше не сможем этого вынести! Однако сейчас мы без сожаления вспоминаем о том времени. Если бы тебе тогда описали нынешнюю ситуацию с книгой, но при этом добавили, что ситуация в Германии и мире могла исправиться, если бы ты пожертвовал ею, то ты непременно бы пошел на эту жертву. Неужели твои научные убеждения были бы превыше всего?!

К сожалению, я не могу сказать ничего определенного, когда прибуду к тебе в Альпы. Все еще надеюсь, что смогу выбраться

перед поездкой в Берлин, то есть самое позднее — в субботу. Скорее всего, когда ты получишь это письмо, то я уже уведомлю тебя по телефону об окончательном решении. В противном случае мы свидимся после моего возвращения из Берлина.

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

26 августа 1939 года

Дорогой, глубокоуважаемый друг!

Мне хотелось бы тебя поздравить с 70-летним юбилеем несколько иначе. Я надеялся, что два твоих друга заглянули бы к тебе и мы бы провели вместе несколько прекрасных часов. Мы бы наполнили эти часы воспоминаниями из жизни троих людей. Ты же, оглядываясь назад, можешь найти в памяти воспоминания, в которых принимали бы действие я и Макс [Хофвебер]. Мы бы внесли «разнообразие» в твою монотонную жизнь. Однако тебе не стоит сетовать, что мы ничего не предприняли для этого. Или ты все-таки будешь утверждать, что мы никогда не беспокоили тебя?

Я с удовольствием вместе с тобой отпраздновал бы твой юбилей. Если в этот день я должен праздновать, то только с тобой. Ты, как никто, заслуживаешь праздника! Ты мог бы праздновать переход к спокойной жизни. Но я почему-то уверен, что ты не оставишь свои дела, как только тебе исполнится 70 лет. Таким ты будешь и в будущем. Я желаю тебе и впредь создавать вещи, которые с большим научным и одновременно творческим успехом служили бы народу. Ты всегда верно служил ему, следуя своему внутреннему призванию. Я желаю тебе до самого конца жизни быть полным здоровья и энергичным.

Весь завтрашний день я буду мысленно слать тебе поздравления... Отдельного сожаления заслуживает тот факт, что поздравительный адрес фюрер поручил вручить не мне, а Зиберту.

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Гальшпах, 10 сентября 1940 года

Глубокоуважаемый и дорогой друг!

В первые дни нашей общей поездки Альбрехт вместе со служебными бумагами передал мне твое письмо. Альбрехт перескажет тебе суть нашей беседы, в которой мы касались не только проблем «народной политики», но и других вещей, которые беспокоят нас обоих. Я еще раз все основательно обдумал и пришел к следующим выводам. Мы ни в коем случае не можем позволить демонстрировать наши связи. Я считаю оптимальным, чтобы ты или Альбрехт написал вашей пожилой даме, чтобы та в свою очередь справилась у друга Альбрехта, готов ли он встретиться на нейтральной территории. Он может выбрать для этого свою страну проживания или же назначить любое другое место для встречи с Альбрехтом. Если он не может сделать это в настоящий момент, но все-таки намерен встретиться, то пусть укажет время и место. Вероятно, он сможет посетить нейтрального знакомого, который будет действовать, ничего не зная обо мне, а ссылаясь на тебя или Альбрехта. Полагаю, что знание о местопребывании не имеет никакого военного значения. То, что должен передать посредник, имеет настолько большое значение, что не имеет никакого значения, где он будет находиться.

Естественно, что соответствующие запросы не могут быть направлены по официальным каналам. Вы должны это учиты-

вать, чтобы не втянуть ваших друзей в неприятности. Письмо пожилой даме лучше всего передать через человека, которому ты доверяешь, по известному тебе адресу. Альбрехту предстоит с этой целью поговорить либо с Боле, либо с моим братом [Альфредом]. Одновременно с этим даме надо предоставить адрес доверенного лица. Если же оно не будет постоянно проживать по этому адресу, то уведомить об этом. То, что подразумеваю под «нейтральным», я уже устно проговаривал в беседе с тобой. Стоит поспешить, так как ответ должен прибыть сюда из-за границы.

Нам надо обоим заклинать наших добрых гениев. Если это начинание закончится успехом, то я буду прав в отношении августа, когда во время нашей совместной поездки упомянул имена нашего молодого друга и пожилой дамы.

Передавай низкий поклон фрау Марте.

С сердечным приветом
всегда твой Рудольф Гесс.

Письмо Карла Хаусхофера, адресованное Рудольфу Гессу

Мюнхен, 9 мая 1941 года

Дорогой Рудольф!

В ближайшее время к тебе в руки должен попасть текст переговоров, которые велись профессором Гроссом в присутствии рейхсляйтера Розенберга. Я сразу же должен обратить внимание на два случая, в которых выступаю просителем.

Первый касается 20 документов по случаю бракосочетания баронессы Винервельтен. Она — дочь сестры трех лично мне знакомых баварских офицеров, которые происходят из древнего баварско-швабского дворянского семейства барона фон Река

ауф Аутенрита. Эта семья состоит в близком родстве с имперским протектором фон Нойратом. Один из братьев служил в твоем полку, он погиб во время мировой войны. Их отец был весьма порядочным австрийским офицером, имевшим множество наград, в том числе Железный крест. Он застрелился, чтобы не быть обузой для своих наполовину арийских детей. Я узнал об этом случае, так как мать невесты стала обзванивать товарищей ее братьев. Гауляйтер Нижнего Дуная готов принять положительное решение, но передал рассмотрение дела в высшие инстанции. Не мог бы ты проконтролировать этот процесс? Я не прошу, чтобы ты лично занимался этим делом, достаточно его поручить референтам.

Второй случай касается бездетной супружеской пары. После мировой войны муж — промышленник Ханиль — настоял на усыновлении двух сирот, которые были детьми погибшего в 1916 году капитана Дилля. При этом он не знал, что они являлись по материнской линии метисами второй степени. Поскольку супруги полагали, что делают благое дело, то воспитывали детей как своих собственных. Теперь один из братьев-близнецов, кандидат на получение офицерского звания, планирует помолвку со стопроцентной арийкой. Казалось бы, ничто не предвещает проблем, так как «Нюрнбергские законы» ориентированы на поглощение метисов второй степени. Для этого им не положено сочетаться браком с себе подобными, а только с чистыми арийцами. Однако помолвка была запрещена, так как происходит пересмотр «Нюрнбергских законов». Профессор Гросс требует, чтобы «свести практику бракосочетания с метисами до минимума».

Мне очень жаль, что вновь и вновь приходится обращаться с подобными просьбами. Но сейчас тебе отведена роль, кото-

рая в Средневековье была уготована римским папам, которые лично рассматривали такие дела и разрешали графам развод.

Твой Карл Хаусхофер

Письмо Рудольфа Гесса, адресованное Карлу Хаусхоферу

Англия, 14 сентября 1941 года[39]

Глубокоуважаемый, дорогой друг!

С твоего дня рождения уже прошло некоторое время, но я хочу дополнительно передать тебе мои сердечные пожелания. Ты даже не можешь представить, как часто в своих мыслях я обращаюсь к тебе! Особо часто я вспоминаю одну из наших последних прогулок к пивному саду Аумайстер. Я помню, как ты возвращался погруженный в свои мечты. К сожалению, я не мог сказать тебе всю правду. Когда я задавал вопросы, ты, наверное, считал меня безумцем или совершенно отчаявшимся человеком. Но поверь мне, я ни на одно мгновение не сожалел ни о своем безумстве, ни об отчаянности. Однажды осуществится последняя часть плана, задуманного для воплощения столь опасной мечты, и я вновь предстану перед тобой. Без ответа остается только вопрос: когда это произойдет? Говорил ли ты с Шульте-Штратхаусом? Он должен был поведать тебе, что он мне рассказал во время его последнего визита в Харлахинг. Передай от меня поклон фрау Марте. Должно быть, она злится на меня. Я соглашусь, что тебе нелегко с такими друзьями, как я!

Всего хорошего! Свидимся когда-нибудь.

Твой Рудольф Гесс.

---

[39] **Письмо было направлено Карлу Хаусхоферу через нейтральные страны.**

Карл Хаусхофер

«Границы в их географическом и политическом значении», 1927 год (выдержки)

...Ибо для Германии уже давно недостаточно среднего результата, который, как мы полагали прежде, можно позволить себе в обучении нашей внешней службы, так же как и политических лидеров в этой области, — если Германия хочет надеяться вновь занять место, подобающее ей соответственно численности ее населения, а также культурным, военным и хозяйственным (но, увы, не политическим) достижениям среди народов, к которым она теперь уже не относится из-за недостатка силы, пространства и самоопределения.

Посмотрите лишь на то, как ведущие умы угнетенных народов, переживающих сейчас мощный подъем, сформировались именно благодаря изучению народной психологии, геополитики, естественно-научным наблюдениям, исходя, казалось бы, из гуманитарных и определяемых волей начал, — от лидеров Филиппин (Рисаль), младоиндийцев (Саркар, Дас, Ладжпат Рай) и младокитайцев (Сунь, Ку, У, Чан) до геополитических воспитателей советской дипломатии в Азии; ибо Советы располагают здесь бесспорно весьма выдающейся службой наблюдения и подготовки специалистов в области проблем границ, которую совсем недавно вновь отметили Свен Хедин (при обсуждении экспедиции полковника Козлова в Центральную Азию), а затем Эрих Обет и о которой свидетельствуют такие книги, как «Красная Гота» («Rote Gotha») (Ежегодник Коммунистического Интернационала по проблемам экономики, политики и рабочего движения) или вышедшая в Москве в 1924 году книга Б.И. Доливо-Добровольского «Тихоокеанская проблема».

В осознании того, что время геополитического устранения чересполосицы, нового перераспределения силы на Земле с окончанием мировой войны не закончилось, а лишь началось, повсюду разворачивается лихорадочная геополитическая деятельность, затрагивающая как раз проблемы границ, как бы следуя крылатой фразе Шекспира: «Готовность — это все!» Мы должны в современном состоянии проблемы немецких границ в случае перемен почти ничего не потерять, зато вернуть очень многое. Ведь мы не решились бы приободрить себя однажды словами Франциска I, сказанными им после сражения при Павии: «Потеряно все, кроме чести!»…

…Как мы теперь видим, именно в результате чрезмерной жестокости договоров и принуждения с помощью лукавой казуистики многие люди фактически связывают свои надежды на светлое будущее в огромной мере с разрушением границ, установленных несправедливым насилием. И отсюда в условиях общей угнетенности рано или поздно между Советским Союзом, Китаем и паназиатами, а также между другими угнетенными, униженными, эксплуатируемыми и каждодневно оскорбляемыми народами возникает чувство единения и как следствие возможность совместных действий.

Даже такая одержимая пацифизмом личность, спокойно мирящаяся с сохранением современного правового состояния неслыханного унижения древних крупных культурных народов, недостойно стесненных в пространстве, как поборник Пан-Европы граф Куденхове-Калерги, категорически признает, что он и представить себе не может, каким образом должен сам собой, без войны, решиться спор о разграничении цветных и белой рас в индо-тихоокеанском пространстве — между столь густо заселенными, испытывающими давление резерватами

людей и столь мало заселенными, крайне нуждающимися в людях резервными пространствами Земли, как соответственно муссонные страны и Австралия, или между тихоокеанским англосаксонством, империалистически наступающим на Тихий океан. Он только верит, что его Пан-Европа — несмотря на обременительную принадлежность к ней бельгийской, нидерландской и французской колониальных империй — сможет остаться в стороне от этого спора. Но какое у нас, в подвергающейся непомерной эксплуатации Внутренней Европе, есть основание помогать своим молчаливым согласием сохранению во владении враждебных и безжалостных к нам эксплуататоров запертых для нас заморских эксплуатируемых земель, участвуя, скажем, в союзах, которые хотят увековечить такую несправедливость? Мы когда-нибудь предъявим миллионам людей, заинтересованных в крушении нынешней системы фиктивных границ, самые общие данные статистики и тогда увидим, сколь ужасающе велико численное превосходство таких людей, а следовательно, чем может обернуться подлинно демократическое волеизъявление по вопросам существующего распределения власти и пространства на Земле и их разграничений!

Карл Хаусхофер

«Геополитика панидей», 1931 год (выдержки)

...Собственно евроазиатская школа «евразийцев» прежде всего отсекает Россию от Запада (Abendland) и устремляет взор на Восток, следовательно, желает по-иному провести границу Европы, а именно не по Уралу или болотно-лесной зоне Припяти, а между Финским заливом, Чудским озером и устьем Ду-

ная, оказываясь, стало быть, в антагонизме и с панславизмом, и с европейскими склонностями сарматов.

В большой трудности провести убедительную границу между Европой и Азией, в противоречии с намного легче покоренной оформившимися в пространственном отношении панидеями переходной зоной между Азией и Африкой (которая, разумеется, также от Суэцкого канала примерно до рубежа Петра — Акаба является зоной сверхнапряженности!) — зерно проблемы Евразии и трудность соглашения (Auseinandersetzung) между Пан-Азией и Пан-Европой. Новейшая история культуры, изучавшая североазиатский миграционный пояс, простирающийся от Маньчжурии до Карпат, по праву рассматривает его как обширное единство, подверженное перемещениям, но бедное убедительными разграничениями. Этот миграционный пояс как трасса переселения народов и перемещения идей контактного метаморфоза простирается к первому затору на подобном бастиону выступе Карпат и ступенчатым землям Дуная, вдоль Средненемецких гор, отсекая Гарц, и далее к Кельнской и Мюнстерской низменностям, к Рейну и вдоль фламандского Коленвальда к морю. Понтийские странники растительного и животного мира проникают в узкие полосы земли, а также в плоскогорья южнее, вплоть до Бургундских ворот, до рубежа Рейн — Рона. Здесь осаждаемый при случае бродячими ордами сарматов нордический и средиземноморский человек сражается более двух тысяч лет, будучи не в состоянии установить постоянные пограничные рубежи. Фробениус прозорливо показал, как сталкиваются друг с другом на этом разделе заложенные с благой целью границы культурного круга, как велика постоянная опасность того, что на Рейне будут проходить решающие схватки по

поводу образований Пан-Азии — Евразии — Пан-Европы в культуре, власти и экономике.

Сегодня мы называем удачно выбранным термином «Промежуточная Европа» (Zwischeneuropa) ту ее часть, которая расположена между обращенным лицом к Пан-Азии и спиной (Rückfront) к Европе Советским Союзом и сильно пронизанными романским духом творениями нордических рас во Внутренней Европе с зоной руин (примерно та, которую называет минералог Breccien) сарматской закладки, европейской отделки, и мы тем самым вводим себя в заблуждение о том, что «Восточная Европа», лежащая за «Промежуточной Европой», уже давно больше не ценит европейских связей и меньше всего некую Пан-Европу.

Но Восточная Европа не только понимает, если очень хочет ввести в заблуждение, но и поняла, как умело сглаживать различия между Пан-Азией и русским империализмом под личиной Советского Союза, так что под тем же самым флером появляется то облик загадочного сфинкса паназиатского вопроса, то хорошо знакомый старый панславизм. Ведь искусная игра широкой русской натуры со слишком непосредственно преподнесенными Западом или Востоком идеологиями, ее склонность к софистике в угоду сиюминутной политике и использование азиатской затаенной обиды (Ressentiment) отнюдь не новы. На этот знакомый, умный прием азиат попадается реже, панъевропеец, напротив, чаще, ибо он вновь и вновь превратно истолковывает неожиданное сосуществование рядом друг с другом мистики и легкомыслия, свойственных восточноевропейским смешениям рас.

Однако большое различие, наброшена ли всерьез в масштабе Евразии на несовершенные творения Земли огромная дра-

пировка платонической идеи и она почти подавлена, или же эта драпировка используется лишь в качестве обманной завесы, подобной покрывалу Майя, которое спадает, если под его защитой прекратился излюбленный, в высшей степени земной панславистский, или великорусский, или же большевистский промысел: будет ли манипулировать покрывалом ясновидящий или шарлатан?

Рассмотренные в таком свете взгляды евразийцев, о чем нам поведали Н.С. Тимашев или доктор Н. фон Бубнов, — это в одном случае взгляд, пожалуй, даже серьезный, честный и высокоценимый, а в другом — ловко используемый занавес, промежуточная кулиса, прикрывающая опасное пограничное предполье между Пан-Азией и Пан-Европой как раз в самых напряженных местах переходов или миграций, когда где-то воздвигнут сарматские кулисы и декорации ради новых эффектов.

Основательное резюме «идеи Евразии» предлагает Ф.В. фон Бергхоф. Он определяет сферу «Евразии» как пространство между образуемой Чудским озером — Неманом и Днестром западной границей, азиатскими складчатыми горами и Северным Ледовитым океаном с четырьмя большими длинными полосами — тундра, лес, степь и пустыня, — пространство, которое довольно точно изображает Макиндер как «центральную ось истории» древних степных империй.

В этом созвучном широкой душе восточного славянина пространстве евразийцы воздвигают свои воздушные замки будущего, в равной мере отходя и от западноевропейской, и от азиатской культуры, хотя и с противостоящей в религиозном отношении Советам, но родственной геополитически идеологией, с совещательной надстройкой при избираемом декоративном

царе, с непреложностью церкви, с культурной и экономической автаркией: пока мечта эмигрантов!

Иными словами, такие взгляды евразийцев подталкивают, по сути дела, к тому, чтобы внушать русским полный разрыв с Европой; это способствовало бы четкому разграничению между расположенными друг против друга крепостями Ордена тевтонских рыцарей и сармато-татар на Нарве вдоль Чудского озера и болотно-лесной зоны до пояса Черноземья — если не дальше к югу, между Днестром, Бугом и Дунаем, где в точно определенном фон Улигом бессарабском пространстве было бы невозможно прийти к согласию, и если на другой стороне панславистские притязания и мечты о распространении мировой революции, хотя бы на Запад, а советско-российские претензии в направлении Азии, далеко за пределы рубежей Советов, не переходили бы границы status quo в паназиатской, равно как и в коммунистической, агитации.

Но так как Пан-Азия, соприкасающаяся на Востоке и Юге с Советским Союзом, беззастенчиво провозглашает и утверждает свое право на революционизирование на Аравийском полуострове, в Индии, Китае, а Пан-Европа в проповедях Бриана и Куденхове-Калерги точно так же, как и Священный союз Меттерниха, сделала ставку на сохранение status quo и, во всяком случае, взяла на себя ответственность за французские и голландские владения внутри пространства, на которое претендует Пан-Азия (Сирийский мандат, Индонезия, Индокитай); так как Лига Наций, по крайней мере, воспротивится насильственному вмешательству враждебной силы в британские владения в Азии, то нельзя предвидеть заранее, как сможет квиетическая (пассивная), выдуманная эмигрантами евразийская идея посредничать путем дистанцирования (Abkehr) между Пан-Азией

и Пан-Европой. «Кротость не годится, чтобы разнять ухарей», но этого, пожалуй, достаточно, чтобы показать многим панъевропейцам, не сгущая красок, сколь сурово паназиатское лицо Советов, Университета имени Сунь Ятсена в Москве, своего рода гениальной организации ячеек в девятнадцати советских районах в Китае пассивного, а на самом деле весьма активного сопротивления в Индокитае и Индии. Лишь в Персии, Афганистане и Ангоре паназиатская деятельность Советов носит более мягкий характер и не занимается тем, чем могла бы, без сомнения, заниматься и там...

Другими культурно-политическими разрушителями пан-скрижалей являются эллинизм, культура Гандхары и индо-сирийская культура; миграции малайцев, «бродячих людей» (orang malaiu), которые «при самой малой численности оказывали огромнейшее влияние» (Ратцель); нарушителями, опирающимися на силу, были талассийские, средиземноморские имперские образования римлян, океанские — иберов [испанцев и португальцев], голландцев, французов и британцев, по мощи и экономической политике втиснувшийся между Азией и Европой Советский Союз.

Разрушительно по отношению к идеям организации частей света или континентов в традиционном понимании неоднократно действовали и такие части создаваемого пространства, которые на основе имперского мышления выросли в более крупные связности. Так случилось, когда первоначально прибрежные образования, как старая Генуя или Венеция, вышли в море и вовлекли окраинные острова Леванта, отделившиеся прибрежные полосы в государственные образования, чье попечительство, как нередко было с венецианским, быстро принесло европейцам худую славу (что уже испытала и Англия со сво-

им японским союзом); или когда более чем близкое к внешнему завершению паниндийское пространственное образование Восточной и Южной Африки, которое виделось как Индийская Америка и мечтам о котором предавалось полмиллиона переселившихся туда индийцев, было втянуто в тихоокеанский и австрало-азиатский островной мир.

Разрушающе действовало также преходящее имперское образование царской России на северном побережье Тихого океана, которая стремилась превратить Окраинное море (Берингово море) в закрытое русское море — в mare clausum и еще в первой трети XIX в., дабы преградить англосаксам доступ к тихоокеанскому побережью Северной Америки, заключила с испанской Южной и Центральной Америкой договоры, которые перекрывали Золотые ворота Сан-Франциско...

Главными выразителями развития панокеанского мышления являются северогерманцы (норманны, англы, саксы) и малай-монголы, или малай-полинезийцы. Только сменявшие друг друга и (как сказал бы Ратцель) скорее прибрежные и талассийские, чем океанские, вносят свою долю финикийцы, эллины, римляне и романские народы, иберы, а затем французы; арабы (плавая в своем индоокеанском регионе от китайцев и обратно) совершенствуют то, что адмирал Баллард в своей книге «The rulers of the Indian Ocean» («Властители Индийского океана») описал как идеологию Индийского океана, а ранее ею поочередно овладевали иберы [испанцы и португальцы], голландцы, французы, британцы; в «Тангалоа» — учении полинезийцев, в японском мифе о происхождении синто для нас сохранились лишь остатки того, насколько сильным было океанское влияние на все мышление и восприятие народов восточноазиатской островной дуги — архипелага Южного моря до того, как туда

проникла белая раса. Потребовалось длительное время, пока они не пришли в себя после такого потрясения и не вернулись к своей первоначальной геополитике; и началом этого, видимо, является поворот японской политики вовне, ее медленный подъем от неудачи, вызванной насильственным взломом самоизоляции Японии североамериканцами (1854), к победе над северотихоокеанской Российской империей (1905)…

Итак, мы видим, что между борьбой паназиатской идеи в советской окраске со скрытым за ней всероссийским империализмом, хотя и в экономико-политическом одеянии, и между старым колониальным мышлением рассеянных заморских имперских образований нынешних колониальных держав более раннего образца, а также пантихоокеанской культурной политикой Соединенных Штатов в известной мере вклинивается вышедшее из более ранних панидей более крупное имперское мышление муссонных стран — великокитайское, паниндийское, а также великояпонское. При этом приходит конец представлению о непривлекательных, непригодных для проживания зонах на самых разных широтах: на самый дальний Север тянется желательная для русских граница, доставляя беспокойство американским проектам железной дороги от Аляски в Северную Сибирь, как и в Маньчжурию. Менее далеко на Север простирается уже граница панидей у китайцев, которая охватывала как раз и долину Амура. Еще менее далеко на Север распространяется японская панидея, которая вплоть до настоящего времени все еще инициирует весьма несовершенную колонизацию и освоение северных островов собственной островной дуги в результате соперничества с надвигающимися в северную часть Тихого океана континентальными панидеями. Индийское движение уже полностью останавливается

на Гималаях и на линии их северных альпийских видов растительности, не переставая мечтать о прорыве в туркменский хлопковый пояс, но не подчеркивая этого. Здесь, следовательно, были бы возможны естественные разграничения, наименее убедительные в Маньчжурии, где Японии и Советам еще предстоит разобраться с линией границы...

Разумеется, после чудовищного поражения, которое нанесли континентальным идеям (не только центральноевропейских держав, но и России и косвенно Китая — требование Японии!) господствующие на морях океанские державы, отличающиеся большей выносливостью и экономической энергией, когда империя Индийского моря, имевшая отношение к этому потрясающему успеху, казалась, видимо, наградой британского соучастника (этим восхищались и немецкие авторы [Дикс, Вючке и др.] как приобретению пространства и власти), последовал смертельный удар по идее империи Индийского моря из крошечного по сравнению с мировой империей сухопутного пространства Центральной Азии — из Афганистана...

Как представляется, важным спорным пунктом является, однако, преобладают ли централистские или федералистские главные черты в структуре, в образовании панидей, и тут кроется пр»епятствие в строительстве фундамента: идеолог обожествления государства — по самой своей природе централист! Затем, во всяком случае, следует, по его мнению, «децентрализованное единое государство» — contradictio in adjecto — противоречие в самом себе, которое сталкивается с огромными практическими помехами, коренящимися в повадках и своенравии человеческой натуры. И все же в так называемом территориальном вопросе (Landerfrage) имеется богатый опыт Великого Китая, США, Австралийского сообщества, Британского

имперского объединения (которое движется в направлении, противоположном централизму), Советского Союза; и, строго говоря, факт состоит в том, что, во всяком случае, все эти планетарные образования в пространственном оформлении складывались по необходимости как федералистские, а сама Лига Наций и инициативы Бриана по созданию Соединенных Штатов Европы были также задуманы на основе ясно выраженного федералистского принципа...

Но в упоминавшемся американском панвоззрении воплощается континентальная панидея, идея «Нового Света», и охватывающая Океан, в лучшем смысле «тихоокеанская» культурно-политическая и хозяйственно-политическая [панидея] в более высоком единстве, представляющем собой большую часть земного шара, надстроенную двумя его важнейшими, наиболее замкнутыми едиными пространствами. Ясно, что носителям столь крупнопространственных надежд жертва далась бы с большим трудом; и, во всяком случае, показательно, что все государства, либо еще не присоединившиеся к Лиге Наций, либо безразличные к ней, уже при малейших разногласиях угрожавшие выходом из нее, либо отказывавшиеся платить свои взносы, короче говоря, питавшие к ней ничтожную степень привязанности, — за исключением Бразилии, — это все основные области, расположенные вокруг пантихоокеанского силового поля: Соединенные Штаты Америки, Советский Союз, Китай, Мексика, Япония, Австралия, Перу, Боливия, Эквадор и некоторые государства Центральной Америки — вероятно, с неосознанным, а некоторые наверняка с глубоко осознанным чувством особого права (Reservatgefühlen) в пользу иных возможностей панобъединений, которыми они не хотели просто пожертвовать.

С этой имманентной силой двух самых крупнопространственных и мощнейших панидей должна будет, следовательно, считаться Лига Наций, как и Пан-Европа, и, вероятно, смириться с ограничениями своего влияния в будущем...

Однако далеко превосходящая по жизнеспособности все три, занятая контригрой с огромным по численности населением, становящимся революционным, с советской идеей, с одной стороны, связанная со стремлением к самоуправлению миллиарда жителей муссонных стран — с другой, — такова паназиатская идея; и культурно-политическая, явно искусственно вызванная, но геополитически обоснованная пантихоокеанская компромиссная идея. На их пересечениях народятся в будущем крупные политические и социологические движения человечества, здесь сконцентрированы самые большие культурно-политические задачи столетия, а именно интеграция древней азиатской культуры в мировую культуру и повторное включение 22 млн кв. км русских земель в мировое хозяйство...

Нельзя при этом допустить, чтобы эта часть панобъединений оказалась под влиянием — по-разному манипулирующих теорией и практикой — идеологии Советского Союза или лицемерия англосаксов! На все вновь и вновь декларируемый и так мало соблюдаемый нравственный уровень этих владеющих огромными пространствами земли ростовщиков (22, 36,3 или, быть может, 30,2 млн кв. км плохо ухоженных, в значительной мере малозаселенных полезных площадей) Пан-Европа никогда не могла бы вознестись, даже если бы она разместилась на 26,5 млн кв. км с пришедшими к согласию 430 млн населения, как полагает Куденхове-Калерги. Вероятно, должно быть не более 4,5 млн кв. км! Но нужно было бы — при четком деловом контроле столь безобидных набросков, как карта

Пан-Европы, — исследовать, где пространства действительно нуждаются в развитии с помощью чужеземных сил, чтобы выполнить свои обязанности по использованию земли, или где гнев, вызванный подавлением права на самоопределение, как, например, в Индонезии, Индокитае, рецидив естественного длительного натиска вопреки ее природе на 11,78 млн кв. км якобы 408 млн населения (в действительности 540!!) ужатой Восточной Азии такое совместное использование обременяет ответственностями, которые станут скорее еще большей обузой в будущем, чем какой-либо нынешней выгодой, и угрожающие динамические переоценки напрашиваются сами собой. В этом вопросе в отношении Пан-Европы сразу же началась бы географическая критика в стиле той, которой упражнялись на тихоокеанских встречах...

Карл Хаусхофер

«Континентальный блок. Срединная Европа — Евразия — Япония», 1940 год (выдержки)

При возникновении важных политических образований противник часто уже на ранних этапах инстинктивно чувствует грозящую ему опасность, проявляя тонкое чутье на расстоянии, которое выдающийся японский социолог Уэхара приписывает всему своему народу. Подобное национальное своеобразие весьма ценно. Всякий изумится, узнав, что первыми, кто увидел забрезжившую угрозу такого континентального блока для англосаксонского мирового господства, были авторитетные англичане и американцы, в то время как мы сами, даже во Второй империи, еще долго не имели представления о том, какие возможности могли бы возникнуть на основе свя-

зей Центральной Европы с ведущей державой Восточной Азии [т. е. Японией] через необъятную Евразию. Один из преуспевающих и могущественных империалистических политиков, лорд Пальмерстон, в момент кризиса кабинета, приведшего к его отставке, первым возразил премьер-министру [Джону Расселу]: как ни неприятны были бы теперь отношения с Францией, мы должны их поддерживать, ибо на заднем плане угрожает Россия, которая может связать Европу и Восточную Азию, а одни мы не можем этому противостоять. Эти слова были сказаны в 1851 году, когда викторианская Англия переживала блестящий расцвет, когда Соединенные Штаты, преодолев основательный внутренний кризис, впервые вычеканили жесткую формулу — «политика анаконды», и мы должны ее хорошо усвоить, ибо это весьма неприглядная картина: гигантская, способная удушить змея до тех пор обвивает другое живое существо, пока не переломает ему все кости, не давая своей жертве свободно дышать. Если представить себе оказавшееся перед такой угрозой пространственное тело Старого Света, то становится ясно, каким же большим и мощным оно должно быть, чтобы «политика анаконды» дала осечку. Из эпохи расцвета викторианской мировой империи снова доносится предостерегающий голос другого империалиста, Гомера Ли, — автора знаменитой книги о мировых делах англосаксов. В этой книге относительно мнимого расцвета Британской мировой империи можно прочитать, что тот день, когда Германия, Россия и Япония объединятся, будет днем, определяющим судьбу англоязычной мировой державы, гибелью богов…

Через всю эпоху процветания Британской империи проходит этот жуткий страх перед единственной в своем роде связью, вызывающей ощущение, что силы блокады и изоляции —

эти поразительно управляемые искусства, каковыми мастерски владела еще средневековая Венеция, — могли быть обречены на провал в противостоянии с крупным образованием. Самое сильное предупреждение в наше время исходит от сэра Хэлфорда Макиндера, который в 1904 году написал сочинение относительно «географической оси истории». В его представлении это огромная степная империя, центральная часть Старого Света, все равно кем бы она ни управлялась: персами, монголами, великотюрками, белыми или красными царями. В 1919 году он предостерег в очередной раз, предложив посредством переселения из Восточной Пруссии на левый берег Вислы навсегда разделить немцев и русских. А за несколько дней до молниеносного наступления в Польше в «New Statesman» было выдвинуто обвинение против узкого круга геополитиков, будто мы из его кузницы извлекли самые эффективные инструменты, которые служат расшатыванию Британской империи и [британского] империализма. Мы можем быть довольны тем, что умеем использовать такие инструменты в целях нашей обороны, особенно когда противная сторона строит нам козни. Сказанное можно дополнить беседой со старым Чемберленом, предвидевшим опасность того, что в конечном счете Англия принудит Германию, Россию и Японию к совместному сопротивлению за необходимые им жизненные условия, и поэтому высказался за англо-германо-японское сотрудничество. Еще в 1919 году, когда мы были разоружены, а потому казались неопасными, подобный страх перед германо-русским сотрудничеством инициировал предложение посредством крупномасштабного переселения из Восточной Пруссии на запад от Вислы сделать так, чтобы Германия и Россия больше не имели общих границ. Большое разочарование у Макиндера и его

школы вызвал Рапалльский договор. Так, через всю историю Британской империи проходит уже с самого начала узнаваемо, а позже все яснее — чем больше ее лидеры утрачивали былой кругозор и умение смотреть фактам в лицо — становящийся все более острым страх перед тем, что могла означать для нее такая континентальная политика Старого Света. Но «страх и ненависть — плохие советчики!».

Подобные симптомы мы наблюдаем и в Соединенных Штатах. Один из наиболее значительных и дальновидных экономистов и политиков, Брукс Адамс, еще перед приобретением Германией Цзяочжоу указал на то, сколь опасной для растущего англизированного мира должна стать грандиозная трансконтинентальная политика железнодорожного строительства с конечными пунктами в Порт-Артуре и Циндао, посредством которой будет создано обширное германо-русско-восточноазиатское единство — то, против чего были бы бессильны любые, даже объединенные британские и американские блокирующие акции. Таким образом, мы могли бы поучиться у противника тому, о чем с радостью узнали при повторной «блокаде»: очень сильный континентальный блок способен парализовать «политику анаконды» в военно-политическом, военно-морском и экономическом отношениях.

А как смотрят ныне на дело те, кто оказался в выигрыше, чьи столь далекоидущие планы стали известными уже в момент приобретения Цзяочжоу? К стыду нашему, следует признать, что в Японии и России было намного больше, чем в Центральной Европе, умов, которые уже на рубеже веков представляли себе эту картину, эту возможность и внесли свою лепту. Как мы знаем из истории первого образования англо-японского союза — который Англии был гораздо выгоднее, чем Японии, —

восточное островное государство испытывало чувство, будто оно вступило в сделку со львом [т. е. в безрассудную сделку]. Обеспокоенная такой ситуацией, Япония позаботилась при содействии Германии установить противовес двойной мощи британского флота. Два года шли переговоры с неизменной попыткой вовлечь и Германию в союз, ибо Япония понимала, что в одиночку она не сможет возобладать над тогдашним британским морским могуществом, а это создаст одностороннюю напряженность.

«Если германский и японский флоты будут действовать совместно с русскими сухопутными силами, морская договоренность с Англией станет не сделкой со львом, а договором inter pares». Такую точку зрения высказывали дальновидные японцы, с которыми я обсуждал эту тему, но она была доказана гораздо раньше. Озабоченный комбинацией Япония — Россия — Германия, японский князь Ито отправился в путь через Петербург, но — чтобы помешать его континентальным планам — с ним сыграли неприятную шутку, изменив в его отсутствие шифровальный ключ (код), и он не мог получать новости с родины. Во Фридрихсру хотели подложить во время этого визита контрмину под англо-японский союз. Уже оттуда в 1901/02 году картина возможностей была ясна, и она основательно изучалась в Японии. В 1909 и 1910 годах об этом говорили уже довольно открыто. Нашим отличным посредником в установлении контактов с высокопоставленными японскими кругами — с князем Ито, с наиболее разумным членом свиты графом Гото, с тогдашним премьер-министром Кацурой, с наиболее влиятельными и авторитетными лицами в кругах генро — был личный врач японского двора Эрвин фон Бельц из Вюртемберга, превосходный знаток Дальнего Востока, пользовавшийся особым

доверием. Но когда он захотел выступить на конгрессе немецких врачей с докладом о психических и физических особенностях японцев, председатель конгресса заявил, что подобная тема не представляет интереса! По-иному обошлась бы Англия с человеком, принадлежавшим к личным советникам микадо. Однако для нас беседы на такие темы обычно заканчивались ссылкой на то, что германский императорский дом испытывает, к сожалению, непреодолимую неприязнь к сотрудничеству с Дальним Востоком. Это всегда означало: европейцы, храните свои священные блага! Ведь свободе и равенству прав европейцев желтая раса угрожала меньше, чем представители находившейся рядом с нами белой расы.

Важнейшим промежуточным звеном в этой большой политике была Россия. Здесь был главный носитель замыслов, имевший немецкие корни, Витте — создатель Транссибирской железной дороги, один из выдающихся русских министров финансов. Во время [Первой мировой] войны он ратовал за сепаратный мир с Германией и затем в 1915 году умер или был умерщвлен при загадочных обстоятельствах. В России всегда существовало направление, понимавшее пользу и возможности германо-русско-японского сотрудничества. И когда после войны один из наших наиболее значительных и страстных политических умов, Брокдорф-Ранцау, захотел вновь ухватиться за нить и я был причастен к этому, то с русской стороны такую линию распознали две личности, с которыми и пытались готовить для нее почву. Итак, надо было переломить в себе многое, желая сблизить политические интересы японцев и русских в поисках благоразумного пограничного урегулирования и через него обеспечить свободный тыл на других направлениях политической деятельности. Тот, кто участвовал в этой игре, дол-

жен был смириться с обстановкой: ночами напролет находиться в помещениях, усеянных окурками сигарет и залитых чаем, вести изощренные дискуссии в духе древних каверз, которыми изобиловала каждая такая беседа. Казалось, еще два-три часа дискуссии — и суть дела будет ясна, но диалектика снова брала верх, и снова три часа подряд противник, прибегая к тому же способу обсуждения, утомлял и усыплял.

Во времена Второй империи мы слишком лояльно противостояли британской колониальной политике, исходя из жестких и здравых геополитических возможностей союза с отдаленным зарубежьем и полагая, что они приведут к благополучному концу. Они обусловливали необходимость двойного нажима. Вторая империя отказалась от этого. Здесь таилась огромная опасность.

Сегодня мы знаем: можно построить очень смелые конструкции из стали, если их фундамент устойчив и надежен, если важнейшие несущие опоры тоже из настоящей прочной стали, эластичной и упругой, но все же пружинящей на концах, а сама структура конструкции настолько устойчива, что ни один камень, ни один шарнир не тронется с места. Такая конструкция, естественно, обладает в условиях мировой бури совсем иной прочностью — если к тому же под нее будет подведен солидный фундамент, подобный новым мостам, сооружаемым нашим дорожным ведомством, представляя собой надежный блок, охватывающий пространство от Балтийского и Черного морей до Тихого океана.

Мы весьма трезво расцениваем шансы Германии в такой континентальной политике. Один из шансов был упущен во время контактов Ито с Бисмарком. Схожую попытку предпринял в отношении Тирпица начальник Генерального штаба

Цусимского флота адмирал Като. В том же направлении шли и мои скромные попытки. Предпосылкой для всех нас, занятых этим важным делом на благо всего Старого Света, было германо-японское взаимопонимание.

Японский государственный деятель Гото говорил мне: «Вспомните о русской тройке. В ней над санями вы видите большую дуговую упряжь с бубенцами, а в центре идет крепкий, норовистый и вспыльчивый конь, выкладывающийся больше всех, но справа и слева бегут две лошади, которые сдерживают коня посредине, и такая тройка в состоянии ехать». Заглянув в атлас Старого Света, мы отмечаем, что такую тройку образуют три окраинных моря. Одно из них, политически очень близкое к нам именно сейчас, — Балтийское море, его морское пространство; второе, гораздо более выгодное его сопредельным владельцам, чем нам Балтийское море, — Японское море; и третье, которым завладела Италия, — замкнутая с юга Адриатика с ее влиянием на Восточное Средиземноморье. Все эти окраинные моря расположены перед важнейшими для России выходами в открытое море. Что же касается ее выхода на Крайнем Севере, то его использование зависит от капризов теплого атлантического течения Гольфстрим.

Обладающие надежным инстинктом японцы последовательно удерживали в тактике охвата моря регион пункта, пригодного для выхода русских, — Владивосток, оказывая едва заметное дружественное воздействие вокруг, т. е. поступали совсем иначе, чем германцы в Балтийском море — их расовой колыбели, их родовом пространстве.

Еще в 1935 году мы предприняли в Швеции нечеловеческие усилия, пытаясь переубедить самоуверенные, убежденные в своей правоте социал-демократические правительства в Сток-

гольме и Осло, что их жизнь под эгидой Лиги Наций не столь уж безопасна, как это кажется, и что им самим следует кое-что сделать для защиты своего обширного пространства и в этом они встретят полное понимание с нашей стороны. Однако наши усилия были напрасны. Предложенные пакты о ненападении не были приняты, и в таком смысле пространство Балтийского моря виделось немцам куда менее благоприятным, чем Японское море — японцам. Виновата в этом отчасти преимущественно социал-демократическая идеология северных правительств, которой недостает инстинкта безопасности в отношении жестких геополитических фактов. Разумеется, лишь немногие в Швеции полностью понимали грядущие угрозы и возможности. И когда немецкие политики осознали, что не найдут в этом направлении у авторитетных шведских и норвежских правительственных кругов взаимности, дабы смягчить или задержать ряд неприятных явлений, они по необходимости избрали курс большой континентальной политики, невзирая на то что были пущены по ветру все предпринимавшиеся дружественные попытки: ведь ради одиночного аутсайдера мы не могли угрожать «тройке», способной вытащить Старый Свет из «петли анаконды».

Впрочем, поиски японско-русского согласия как предпосылки такой грандиозной континентальной политики тоже не новы. Они начались, собственно говоря, уже в 1901—1902 годах. После Русско-японской войны, когда я в 1909 и 1910 годах был в Японии, попытки вновь оживились в контактах с Ито как носителем таких идей. В то время Соединенные Штаты сделали необычное заявление: чтобы устранить главные трудности в отношениях между Китаем, Японией и Россией, они предложили выкупить все железные дороги Маньчжурии и пере-

дать их во владение американскому капиталу, сближая таким способом русских и японцев. В колеблющемся общественном мнении Японии это понимают так: железной рукой в бархатных перчатках легче надеть узду на жеребца. Особые стремления затем проявила Италия. Для этой роли здесь пригодился Ричарди, вдохновивший Муссолини идеей создания Института Среднего и Дальнего Востока, посредством которого хотели осторожно взять на политический поводок самые ценные культурные круги Китая и Японии. На это не тратили больших финансовых средств, но зато Институту был передан один из роскошных дворцов эпохи Ренессанса. Риму свойственно особо впечатляющее умение убеждать. Институтом Среднего и Дальнего Востока управляют сенатор Джентиле, эрцгерцог Туччи и герцог Аварнский, сын бывшего посла при Венском императорском дворе. Обладающие трезвым умом, эти руководители проделали отличную работу, воздействующую на общественную психологию; не особенно углубляясь в сферу филологии, они занимались активной, в высшей степени важной и близкой народу культурной политикой, умело используя при этом длинный поводок.

Из самых недавних подготовительных попыток следует отметить большую роль графа Мушакодзи и хорошо известного барона Ошима. Мы знаем, что на протяжении всей войны с Китаем Япония сражалась лишь одной левой рукой, а правая постоянно находилась наготове в виде сильной резервной армии [Квантунской армии] в Маньчжурии. В результате этого были связаны силы, чья длительная скованность была нам не по душе. Урегулирование на границе произошло отчасти при весьма искусном приспособлении к обстоятельствам. Здесь имел место, к примеру, инцидент в Монголии, где японцы и

русские пять месяцев вели ожесточенные бои, сопровождавшиеся большими потерями. В то время обе воюющие стороны одновременно получили приказы — одна из Москвы, другая из Токио — положить конец распрям. Затем состоялась впечатляющая церемония, когда в чисто японской традиции на ранее оспариваемом пространстве проводился совместный ритуал поминовения душ павших воинов, во время которого, — несмотря на его религиозный характер и мировоззренческую несовместимость, — присутствовавший там советский генерал Потапов вел себя безукоризненно. Японцы обставили ритуал как явление высшего психологического порядка. Во главе войск, маршировавших по полю с развернутыми знаменами к алтарю, шел убеленный сединами командующий. Каждый японец непреклонен в убеждении, что души павших воинов присутствуют в этот момент около алтаря, внимая посланию императора. Свидетельством чести советского генерала и сопровождавших его офицеров является выдающееся умение приспособиться к обстоятельствам, сохранить приличия, вынести столь длительную церемонию. Недопустимо, чтобы ее участники повернулись спиной к духам; они должны были отходить на значительное расстояние от алтаря, повернувшись к нему лицом. Было бы кощунством повернуться спиной к мысленно присутствующим духам предков. Этот проникнутый абсолютной верой ритуал, в высшей степени интересный и убедительный с точки зрения психологии народа, произвел глубокое впечатление на присутствующих, умудренных большим опытом в международных делах. Они могли также убедиться, что здесь весь народ без исключения твердо верит в переселение душ, в то, что благодаря подобающим поступкам на благо Отчизны во время короткого земного существования в загробной жизни можно разместить-

ся наверху, а из-за промахов упасть вниз. Чувство, что весь народ — за исключением немногих вольнодумцев, стремящихся скрыть свои ощущения, — проникнут таким убеждением, дает ему невиданную силу, сплоченность, готовность к самопожертвованию. Наконец, в трансконтинентальном соединении в силу мировой политической необходимости геополитика с ее безмерно достигаемыми и достижимыми пространственно-политическими преимуществами преодолела идеологическое сопротивление. Такому ходу событий помогла и даже толкала к нему не в последнюю очередь двойная игра британской политики. Хилая линия европейского сотрудничества была поддержана лордом Галифаксом, вероятно, для вида, намного более сильная при противниках Чемберлена подготовила войну, и она до тех пор оттягивалась, пока вооружение не продвинулось достаточно далеко...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Bavarian Generals: Karl Haushofer, Rupprecht, Crown Prince of Bavaria, Franz Ritter Von Epp, Jakob Von Washington, Felix Graf Von Bothmer. General Books LLC, 2010. 162 S.

Goodrick-Clarke, Nicholas. Occult Roots of Nazism: Secret Aryan Cults and Their Influence on Nazi Ideology. NYU Press, 1993. 294 S.

Görtemaker, Manfred. Britain and Germany in the twentieth century. Berg Publishers, 2006. 226 S.

Haushofer, Karl, Jacobsen, Hans Adolf. Karl Haushofer: Lebensweg 1869—1946 und ausgewählte Texte zur Geopolitik: Harald Boldt Verlag, 1979. 660 S.

Haushofer, Karl. Ausgewewälter Schriftwechsel& 1917—1946. Harald Boldt Verlag, 1979. 629 S.

Haushofer, Karl. Weltpolitik von heute: Mit 114 abbildungen und 57 karten. Zeitgesch.-Verl.- u. Vertrieb-Ges., 1934. 269 S.

Hoffmann, Peter. The history of the German resistance, 1933—1945. McGill-Queen's Press — MQUP, 1996. 853 S.

Kater, Michael H. Das'Ahnenerbe'der SS 1935—1945: Ein Beitrag zur Kulturpolitik des dritten Reiches. Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2006. 529 S.

Mohler, Armin. Die konservative Revolution in Deutschland: 1918—1932. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1972. 554 S.

Occultists: Simon Magus, August Strindberg, Apollonius of Tyana, Rudolf Ii, Holy Roman Emperor, Robert Fludd, Karl Haushofer. General Books LLC, 2010. 320 S.

Rose, Detlev. Die Thule-Gesellschaft: Legende — Mythos — Wirklichkeit. Institut für Deutsche Nachkriegsgeschichte. Grabert, 2000. 284 S.

Shamsi, Nayyar. Encyclopaedia of Political Geography. Anmol Publications PVT. LTD., 2006. 1278 S.

Sprengel, Rainer. Kritik der Geopolitik: ein deutscher Diskurs, 1914—1944. Akademie Verlag, 1996. 233 S.

Wangler, Julian. Die Geopolitik Friedrich Ratzels und Karl Haushofers- Eine Kontinuitätslinie zur Hitler-Ideologie? GRIN Verlag, 2007. 28 S.

Дугин. А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 1999. 928 с.

Западноевропейская поэзия XX века. Библиотека Всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1977. 848 с.

Исаев Б.А. Геополитика: Учебное пособие. СПб.: Издательский дом «Питер», 2005. 378 с.

Молодяков В.Э. Несостоявшаяся осень: Берлин—Москва—Токио. М.: Вече, 2004. 480 с.

Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. Изд-во «Либриком», 2011. 58 с.

Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.

Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 320 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

History files

Васильченко Андрей Вячеславович

СУМРАЧНЫЙ ГЕНИЙ III РЕЙХА.
КАРЛ ХАУСХОФЕР. ЧЕЛОВЕК, СТОЯВШИЙ ЗА ГИТЛЕРОМ

Выпускающий редактор *А.А. Скороход*
Корректор *О.Б. Бубликова*
Верстка *И.М. Сорокина*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 10.07.2013. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 9,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 1799.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

Жизнь Карла Хаусхофера была в равной мере загадочной и трагичной. Хотя бы по этой причине она обрастала огромным количеством мифов. Баварский кадровый офицер фактически создал новую научную дисциплину — геополитику. Сейчас ее изучают во многих российских университетах, хотя еще недавно она считалась «реакционной концепцией, использующей извращенно истолкованные данные физической и экономической географии для обоснования и пропаганды агрессивной политики империалистических государств». Жизнь Карла Хаусхофера пришлась на перелом эпох — он был свидетелем гибели и трансформации многих государств. Принципиальный сторонник континентальной политики, он выступал за тактический союз Германии, России и Японии. Однако на Западе его предпочли провозгласить «учителем Гитлера», хотя Хаусхофер не был нацистом и всего лишь несколько раз встречался с фюрером. Парадоксальные выводы, сделанные в научных работах, смелые геополитические проекты и трагическая гибель — все заставляет заполнять пробелы в биографии Хаусхофера выдумками и домыслами. В книге историка Андрея Васильченко приводится не только первое отечественное жизнеописание создателя геополитики, но и никогда не публиковавшаяся ранее на русском языке переписка Хаусхофера и Рудольфа Гесса, заместителя фюрера по партии.

HISTORY FILES

